

ЛОНДОН

ГОРОД ПАРКОВ И ДВОРЦОВ

И.И. Донскова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ®

С 2001 года издательство **«Вече»** выпускает книги серии **«Исторический путеводитель»** — уникальное научно-популярное издание для туристов, путешественников и любителей истории, географии, экономики.

Серия «Исторический путеводитель»:

лауреат премии «Лидер российского турбизнеса» за 2001 г.,
отмечена дипломом IV Международного форума «Путешествие за здоровьем» за
успешное раскрытие темы «Путешествие за здоровьем» — 2002 г.,
награждена дипломом V Международного форума «Путешествие за здоровьем»
за пропаганду путешествий за здоровьем — 2003 г.,

награждена дипломом конкурса «Хрустальная ладья» ГАО Москва как «Лучший
партнер 2004 года по информационному обеспечению гостиничного дела»,

лауреат специальной премии «Хрустальная ладья» ГАО Москва — 2005 г.
«За многолетнюю плодотворную деятельность по информационной поддержке
гостинично-туристического комплекса»,

лауреат Национальной туристической премии им. Ю. Сенкевича — 2009 г.
за лучшую публикацию о туризме и путешествиях по России;

лауреат шестого Всероссийского конкурса региональной «Краеведческой
литературы» «Малая Родина» за 2010 год, проводимый Федеральным агентством
по печати и массовым коммуникациям;

а также отмечена:

в 2009 г. Почетной грамотой Посольства Венгерской Республики
в Российской Федерации;

благодарственным письмом посольства Социалистической Республики
Шри-Ланка в Российской Федерации «За большую и ответственную работу
по выпуску «Исторического путеводителя» по Шри-Ланке.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ®

И.И. Донскова

ЛОНДОН

ГОРОД ПАРКОВ
И ДВОРЦОВ

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 26.89+63.3(4Вел)
Д67

В оформлении книги использованы фотографии
И.И. Донсковой, С.Н. Дмитриева, И.В. Осанова, С.М. Бурьгина,
а также из архива издательства «Вече»

Донскова, И.И.
Д67 Лондон. Город парков и дворцов / И.И. Донскова. —
М. : Вече, 2015. — 384 с. : ил. / Автор идеи и проекта
С.М. Бурьгин. — (Исторический путеводитель).

ISBN 978-5-4444-3599-1

Знак информационной поддержки **12+**

Когда и кем был основан Лондон? Что скрыто в его мощном и
звучном, похожем на гул колокола собора Святого Павла имени? По-
чему сами колокольные башни собора украшены золотыми ананасами?
Какое послание потомкам зашифровано создателями мозаичного пола
в алтарной части Вестминстерского аббатства?

Ответы на эти и множество других вопросов вы найдете на стра-
ницах нашего путеводителя, где мы вместе прогуляемся по старинным
улицам Лондона — настоящим «театральным декорациям» под откры-
тым небом, прикоснемся к магии коронации, тайнам и сокровищам
лондонских дворцов, домов и музеев. Пройдемся по следам Шерлока
Холмса, окунемся в торговый рай Лондона и тайны его подземки, по-
любимся «ахматовской мозаикой» в Национальной галерее и ликом
юного Петра I на портрете Кнеллера в Кенсингтонском дворце.

УДК 94(47)
ББК 26.89+63.3(4Вел)

ISBN 978-5-4444-3599-1

© Бурьгин С.М., автор идеи и проекта, 2015
© Донскова И.И., 2015
© ООО «Издательство «Вече», 2015

ОТ АВТОРА

Мое первое знакомство с Лондоном состоялось в туманном феврале 1996 года — трудно передать то, что чувствуешь, когда знакомые тебе до мельчайших черточек из учебников и книг достопримечательности вдруг оживают перед твоими глазами и маршируют стройными рядами, когда стоишь у подножия Биг-Бена и не веришь своим глазам — неужели это Он? А я рядом с ним? И нависающий над тобой элегантный красавец, словно читая мысли, вдруг развеет все сомнения своим гулким колокольным баритоном...

А потом, пройдя через летние туристические нашествия, муравейник Оксфорд-стрит в сезон распродаж, многоликую и разноголосую толпу в переполненном метро, будешь с удивлением вспоминать тот аристократический февральский Лондон, настоящий, английский, словно декорации для исторического сериала — пустынная площадь перед Тауэром, пустынен ночной Сити и гулкие переходы подземки — удивительное, обманчивое ощущение того, что город на твоей ладони и ты его знаешь...

И только потом, раз за разом, он будет постепенно проявляться перед тобой — как проявляется негатив перед глазами трепещущего от ожидания фотографа — все краски и полутона, все его задние дворики и боковые улочки, музеи и музейчики, частные коллекции не из каждого путеводителя — одним словом, сокровища, скрытые от глаз непритязательных туристов.

Я, конечно же, не буду оригинальна, если скажу, что я люблю Лондон. Люблю его за старину и глубину — недаром когда-то здесь плескались океанские волны, а теперь можно с упоением перелистывать страницы двухтысячелет-

Автор книги И.И. Донскова

него фолианта — глава Римская, Саксонская, Средневековая, Якобитская, Георгианская и Викторианская, Современная и с прицелом в будущее...

Люблю его за десятки непересекающихся жизней, так удивительно органично и гармонично сосуществующих в этом огромном мегаполисе, который, несмотря на всю свою мощь и размах, может быть удивительно домашним и уютным. За его очаровательные секретные деревушки

Старого Найтсбриджа, Кенсингтона, Хемпстеда, Пиккадилли, Челси и Клеркенвелла — настоящего Зазеркалья современного Лондона, где так обманчиво кажется, что ты очутился на сельских улочках рыбацкого Корнуолла, где есть еще непроторенные лесные тропки, газовые фонари и мощенные булыжником мостовые, а сияющий огнями Хэрродс и гудящая, как улей, Бромптон-роуд в миллионе миль отсюда...

Люблю его за старинные пабы, разбросанные по темным аллеям, как драгоценности на смятом бархате, за мистику и загадку, королевскую статью, за неповторимый стиль, энергичность и неспешность, за литературный Блумсбери и театральный Ковент-Гарден, за созвездие великих имен, блистающих на его небосклоне — Шекспир и Диккенс, доктор Джонсон и Вирджиния Вульф, Бернард Шоу и Оскар

Уайльд, Нельсон, Черчилль, Битлз... Люблю его величавую и степенную Темзу, зелень парков и любопытных пеликанов, февральские фиалки на клумбах и буйную апрельскую пену цветения в садах и во дворах, когда воздух чист и прозрачен, как слеза младенца, а розовые лепестки танцуют с ветром на мостовой...

И, собственно говоря, именно поэтому и появилась эта книга — мое скромное признание в любви этому удивительному, вечному и неисчерпаемому городу.

Итак, дорогой читатель, начинаем!

ЛОНДОН — ПРОНИКНОВЕНИЕ В СУТЬ...

И город, где цветет туман,
Стал навсегда своим и милым...

Глеб Струве.

Стихи о Лондоне, 1923 г.

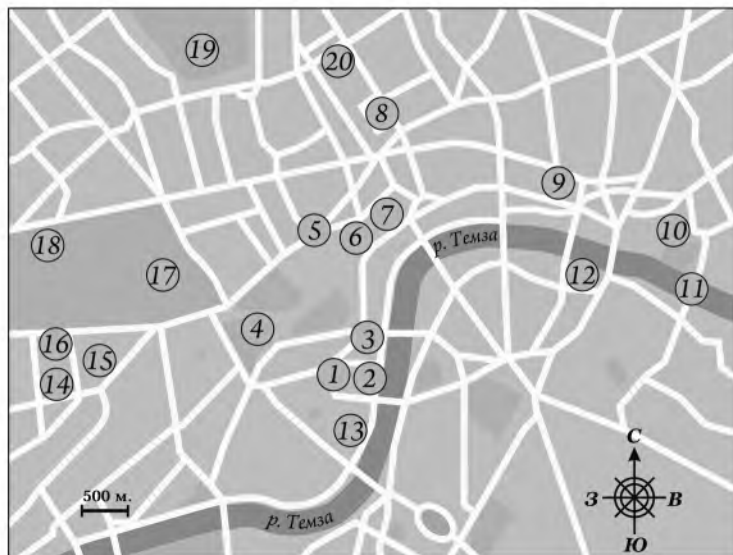
ВЕЛИКАЯ МОЗАИКА

Начну с того, что писать о Лондоне — сложно. Вернее, не столько писать, сколько сказать о нем что-то новое. Столько великих людей писали и переписывали его биографию, что, пожалуй, не так уж и много найдется в мире человек, чья судьба была бы столь скрупулезно изучена с самого первого вздоха на этой земле.

И все же писать о Лондоне можно бесконечно — по истине, он неисчерпаем. Он — удивительнейшая мозаика: каждый кусочек самобытен и неповторим, каждый вписан в историю — страны, города, чей-то судьбы. Однако все вместе они удивительно гармонично сочетаются и составляют единое великое целое...

Легенды и мифы, предания старины и гости из прошлого, соборы, дворцы и подземелья, богемные кварталы, сады и парки, королевские сокровища и трущобы, необычные музеи, чудаки и эксцентрики, великие люди, оставившие свой след в Лондоне и Лондон, оставивший свой след в сердцах миллионов...

Для кого-то, как для Герберта Уэллса, — «самый интересный, самый красивый, самый удивительный город в мире».

Исторический центр Лондона и его основные достопримечательности:

1. Вестминстерское аббатство. 2. Парламент. 3. Биг-Бен.
4. Букингемский дворец. 5. Площадь Пиккадилли.
6. Трафальгарская площадь. 7. Церковь Святого Мартина-на-Полях.
8. Британский музей. 9. Церковь Святого Павла.
10. Лондонский Тауэр. 11. Тауэрский мост.
12. Кафедральный собор Саутворка. 13. Галерея Тейт.
14. Музей науки. 15. Музей Виктории и Альберта. 16. Альберт-холл.
17. Гайд-парк. 18. Кенсингтонские сады. 19. Риджентс-парк.
20. Лондонский университет

Для кого-то, как для Макена, загадочный и величественный: «Лондон смутно высился передо мной, полный чудес, таинственный, как ассирийский Вавилон, и настолько же богатый вещами неслыханными, великими откровениями».

Макену вторит Энгельс, который находил Лондон необъятным и неисчерпаемым: «Такой город, как Лондон, по которому бродишь часами, не видя ему конца...представляет собой нечто совсем особенное».

Герцену же Лондон виделся прибежищем сильных духом и самодостаточных людей: *«Нет города в мире, который бы больше отучал от людей и больше приучал бы к одиночеству, как Лондон. Кто умеет жить один, тому нечего бояться лондонской скуки. Здешняя жизнь, точно так же, как и здешний воздух вредна слабому, хилому, ищущему опоры вне себя, ищущему привет, участие, внимание...»*

И все-таки это взгляд со стороны. Что же говорят про свой город великие лондонцы? Для Вирджинии Вульф, например, Лондон предстával «роем огней, над которым висел бледно-желтый полог. То были огни больших театров, огни протяженных улиц, огни, обозначавшие громадные кварталы домашнего уюта, — огни, которые возносились высоко над землей. Никакая тьма не опустится на эти светочи, как не опускалась на протяжении веков». И это истинная правда — если подлетать к Лондону на самолете поздно вечером, то можно увидеть это необычайное по своей красоте и величественности зрелище: с воздуха эти огни кажутся необъятной световой паутиной, живой, пульсирующей, манящей и завораживающей.

Он действительно такой — многогранный, неисчерпаемый, противоречивый и гармоничный, как сама жизнь — ибо, как гениально подметил Самюэль Джонсон: «Если вы устали от Лондона — вы устали от жизни».

Чтобы понять жизнь, ее надо прожить, чтобы понять и принять великий Город, в него надо вживаться. Тем более что такой Город, «огромный, словно океан», как писал о нем Достоевский, трудно охватить и прочувствовать сразу — кому-то достаточно первой встречи с ним, чтобы понять его величие, попасть под его чары и влюбиться навсегда, кому-то требуется время, чтобы нащупать биение его пульса и оты-

скать свой любимый кусочек мозаики, с которого начнется проникновение в его суть.

Поразительно тонко и проникновенно писала о Лондоне и Марина Цветаева: *«Когда я, несколько лет тому назад, впервые подъезжала к Лондону, он был весь во мне — полный и цельный: сразу утренний, ночной, дождевой, с факелами, с Темзой, одновременно втекающей в море и вытекающей из него, весь Лондон с Темзой aller et retour, с лордом Байроном, Диккенсом и Оскар Уайльдом — существующими, Лондон всех Карлов и Ричардов, от А до Z, весь Лондон, втиснутый в мое представление о нем, вневременное и всевременное. Когда же я приехала в Лондон, я его не узнала. Было ясное утро — но где Лондон туманов? Нужно ждать до вечера; но где Лондон факелов? В Вестминстерском аббатстве я вижу только один бок — но где оно — целиком, со всех сторон сразу? Мгновенности: места в автобусе, табачные лавки, монеты, опускаемые в отопление, случайности времяпрепровождения и собственного самочувствия, и — всюду лицо N., в моем Лондоне непредвиденного. Город на моих глазах рассыпался день за днем, час за часом рассыпался на собственные камни, из которых был построен, я ничего не узнавала, всего было слишком много, и все было четко и мелко — как близорукый, внезапно надевший очки и увидевший 3/4 лишнего. Лондон на моих глазах рассыпался — в прах. И только когда его не стало видно, отъехав от него приблизительно на час, я вновь увидела его, он стал возникать с каждым отдаляющим от него оборотом колес — весь целиком, и полнее, и стройнее; а когда я догадалась закрыть глаза, я вновь увидела его — мой, целый, с Темзой aller et retour, с Гайд-Парком, соседствующим с Вестминстерским аббатством, с королевой Елизаветой I об руку с лордом*

Байроном, Лондон единовременный, единоместный, Лондон вне- и всевременный. Конечно, это — налет. Останься я в нем, живи я в нем, без посещений Музеев и Аббатств, где-нибудь в норе, не глядя на него, но так, кругом ощущая — он бы вошел сквозь мои поры, как я в него — сквозь его, каменные. Есть три возможности познания. Первое — под веками, не глядя, все внутри, — единственное полное и верное. Второе — когда город рассыпается, не познание, а незнание, налет на чужую душу, туризм. Третье — сживание с вещью, терпение от нее, претерпевание, незанимание ею, но проникновение ею».

Так давайте же попробуем познакомиться с этим удивительным городом поближе, проникнуть в глубины его прошлого и принять налет настоящего, проникнуться им... И неважно, как будет происходить это таинство — от целого к частному или наоборот, — важно лишь то, что город со временем станет близким и любимым.

Интересные факты о Лондоне

— Лондон — столица Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Административно образует регион Англии Большой Лондон, разделенный на 32 самоуправляемых района и Сити.

— Население — 8,4 миллиона человек (2013 год), площадь — около 1580 квадратных километров.

— По количеству населения Лондон занимает 16-е место в мире и второе место в Европе. Если бы Лондон был отдельной страной в Европе, то занял бы восьмое место по площади.

— Расположен на юго-востоке острова Великобритания, на равнине Лондонского бассейна, в устье Темзы вблизи Северного моря.

— Несмотря на романтическую репутацию города дождей и туманов, Лондон — один из самых сухих городов Европы! В среднем в год в Лондоне выпадает всего 590 миллиметров осадков (для сравнения: в Риме — 760, во Флоренции — 870, в Милане — 1000).

— В Лондоне более 1000 улиц. Таксисты обязаны знать все улицы на память и проходят курс «Knowledge» длительностью 3 года.

— Каждый житель Лондона в среднем за день появляется на 50 камерах слежения и 15 фотографиях туристов, так что все на всякий случай улыбаются.

— Лондон есть не только в Англии: в США есть целых 8 городов с таким именем, также имеется Лондон в государстве Кирибати. А канадский Лондон в провинции Онтарио расположен, как и английский, на реке под названием Темза.

ИМЯ, ОПРЕДЕЛИВШЕЕ СУДЬБУ...

В общении с городом самое ценное — сокровенные минуты откровения, когда он вдруг предстает перед вами вместилищем тайн людского мира. Надо только постараться прочувствовать город, вжиться в его настроение, поймать его пульс, взглянуть на него по-новому, отбросив туристические штампы, и Он откроется перед Вами. Пусть вокруг волнуется людское море — спешат прохожие, гудят машины, хлопают двери и окна — есть только Вы и город, только Город и вы. Поверьте, ему есть, что рассказать Вам...

О да, у этого седого джентльмена с очень непростой судьбой есть немало своих «скелетов в шкафу», немало тайн и темных пятен в биографии. Широко распространена теория, что судьбу во многом определяет имя — будь то человек или город. Одна из первых тайн Лондона сокрыта в самом его названии: вслушайтесь в это слово «Лондон» — мощное, резонирующее, похожее на гул колокола собора Святого Павла. Имя, достойное великого города. Однако происхождение этого слова до сих пор остается предметом споров — можно исписать не одну страницу, перечисляя различные версии ученых мужей. Предполагается, что имя города имеет кельтское происхождение и может быть производным от *Llyn-dun* — крепость (*dun*) на озере (*Llyn*). Возможно и происхождение слова от *Laindon* (долгий холм) или от кельтского *lunnd* (болото). Весьма своеобразной можно считать версию о происхождении этого благозвучного названия от кельтского прилагательного *londos*, в переводе «свирепый».

Существуют и более поэтические версии. Например, согласно легенде во времена римского вторжения городом правил король Луд (*Lud*), приказавший проложить улицы города и заново возвести его стены. После смерти Луд был похоронен рядом с воротами, носившими его имя, а сам город стал известен как *Kaerlud* или *Kaerlundein*, то есть «город Луда».

Мне же, честно говоря, больше всего по душе версия Фрэнсиса Кросли, утверждающего, что Лондон берет свое начало от кельтского *Luan-dun* — Город Луны (недаром первым храмом на том месте, где стоит сегодня собор Св. Павла стал храм Дианы (богини Луны), в то время как Гринвич происходит от кельтского *Grian-wich*, что в переводе значит Город Солнца. Действительно, все призрачно в лунном свете, таинственно, манящее. Недаром и Лондон — преимущественно ночной

город. Как писал Джордж Гиссинг: «Ночной Лондон — вот зрелище! Рим в сравнении с ним ничто». И действительно, не так много на свете городов, которые раскрываются именно в часы правления Дианы, делают самими собой, вполне живыми — как писал об этом Ричард де Галльен:

Лондон, Лондон, наш великий восторг —
В ночи открывающийся цветок.
Великий город солнца полночного,
Чей день начинается, когда день закончен.

(перевод автора)

СНАЧАЛА БЫЛА ТЕМЗА...

Ноктюрн уснувшей Темзы сине-золотой
Аккорды пепельно-жемчужные сменили.
Тяжелый бот проплыл над сонною водой,
И тени дрогнули — безвольно отступили.

Клубами мутными сползал в реку туман,
Домов неясные вставали очертанья.
Рассвет задул огни...но чудился обман, —
И медлил бледный день вернуться из изгнания.

Оскар Уайльд. Impression du matin

Но есть и еще одна версия происхождения этого звучного слова — Лондон — Plowonida, что означает «течение, поток, разливающаяся река». Этим докельтским словом в древности могли обозначать отрезок Темзы ниже Вестминстера, где находился брод, и до ее устья. Plowonida в языке кельтов трансформировалась в Lundenjona, затем в валлийское Llundun, откуда было заимствовано римлянами как Londinium.

Итак, сначала была Темза... Река, на которой Лондон родился, его колыбель и первопричина, самая легендарная и вторая по величине (после Северна) в Великобритании. Средоточие британской истории и хранилище тайн.

«Перед нами раскрывалось устье Темзы, словно вход в бесконечный пролив.

В этом месте море и небо сливались... туман навис над низкими берегами, которые словно истаявали, сбегая к морю. Над Грейвсэндом легла тень, а дальше, вглубь, тени сгустились в унылый сумрак, застывший над самым большим и великим городом на земле.

Старая широкая река покоилась на склоне дня после многих веков верной службы людям, населявшим ее берега; она раскинулась невозмутимая и величественная, словно водный путь, ведущий к самым отдаленным уголкам земли. Мы смотрели на могучий поток и видели его не в ярком сиянии короткого дня, который загорается и угасает навеки, но в торжественном свете немеркнущих воспоминаний — воспоминаний о людях и судах, которые поднимались вверх по течению, возвращаясь домой на отдых, или спускались к морю, навстречу битвам. Река служила всем людям, которыми гордится нация, — знала всех, начиная от сэра Фрэнсиса Дрейка и кончая сэром Джоном Франклином; то были рыцари, титулованные и нетитулованные, — великие рыцари — бродяги морей. По ней ходили все суда, чьи имена, словно драгоценные камни, сверкают в ночи веков, — все суда, начиная с “Золотой лани” с круглыми боками, которая набита была сокровищами и после визита королевы выпала из славной легенды, и кончая “Эребом” и “Ужа-

сом”, стремились к иным завоеваниям и так и не пришедшими назад. Река знала суда и людей... Те, что искали золота, и те, что стремились к славе, — все они спускались по этой реке, держа меч и часто — факел, посланцы власти внутри страны, носители искры священного огня».

(Джозеф Конрад «Сердце Тьмы»)

Лондон и Темза — казалось бы, совершенно неразделимые понятия. Трудно себе представить, но примерно полмиллиона лет назад Темза протекала по другому маршруту — из Мидлэндс через Оксфордшир, поворачивая на северо-восток через Хертфордшир и Восточную Англию, где она впадала в море в районе Ипсвича. И только когда огромный ледник перекрыл ее русло, она потекла там, где впоследствии и родился Лондон.

Раскопки в районе острова Дорни на Темзе доказали существование у реки поселения 12 тысяч лет назад. Спустя еще 6 тысяч лет здесь сформировалась неолитическая докельтская культура. В конце бронзового — начале железного века, 2800 лет назад, сюда вторглись с континента племена кельтов, позже названных бриттами.

В те времена Темзу величали Темесис, что означало «темная вода». И были правы — вода в Темзе действительно очень мутная, чему, впрочем, есть вполне логичное объяснение — в пределах Лондона происходит столкновение двух течений — морского и речного, так что ил все время стоит во взвешенном состоянии.

Впервые в истории название «Темесис» приводится в «Записках о галльских войнах» Юлия Цезаря. Когда Британские острова заняли римляне, они стали произносить это название как Тамес: в окрестностях Оксфорда найден глиняный чере-

пок с названием реки на латыни. Какой же она, Темесис — Тамес, была тогда, когда на ее илистые берега ступила нога первого римлянина?

— И здесь тоже был один из мрачных уголков земли, — сказал вдруг Марлоу.

— Я думал о тех далеких временах, когда впервые появились здесь римляне, тысяча девятьсот лет назад...

Представьте себе настроение командира красивой триремы в Средиземном море, который внезапно получил приказ плыть на север. Представьте себе, что этот командир явился сюда, на край света... Море свинцовое, небо цвета дыма, судно неуклюжее, как концертину, а он поднимается вверх по реке, везет приказы, или товары... Песчаные отмели, болота, леса, дикари... очень мало еды, пригодной для цивилизованного человека, и нет ничего, кроме воды из Темзы, чтобы утолить жажду...

(Джозеф Конрад «Сердце Тьмы»)

Темза берет свое начало в Котсуолдских холмах в графстве Глостершир, проходит по центральной и юго-восточной Англии и, проделав 330 километров, впадает в Северное море. Ее извилистое русло сильно разветвляется, образуя многочисленные острова — их более 80, а питают реку более 38 притоков. Когда-то, в незапамятные времена — примерно 10 тысяч лет тому назад, до окончания последнего ледникового периода, когда Великобритания стала островом — Темза сама была притоком Рейна.

Почему же римляне все-таки выбрали именно это место? Первопричина, безусловно, была стратегическая — завоеван-

ные земли надо было сохранить. И в этом отношении Лондо-
ниум, раскинувшийся на двух основных холмах — Корнхилл
и Ладжгейт Хилл — был безупречен. С южного фланга текла
Темза — естественный защитный рубеж. С западного —
вторая река, Флит, что переводится с англо-саксонского как
«движущаяся вода», обеспечивала защиту и в придачу удоб-
ную гавань. С востока небольшая речушка — вдоль ее русла
в наши дни проложена улица Сэра Томаса Мора — хоть и не
могла конкурировать с Темзой и Флитом, но все же обеспечи-
вала некий барьер для потенциального врага. И, наконец, на
севере простирались труднопроходимые топи — район, впо-
следствии получивший имя Мурфилдс. В довершение идил-
лической картины между двумя холмами прямо в центре
новорожденного Лондиниума текла четвертая река Волбрук,
которая обеспечивала римлян питьевой водой.

И все-таки главной, самой важной и жизненной артерией
была Темза — именно она стала оживленным транспортным
путем, по которому римляне доставляли товары из других
провинций своей обширной империи.

Увы, в 410 году после падения Римской империи под
натиском германских племен и ухода римлян из Британии
прекращается торговля, пустеют берега Темзы — Лонди-
ниум приходит в упадок. Лишь в XI веке, когда Вильгельм

Вид Лондона с южного берега Темзы, гравюра 1616 г.

Завоеватель строит в Лондоне Тауэр и Виндзор, торговля на Темзе расцветает вновь — в 1209 году после открытия первого каменного моста Темза становится главной водной дорогой страны. Со временем разрастается и Лондонский порт, превращаясь в один из крупнейших портов мира: «На правой стороне, между зеленых берегов, сверкала Темза, где возвышались бесчисленные корабельные мачты, подобно лесу, опаленному молниями. Вот первая пристань в свете, средоточие всемирной торговли!» — так писал Николай Михайлович Карамзин летом 1790 года, въезжая в Лондон.

Правда, зенит своей славы порт давно миновал, более того, отслужив Лондону верой и правдой, был отправлен в отставку и прекратил свое существование в 1965 году. С этого самого момента лондонские власти всерьез взялись за очистку своей главной водной артерии, и пусть вас не смущают темные воды Темзы — за последние 30 лет она стала одной из самых чистых в мире рек, протекающих через крупные города. Однако Темза — одна из немногочисленных в мире «приливных рек» — дама с характером: уровень воды в ней и направление ее течения меняются, более того, одновременно присутствует как пресная, так и соленая морская вода, что дает возможность обитания как пресноводным, так и морским видам рыб.

Так, после 150-летнего перерыва река была заново заселена лососем, который прекрасно себя чувствует в обеих средах — в плотинах были сделаны специальные рыбоходы, чтобы он беспрепятственно поднимался вверх по течению. А 5 августа 1993 года недалеко от шлюза Боултера в Мейд-нхед-е был пойман самый большой пресноводный лосось за всю письменную историю Англии — гигант длиной 88 сантиметров потянул на 6,5 кг чистого веса!

У лосося в Темзе, впрочем, немало соседей — в общей сложности, реку вновь облюбовали 114 видов рыб и 350 видов беспозвоночных животных, в том числе и поденки, которые живут только в чистой воде. Недавно в реке были обнаружены колонии морских коньков и пришлых ракообразных, среди которых такие новоселы, как пятнистый рак и китайский мохнорукий краб.

Заглядывают и нежданные гости — в 2006 году в Темзу, явно заблудившись, заплыл молодой кит — к счастью, Ее Величество не воспользовалось своим правом на бедное животное, закрепленное за монархами Британии еще со Средних веков. Согласно древнему закону голова кита должна быть подарена королю, королеве же отписывался хвост — по всей видимости, для изготовления корсета. Не так давно в центре Лондона в Темзе удивленные прохожие наблюдали молодого дельфина, который, порадовав горожан несколько дней, снова ушел в море. А если добавить ко всему этому еще и изобилие морских и водоплавающих птиц: чаек, уток, бакланов, нырков, цапель, куликов, то все сомнения в том, что вода в Темзе действительно чиста, отпадают сами собой.

Но украшением Темзы, конечно же, стали лебеди. В основном, это лебеди-шипунуны — по-хозяйски вальяжно и неспешно скользят они по темной глади, а вот беглецов — черных лебедей — встретишь гораздо реже. Каждый год в Лондоне проводится уникальная церемония переписи лебедей — старая традиция подсчета количества лебединых семей.

Считается, что первые лебеди-шипунуны попали в Англию из Европы в 12 веке — в то далекое время все лебеди в стране в силу своей гастрономической ценности считались собственностью короны. Что и говорить, любили монархи своих лебедей — так, например, в 1251 году на рождественском банкете при дворе Генриха III было подано 125 королевских птиц.

И хотя лебеди давно уже исчезли из королевского рациона, традиция осталась — и по сей день в Великобритании лебеди являются собственностью Ее Величества.

В 1361 году появилась и специальная должность Королевского лебединого мастера. Веком позже, в 1482 году был принят особый Лебединый акт, по которому некоторые землевладельцы, если, конечно, готовы были заплатить 5 марок, получали право иметь собственных лебедей — при этом на клюве лебедя ставилось определенное клеймо. При этом за нелегальное владение лебедем или же за его убийство грозило серьезное наказание — вплоть до 7 лет принудительных работ или же выселение из страны. Поскольку старые законы в Британии никто отменять не собирается, теоретически и по сей день любому, кто вздумает украсть лебединое яйцо, грозит тюремное заключение сроком в один год и один день, а если же случится лишить лебедя жизни по неосторожности,

*Инвентаризация лебедей-шутунов на Темзе.
Гравюра Роберта Робертсона, 1875 г.*

то требуется подвесить птицу к потолку и обсыпать зерном так, чтобы оно покрыло несчастную птицу полностью. По всей видимости, предполагается, что это зерно пойдет на прокорм остальным собратьям.

На самом пике «лебединой популярности» 900 избранных во всем государстве имели право клеймить своих лебедей. С XV века и по настоящее время таким правом обладают только две торговые гильдии — виноделов (Vintners) и красильщиков (Dyers). И то, только потому, что правящий в то время король Эдуард IV, испытывая определенные денежные затруднения, был вынужден занять деньги у богатых торговцев, а расплатился королевской привилегией. Когда-то виноделы клеймили своих лебедей с двух сторон клюва, а красильщики только с одной. Все непомянутые птицы, соответственно, были собственностью короны. В наши дни лебедей не клеймят, а окольцовывают: обе лапки — виноделы, одну — красильщики, все же неокольцованные — собственность Ее Величества.

Ежегодно каждый третий понедельник июля — день подсчета лебедей на Темзе — можно наблюдать красочную церемонию: плывет по темной глади реки лодка под управлением лебединого мастера в ярко-красном, рядом с ним — дюжина помощников — служащие компаний виноделов и красильщиков.

По ходу движения лодки отлавливаются все встреченные на реке лебеди, взвешиваются, окольцовываются и проверяются на предмет состояния здоровья. Кульминация церемонии происходит, когда лодка проплывает мимо Виндзорского замка. По традиции весь экипаж лодки должен подняться и поприветствовать «Ее Величество, Госпожу всех лебедей».

Неудивительно, что два из многочисленных островов на Темзе носят романтическое «лебединое» название — Swan

Island (Лебяжий остров) и Swan's Rest Island (Остров, где гнездятся лебеди). Довольно романтично звучит и «Остров Королевы», «Остров Вольтыников», «Два Деревя». Забавнее — «Лягушачий» или «Нижний Лошадиный». Есть еще и «Обезьяний» (Monkey Island), до которого «трое, не считая собаки» тащили свою лодку у Джерома К. Джерома, где, наконец, «остановились и позавтракали».

Любопытно, что во времена Джерома считалось, что остров получил название от ряда картин, приписываемых французскому художнику Андье де Клермону, изображавших обезьян-джентльменов, занятых человеческими делами — рыбной ловлей, охотой и греблей, которыми Чарльз Спенсер, третий герцог Мальборо, украсил рыбацкую хижину, построенную им на острове. В действительности такое название остров получил от искаженного староанглийского Monks Eyot (Монашья остров), которое относилось к монахам Мертонского приората, жившим неподалеку от Брейского шляуза с 1197 года до церковной реформации. Хижина Мальборо на острове с 1840 года была превращена в постоянный двор, используемый рыбаками, гребцами и непритязательными компаниями веселых молодых людей. Окрестности же прославились прекрасной рыбалкой.

Но, пожалуй, самое пикантное название, которое когда-либо носил остров на Темзе, это, конечно же, Eel Pie — Пирог с угрем. Хотя, если заглянуть в историю, в этом нет ничего удивительного — угорь, эта вкусная и полезная странная рыбина, всегда ассоциировался с Темзой — когда-то на ней было много угревых ловушек. Что уж и говорить об аппетитных рыбных расстегаях!

Впрочем, остров вполне соответствует своему названию. Ил Пай — один из самых эксцентричных островов на Темзе — находится в частном владении, хотя добраться до него

не представляет никакой проблемы. Для этого всего лишь надо сесть на автобус R68 от станции Ричмонд, сойти на остановке «Кинг-стрит», завернуть за угол и перейти по узенькому пешеходному мостику на другой берег Темзы.

Когда-то на мостике потягивал пиво Чарльз Диккенс, а коллекционер жен Генрих VIII наведывался сюда, чтобы перекусить вкуснейшими пирогами с утрем по дороге к своим возлюбленным. Позднее островок, где главное средство передвижения — велосипед, облюбовала лондонская богема — здесь был настоящий джазовый и рок-н-рольный рай. История услужливо тасует имена — Эрик Клэптон, Мик Джаггер, Дэвид Боуи... Хиппи, сбегавшие с уроков школьники, наркодилеры и наркоманы, художники, поэты, байкеры, девицы легкого поведения, философы — все искали здесь свое место под солнцем. Балы и застолья гремели в местном

Темза сегодня

отеле, который в один момент был уничтожен пожаром, как Содом и Гоморра...

Все это теперь в прошлом. В настоящем же на острове проживают чуть более ста человек: пенсионеры — в уютных и милых домиках у воды, и творческая братия, в основном художники и дизайнеры — в разноцветных хижинах, сарайчиках и старых лодках, переделанных под студию. На острове нет ни ресторанов, ни пабов, только парочка магазинчиков с хозяйственными и художественными товарами. Для местных жителей это не проблема — на другой стороне Темзы, в Твикенхэме, есть все, что надо для жизни.

Остров распахивает свои объятия для всех любопытствующих несколько раз в году — открываются студии и мастерские, продаются картины, керамика, статуэтки, фотографии, открытки и украшения ручной работы.

Интересные факты

— Через Темзу на всем ее протяжении построено 106 мостов.

— В XX веке старый Лондонский мост перестал справляться с нагрузкой, стал оседать, и британское правительство объявило о его продаже. В конце 1960-х годов мост приобрел американский бизнесмен Роберт МакКаллох за 2,5 млн долл. Мост был разобран и по частям перевезен в США. В 1971 году он был вновь собран и каменные блоки вмонтированы в качестве облицовки в железобетонную несущую конструкцию моста, соединяющего берега канала в Лейк-Хавасу-Сити, штат Аризона.

— В XIX веке инженер Марк Изамбар Брунель, наблюдая за червем-древоточцем, изобрел большой

чугунный проходческий щит, с помощью которого построил первый в мире подводный тоннель протяженностью 459 м, соединивший берега Темзы.

— К Олимпиаде 2012 из района Королевских доков в Гринвич через Темзу была запущена канатная дорога *Air Line*.

Мосты через Темзу, которые стоит увидеть

— Тауэрский мост — символ Лондона.

— Мост Альберта — самый красивый в ночное время — его освещают свыше 400 ламп.

— Ричмондский мост — самый старый — был построен в 1777 году.

— Мост Миллениум — самый современный, с которого открывается вид на Лондонский Сити и собор Святого Павла, с одной стороны, и галерею Тейт Модерн, с другой.

— Мост Ватерлоо — лучший вид в Лондоне — Сити и собор Святого Павла, а также Парламент и колесо обозрения «Лондонский Глаз».

Еще одна забота есть у Темзы — каждую весну, как радушная хозяйка, она принимает у себя две зазорные студенческие команды — Оксфордского и Кембриджского университетов. Во время так называемых «гребных гонок» каждая команда из восьми гребцов проплывает расстояние около 7 километров менее чем за 20 минут. Также на реке проводится и Хенлейская регата — одна из первых и самых популярных в Европе, которая привлекает лучших гребцов со всего мира — общая длина дистанции 1600 метров.

Вот уже много веков в темные воды Темзы, любуясь на свое отражение, смотрятся древние замки и дворцы: Тауэр

и Виндзор, Хэмптон-корт, Ричмонд и Гринвич, Вестминстерский дворец — ныне Британский Парламент.

Темзе посвящали прозу и стихи — Дефо, Уордсвор, Киплинг и Уайльд не могли остаться к ней равнодушными, она была музой Тернера, Моне и Констебля, под плеск ее волн слал свою музыку Гендель. Темза — сказочные декорации и для «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэррола, и для «Ветра в ивах» Кеннета Грэма. Есть у нее и свой биограф — в 2007 году увидела свет замечательная книга Питера Экройда «Темза: священная река».

Но, пожалуй, самая лиричная и трогательная Темза появилась все-таки у Джерома К. Джерома: *«Мы укрыли нашу лодку в тихой бухточке, поставили палатку, сварили скромный ужин и поели. Вспыхивают огоньки в длинных трубках, звучит негромкая веселая болтовня. Когда разговор прерывается, слышно, как река, плескаясь вокруг лодки, рассказывает диковинные старые сказки, напевает детскую песенку, которую она поет уже тысячи лет и будет петь, пока ее голос не станет дряхлым и хриплым. Нам, которые научились любить ее изменчивый лик, которые так часто искали приюта на ее волнующейся груди, нам кажется, что мы понимаем ее, хотя и не могли бы рассказать словами повесть, которую слушаем.*

И вот мы сидим у реки, а месяц, который тоже ее любит, склоняется, чтобы приложиться к ней братским лобзанием, и окутывает ее нежными серебристыми объятиями; мы смотрим, как струятся ее воды, и все поют, все шепчут, устремляясь к владыке своему — морю».

И ведь действительно, за пятьдесят миллионов лет до рождения Лондона в его колыбели на Темзе на этом месте всю гуляли морские волны. Даже лондонские голуби ведут свое происхождение от диких сизых голубей, некогда жив-

ших среди крутых утесов. Для них и по сей день городские здания — те же скалы, а улицы — бескрайний людской океан, плещущийся у их подножий. И, словно великий Ноев ковчег, плывет над ним купол собора Св. Павла. Размыты в тумане силуэты здания Парламента, словно подводные рифы, вырастающие из самого дна. Каждый океан имеет свои тайны, сундуки с сокровищами среди останков затонувших кораблей, удивительный подводный мир, где жизнь идет по своим законам. В глубины океана можно нырять до бесконечности, как и в глубины памяти в поисках все новых и новых забытых сокровищ и интригующих тайн. Давайте попробуем окунуться в Великий Лондон — совершить увлекательное путешествие в его прошлое.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ЛОНДОН?

Итак, город родился... Имя его — Лондон, в римскую эпоху — Лондиниум. Но кто же были его основатели, даровавшие ему жизнь?

Есть такая древняя традиция: возводя новый дом, дворец или собор, в основание торжественно кладут первый камень. Где же искать тот первый камень, положенный в основу великого Лондиниума? Удивительно, но, согласно легенде, такой камень действительно существует — он до сих пор находится в Лондоне, в стороне от избитых туристических маршрутов, преданный незаслуженному забвению. В Сити, неподалеку от церкви Св. Свитина, практически напротив входа на станцию метро «Кэннон Стрит», в нише в стене Китайского банка, обнесенной резной викторианской железной решеткой, лежит камень, в котором заключена судьба Лондона, ибо, согласно пословице, «до тех пор, пока камень Брута находится в безопасности, Лондон будет процветать».

Остатки Римской крепостной стены в Лондоне

Кто же такой был Брут и почему народная молва приписывает Лондонский камень именно ему? Историк XII века Джеффри (Готфрид) Монмутский, любитель красивых легенд, так повествует об основании великого Лондиниума:

Все начиналось на берегах Эгейского моря: древняя, неприступная Троя была охвачена огнем. Однажды ночью Бруту, правнуку Троянского царя Энея, обращенному в рабство греческими захватчиками, было видение: к нему явилась сама богиня Диана и приказала ему увести за собой поработенных соплеменников, дабы избавить их от господства греков. Под покровительством Дианы Брут дошел со своими людьми до треугольного острова Альбион, где, как писал поэт Джон Милтон, «должны были родиться от него короли, которые покажут свою мощь всему миру, бесстрашно завоевывая другие нации».

Что касается древнего названия острова, то Монмутский связывает его с именем Альбы или Альбины — старшей дочери

римского императора Диоклетиана. Согласно апокрифическому преданию, было у Диоклетиана 33 дочери, отличавшихся удивительно злобным и неистовым нравом. Намучавшись с ними, Диоклетиан решил выдать их замуж за властных мужчин, которые смогли бы найти на них управу, однако сама по себе идея замужества была противна сестрам. Именно Альба, старшая из дочерей, подговорила остальных жесточайшим образом избавиться от нежеланных мужей: ночью, пока все спят, перерезать им горло. В наказание императорских дочерей посадили в корабль без руля и паруса с запасом воды и пищи на полгода и оставили дрейфовать в открытом море. В конце концов корабль прибило к необитаемому доселе острову, где свирепствовали дикие ветра, что впоследствии получил название Альбион, — злобные фурии остались на острове, где и совокуплялись с демонами, которые там обитали, положив, таким образом, начало новой расе великанов.

Спустя время, как известно, на остров пожаловал Брут со своими людьми — отсюда и его новое название «Британия». Высадившись в районе современного Девона, люди Брута дошли до Темзы, где, по велению Дианы, камень был возложен на вершину одного из прибрежных холмов: то был холм Ладгейт Хил (Ludgate Hill), скорее всего место, где совершали свои ритуалы друиды — место, где впоследствии был построен храм Дианы, а много веков спустя — величественный собор Святого Павла. Так начиналась история Лондонского камня, положенного в основание «Новой Трои» — именно так было названо первое поселение, основанное армией рабов под предводительством Брута.

Армия честно отвоевала право на свой новый дом, победив мифических гигантов Гога и Магога, обитавших в здешних местах, — как гласит предание, это были последние из сыновей злобных дочерей императора Диоклетиана.

И действительно, вот уже много веков статуи этих свирепых братьев стоят в Гилдхолле, здании ратуши лондонского Сити. Нынешние великаны — дело рук скульптора Дэвида Эванса — были пожертвованы городу сэром Джорджем Уилкинсом, бывшим мэром Лондона как раз в то самое время, когда предыдущие скульптурные изображения Гога и Магога были уничтожены в период «молниеносной войны».

Несмотря на то, что все это, казалось бы, «предания старины глубокой», у современных лондонцев или гостей столицы есть вполне реальный шанс повстречаться с мифическими гигантами: Гог и Магог — духи-хранители лондонского Сити — участвуют в знаменитом торжественном параде в честь лорда-мэра Лондона со времен правления Генриха V. Во время проведения процессии, гордо вышагивающей по центральным улицам старинного Сити, несут две сплетенные из ивовых прутьев фигуры с виду свирепых, но добрых по сути братьев-великанов.

Что же касается легендарного Камня — примерно двух футов высотой с небольшим желобком у верхушки, — который, как верили в народе, Брут привез с собой как талисман, с тех пор он стал неразрывно связан с историей Лондона: поэт Вильям Блейк полагал, что со временем Камень стал местом жертвоприношений, совершаемых друидами. Согласно легенде, именно из этого камня извлек волшебный меч Экскалибур король Артур.

И все же историки склонны считать более правдивой версию, согласно которой Лондонский камень имеет римское происхождение. Скорее всего, он выполнял функцию «дорожной вехи или столба», то есть находился в центре главного римского поселения на берегах Темзы, откуда измерялись расстояния до всех остальных поселений. Тем не менее и это, более прозаическое объяснение его проис-

хождения, не умалило его достоинств: со временем камень стал символом власти в Сити — при объявлении каждого нового закона, принятого властями, обязательно ударяли по камню. По удивительному совпадению, первым мэром Лондона в конце XII века стал Генри Фицэйлуин де Лондонстоун, тезка Лондонского камня!

Со временем камень переместили из центра старого города в нишу в стене церкви Св. Свитина, где он находился до Второй мировой войны. Во время бомбежек камень, а вместе с ним и Лондон, казалось, хранило Провидение. В 1941 году немецкий снаряд полностью разрушил церковь, при этом Лондонский камень остался цел и невредим. Интересно, что сам камень состоит из оолита, непрочного минерала, и вряд ли бы мог сохраниться с доисторических времен, если бы не высшие силы, которые даровали ему долгую жизнь.

После войны камень переместили еще раз, обнесли оградой и благополучно забыли, а на том месте, где стоял храм Дианы, а впоследствии римский храм Аполлона, вознесся величественный собор Святого Павла, купол которого уступает по своему размеру только куполу собора Святого Петра в Риме. Святой Павел — покровитель и заступник Сити — самой старой части Лондона, — недаром на гербе Сити, на котором начертано по-латыни «Domine, dirige nos!» («Укажи нам путь, Господи!»), изображен окровавленный меч, символизирующий мученическую смерть святого Павла.

ЗНАКОМЬТЕСЬ, СИТИ!

СОБОР СВЯТОГО ПАВЛА — ДУША ЛОНДОНА

О, милая, смотри! Над городом плывет
Собор Святого Павла вслед за облаками —
Небесное видение — как чудо сотворен
Кудесником с воздетыми руками.
То растворится, то возникнет вновь —
Эфирный, легкий, неземной...

Джон Дэвидсон (1857—1909).

Перевод автора

Кажется, что Сити был всегда: он незыблем и монументален. Кажется, что Сити будет всегда: парадоксально, но он проявляет удивительную гибкость, меняя формы, но, не меняя сути, идя в ногу со временем. Сити — это место, где родился Лондон. Давно закрепивший за собой репутацию финансового центра, он простирается от Темпл Бар на западе до Лондонского Тауэра на востоке, занимая практически ту же территорию, что и древний римский Лондиниум, очерченный мощной крепостной стеной, развалины которой сохранились и по сей день — Квадратная Миля, где каждый дюйм дышит историей... А душою Сити, несомненно, является собор Святого Павла.

Если не считать римского храма, сегодняшний собор Святого Павла — пятый по счету. Его непосредственный предшественник — старый собор — представлял собой грандиозную постройку готического стиля, возведенную норманнами. Ее шпиль, высотой около 490 футов, считался одним из

чудес средневековой Европы. Странные чудеса происходили и в стенах этого мрачноватого готического собора: со временем он стал местом поклонения вымышленной Святой Анкамбер — бородатой девственнице, которая обладала даром избавлять женщин от нежеланных мужей в обмен на пеку овса (пек — мера сыпучих тел — 9,09 литра). И если бы все это ограничивалось только овсом и недовольными женами! Конные ярмарки и игры с мячом (запрещенные в 1385 году) были нередкими явлениями в стенах храма. К концу XVI века храм практически наводнили плутни и уличные нищие, разносящие болезни и оскорбляющие религиозные чувства прихожан. Сам собор был разделен на определенные зоны: бедняки, в основном, собирались вокруг захоронения герцога Хамфри в ожидании бесплатного обеда. Если кто-либо собирался «отобедать с герцогом Хамфри», то это означало лишь, что с утра во рту бедолаги не побывало и крошки. В других местах собора собирались те, кто искал хоть какую-нибудь возможность подзаработать или что-нибудь продать: от памфлетов до пирогов. В XIII веке в соборе какое-то время размещалась юридическая школа — до тех пор, пока Генрих III не запретил преподавать правовые дисциплины в Сити, пытаясь поднять престиж колледжей Оскфорда — а в двух башнях-близнецах были две отдельные тюрьмы. Во времена Республики Кромвеля, как и множество других церквей и королевских дворцов, храм был превращен в казармы, в нем держали лошадей и торговали всякой всячиной. За небольшую плату юным сорванцам разрешалось подниматься на крышу собора, где они развлекались довольно оригинальным способом, выкрикивая различные оскорбления в адрес прохожих и бросая в них камешки. К моменту Реставрации репутация собора была безвозвратно утеряна — его окрестили «отвратительной Голгофой». Дело дошло до того, что

Собор Святого Павла до Великого пожара

однажды старый собор был использован в качестве цирковой арены: резвая лошадь по кличке Марокко исполняла здесь свои трюки, включая подъем рысью по ступеням, ведущим на колокольню.

Воистину, терпение небес было исчерпано, и грянул гром! Точнее сказать, «из искры возгорелось пламя», в котором навеки сгинул старый собор — рассадник богохульства и вседозволенности. В 2 часа ночи 2 сентября 1666 года из искр непогашенного на ночь огня в печах злополучной пекарни на Пуддинг-лейн возгорелось пламя Великого лондонского пожара, уничтожившего старый деревянный Сити до основания.

ВЕЛИКИЙ ЛОНДОНСКИЙ ПОЖАР

«Из искры возгорится пламя!»

Сложное и беспокойное время предшествовало Великому пожару. Шесть лет прошло с момента восстановления монархии в Британии и возвращения на престол Карла II. Наступил

год трех шестерок — 1666, которого богобоязненные люди ждали с опасением и даже с ужасом. Предыдущий год вошел в историю как год кровавого урожая Великой чумы, по одной из версий, привезенной вместе в тюками зараженной материи из Нидерландов, жертвой которой стали более 65 тысяч лондонцев. Наступивший 1666 год был полон зловещих знамений: в марте в небе видели кометы; ходили слухи, что в некоторых местах вода превращалась в кровь; изнуряющая засуха, охватившая Лондон летом, привела к тому, что в районе Оксфорда Темза практически пересохла. В церквях возносились молитвы о дожде — но вместо благословенного дождя в июле разразилась страшная гроза с градом, причем некоторые градины были размером с индюшачье яйцо! За время засухи деревянные трущобы центрального Лондона практически превратились в настоящую вязанку сухого хвороста, ожидающую искры, чтобы вспыхнуть ярким пламенем.

В это время некогда скромный ремесленник Томас Фаринор, который вот уже как 5 лет служил придворным пекарем короля Карла II, занимался тем, что выпекал булочки для королевского военно-морского гарнизона в своей пекарне на Пуддинг-лейн. В первый сентябрьский вечер 1666 года, после долгого трудового дня, он поднялся по лестнице в свою спальню, расположенную над пекарней, задул свечу и мирно заснул. Хотя впоследствии Фаринор клялся, что лично погасил пламя в печах и тщательно разгреб золу, ранним утром в пекарне занялся огонь. Он спал, а внизу разгоралось пламя — от искр, вылетевших из пекарни, загорелся стог сена во дворе ближайшего постоялого двора Стар-Инн. Дул сильный восточный ветер — один за другим деревянные дома поглощались ревущим огненным драконом, пламя озарило небо, и вскоре сотни местных жителей высыпали на улицы поглазеть на пожар. Поначалу пожар не вызвал особенной

тревоги — в деревянном Лондоне того времени такие пожары были не редкость и обычно утихали сами собой.

Рано поутру известили лорда-мэра Лондона, сэра Томаса Бладворта, однако и на него пожар не произвел должного впечатления. Прибыв на место происшествия он, отказавшись даже выйти из экипажа, успокоил собравшуюся толпу, произнеся свою знаменитую фразу о том, что огонь настолько незначительный, что даже женщина может записать его с легкостью. Чуть позже, однако, стало ясно, как глубоко заблуждался невыспавшийся мэр — в воскресенье днем огонь достиг Темзы, где начали взрываться склады, забитые лесом, маслом, коньяком и углем. Пожарные, стремясь поскорей наполнить ведра, повредили водопровод и оставили весь район без водоснабжения.

Лондонцы начали паниковать — по узким извилистым улочкам, продираясь сквозь густую пелену дыма, семьи пытались спасти хоть какой-нибудь скарб. По ночам небо походило на горнило раскаленной печи. Писатель Джон Эвелин, наблюдавший за пожаром с относительно безопасного южного берега Темзы 3 сентября, описывал рев и треск беснующегося огня, крики женщин и детей, вселенскую суматоху, рушащиеся башни, дома и церкви — все это было похоже на страшный ураган, а дымящиеся руины напоминали падение Трои. И как здесь не вспомнить древнюю легенду о том, что Лондон — это Новая Троя: ему суждено было стать центром мировой империи, но и драматическую судьбу своей предшественницы он должен был повторить. Провидела лондонский пожар и матушка Шиптон — колдунья и пророчица из Йоркшира. Правда, свои пророчества Урсула Шиптон не датировала, а потому о них вспоминали несколько веков спустя — тогда, когда приходило их время: «Сбылось, сбылось пророчество матушки Шиптон!» — восклицал в волнении принц Руперт.

Знаменитого же мемуариста Лондона, Самуэля Пеписа, оставившего, пожалуй, самое красочное описание Лондонского пожара, больше всего поразило поведение голубей — уже люди покинули свои дома со всем своим скарбом, а они все кружили и кружили над окнами и балконами, не в силах расстаться с насиженным местом, пока некоторые из них не опалили крылья и не падали замертво.

Однако страшнее всего пожар был в соборе Святого Павла: от адского жара взрывались камни, разверзались древние гробницы. Кровля собора плавилась, и жидкий свинец ручьями тек по близлежащим улицам.

Сухой и ровный восточный ветер не унимался, и через три дня мэру Лондона пришлось горько сожалеть о своем легкомыслии — не взятый вовремя под контроль огонь к тому моменту уничтожил уже более трех четвертей Сити, включая 13 тысяч домов и постоялых дворов, все основные административные здания и около 90 церквей. Удивительно, что при таком масштабе разрушений в огне пожара погибло всего 9 человек — большинству горожан хватило времени, чтобы переправиться на лодках на другой берег Темзы. По грустной иронии судьбы, одной из жертв пожара стала горничная того самого злополучного пекаря Фаринора, которая побоялась вместе со всем семейством выбраться из горящей пекарни на крышу, что, в конечном итоге, и спасло им жизнь.

К вечеру среды пожар, наконец, был взят под контроль — благодаря личному вмешательству Карла II, который послал команды пожарных разрушать здания на пути огня, дабы не дать ему распространиться. Однако же Лондон тлел еще несколько недель, а подвалы продолжали гореть даже спустя полгода.

И все же, как говорят англичане, «у каждой тучи есть свой серебряный ободок» — то пробиваются лучики солнца, а зна-

чит, «нет худа без добра». Убогие деревянные трущобы — позор центрального Лондона, скопища крыс и рассадник чумы — были сметены за одну неделю. Новый Сити из камня и кирпича, как славный Феникс, поднялся из огня и через 40 лет стал более прекрасным, чем Париж «короля-солнца» Людовика XIV, и более густонаселенным, чем Константинополь или другие столицы Европы.

Недаром в 1671 году было принято решение установить уникальный Памятник пожару. Высота его кремовой, но быстро почерневшей колонны из портлендского известняка составила 202 фута (184 метра) — именно таким и было расстояние от подножия Монумента до печально знаменитой пекарни на Пуддинг-лейн.

И все же, несмотря на общепринятую версию о непогашенном огне в пекарне, вопрос о виновнике пожара оставался открытым. Фаринор поклялся на суде в том, что гасил огонь в печах, и был оправдан, а буквально через несколько недель после адского пожара по подозрению в поджоге был арестован и признан виновным француз Роберт Хуберт, несмотря на то, что и физически, и умственно он был не в состоянии совершить подобное преступление. Тем не менее в октябре 1666 года он был повешен, а его тело было растерзано на куски жаждущей мести толпой. Однако появились новые претенденты на роль заговорщиков-поджигателей. Надпись, сделанная вокруг основания Монумента, как раз и повествует об интригующем процессе поиска виновников пожара. Был ли пожар предвестником вторжения голландцев, которое последовало сразу же в 1667 году? Был ли это какой-либо другой французский агент, который зажег первую головешку, а, может быть, это был очередной заговор католиков? Выдвигались даже такие крамольные версии, как причастность к пожару самого короля Карла II, хотя и нельзя

было отрицать его похвальную решительность и твердость во время сражения с огненным драконом. В 1681 году Корпорация Лондона добавила еще одну надпись на основании Монумента: «Но папская ярость, сотворившая такие ужасы, все еще не улеглась». Воистину, призрачный страх перед возможными католическими заговорами висел над Лондоном того времени как удушливый смог, мешая видеть ситуацию и судить объективно. К счастью, слова о ярости католиков-папистов были удалены с барельефа Монумента в 1830 году стараниями прокурора Сити, одного из отцов-основателей лондонского метрополитена Чарльза Пирсона.

Монумент Великому пожару до сих пор считается самой высокой отдельно стоящей колонной в мире. Однако мало кто знает про второй памятник, который находится на пересечении улиц Гилтспер-стрит и Кок-лейн на том самом месте, где удалось, наконец, взять огонь под контроль. Местечко это называется Rue Cognac — есть такая вероятность, что в ста-

Картина, изображающая Великий Лондонский Пожар

рину здесь выпекали сытные пироги. Получается, что огонь бушевал от «пуддинга до пирога», да еще и начался в пекарне, а потому вполне мог быть наказанием за чревоугодие горожан. Упитанный позолоченный мальчонка — а именно так и выглядит второй памятник, надпись под фигурой которого отвергает домыслы о «папской ярости», призван напоминать своим видом всем горожанам о необходимости воздерживаться от обжорства.

Ровно через 320 лет, в 1986 году, цех булочников решил так принести извинения за произошедший пожар. Как говорится, «лучше поздно, чем никогда» — так писали об этом в лондонских газетах. Получается, всему виной был королевский пекарь?

Невольно задумаешься об этом, когда начнешь подниматься по 311 ступенькам, что ведут на смотровую площадку Монумента, с которой открывается удивительный вид на возрожденный Сити. Любопытная деталь — перила лестницы, ведущей на смотровую площадку, выполнены из русского железа демидовских заводов: об этом говорит клеймо в виде соболя. На самом деле, в этом нет ничего удивительного: в то время Британия, хотя и являлась самой мощной промышленной державой мира, никак не могла гордиться своими успехами в металлургии: железо выплавлялось на древесном угле, а леса были почти все уничтожены. Россия же производила в два с половиной раза больше железа, чем Англия, а особенно славилось своим качеством демидовское железо, что и по сей день служит лондонскому Монументу верой и правдой.

Но не только за тем, чтобы размышлять о судьбе Великого Пожара и любоваться панорамой, поднимались по этой лестнице горожане — ходила о Монументе и дурная слава. Первое время величественный Столп пользовался широкой популярностью среди самоубийц — они спрыгивали с вер-

хушки Монумента и падали чаще на его основание, чем на мостовую. Возможно, с последней надеждой — восстать снова для другой жизни. Как Феникс из пепла, рожденный заново Лондонский Сити, крестными родителями которого стали два человека, казалось бы, далеких от архитектурных изысков — профессор астрономии из Оксфорда Кристофер Рен и Роберт Хук, который снискал признание за свои революционные опыты при работе с микроскопом.

ПРОВИДЕНИЕ СЭРА КРИСТОФЕРА РЕНА

«Я восстану снова...»

RESURGAM

Вряд ли можно отрицать, что в жизни Кристофера Рена большую роль сыграло Провидение. Если бы не казнь короля Карла I, не бывать Кристоферу Рену архитектором — он должен был унаследовать место настоятеля собора в Виндзоре, которое занимал его дядя, Мэтью Рен, епископ Илийский. Однако нет худа без добра — реставрация монархии через 10 лет и личная благосклонность Карла II позволили Рену получить место королевского инспектора по строительным работам, хотя у него и не было специального строительного образования. Скорее архитектура была для профессора чем-то вроде хобби, которому он и предавался со всем пылом своей души.

Удивительно, но сэр Кристофер Рен был вовлечен в планы по перестройке собора Святого Павла еще до того, как разразился Великий пожар. Работая над чертежами своего утопического Лондона, Кристофер Рен поместил в самом его центре собор Св. Павла, от которого лучами должны были расходиться улицы. Старый готический собор собирались

Архитектор сэр Кристофер Рен

перестраивать, и Рен должен был представить свой вариант проекта. За 6 дней до пожара на Пуддинг-лейн он представил весьма оригинальный проект собора — вместо шпиля должен был быть купол, увенчанный продолговатым каменным ананасом более чем 60 футов высотой. Диковинный фрукт к тому времени только-только появился в Англии, и Рен, как истинный эстет, был поражен его совершенной формой. «Ананасовый дизайн», как его стали впоследствии называть, отсутствует на дальнейших проектах перестройки собора (тем не менее диковинным фруктам, хотя и выполненным в гораздо меньшем размере, все же нашлось место в архитектурном ансамбле собора: ими украшены колокольные башни).

Однако после Великого пожара собор пришлось уже не перестраивать, а строить заново. Воистину, Провидение постаралось и расчистило дорогу для создания шедевра великому Рену. Спустя три года после пожара его назначают королевским архитектором, однако строительство нового собора начнется только в 1675 году и станет для Рена делом всей его жизни. Это будет первый новый собор в Англии, построенный после Реформации, — Рен, вдохновленный архитектурными шедеврами Парижа, который он посетил в 1665 году, берет на себя смелость отступить от тех тра-

перестраивать, и Рен должен был представить свой вариант проекта. За 6 дней до пожара на Пуддинг-лейн он представил весьма оригинальный проект собора — вместо шпиля должен был быть купол, увенчанный продолговатым каменным ананасом более чем 60 футов высотой. Диковинный фрукт к тому времени только-только появился в Англии, и Рен, как истинный эстет, был поражен его совершен-

диций, согласно которым английские церкви строились на протяжении веков.

Карл II даровал архитектору титул рыцаря еще до начала работ по возведению нового собора как знак особого доверия. Старый храм лежал в гигантских руинах, и после того как трое рабочих разбились насмерть, пытаясь их разобрать, Рен приказал разрушить остатки старых стен при помощи таранов и пороховых зарядов из Тауэра. Летом 1675 года был заложен первый камень нового храма: по просьбе сэра Кристофера один из рабочих наугад выбрал камень из груды щебня, оставшегося после расчистки строительной площадки. Камень оказался осколком старинного надгробия, на котором было выбито по-латыни: *RESURGAM* («Я восстану снова»).

Основной западный фасад собора из белого портлендского известняка с резным барельефом, изображающим обращение в веру св. Павла, обрамлен двумя башнями. В левой (северной) башне расположено двенадцать колоколов, в правой (южной) — часы и Большой Том — крупнейший колокол в Англии весом более 16 тонн, который звонит только по умершим членам королевской семьи, епископу Лондонскому, декану собора Св. Павла и лорду-мэру Лондона (правда, при условии, что он умер на рабочем месте). Рен предполагал, что часы будут и на северной башне, однако они так и не были установлены — вместо них на ней красуются лишь небольшие круглые отверстия. Купол собора, увенчанный крестом весом в 700 тонн, считается вторым в мире по величине после собора Св. Петра в Риме. Комитет, принимавший проект Рена, желал, чтобы собор доминировал над окружающими постройками — огромный, как Ноев Ковчег, он должен был плыть над Лондоном. И действительно, только купол собора вкупе с крестом весят больше, чем целый Титаник. Однако, чем больше размер купола, тем солиднее и массивнее должно

быть основание, и если снаружи такая постройка выглядит вполне гармоничной, то внутри обязательно чувствуется диспропорция. Рен, будучи ученым, гениально решил эту проблему: он возвел внутренний полукруглый кирпичный купол с отверстием диаметром 6 метров, через которое проникает свет из фонаря, заливая собор. Опорой для каменного фонаря весом в 800 тонн служит кирпичный конус, а над конусом по замыслу архитектора был возведен второй, внешний купол — деревянный каркас, покрытый свинцовыми листами. Ложный второй этаж собора был создан для того, чтобы замаскировать массивные контрфорсы, которые поддерживают стены нефа и купол.

Наверх ведут 365 ступеней — по количеству дней в году: все же Кристофер Рен был профессором астрономии. 259 ступенек — и вы попадаете на Галерею Шепота. Трюк с двумя куполами сделал возможной уникальную акустику: если

Собор Святого Павла в Сити

приложить ухо к стене галереи, то, несмотря на 34 метра ширины, можно расслышать слова, сказанные шепотом с противоположной стороны. 378 ступеней или 54 метра ведут на Каменную Галерею, а на высоте 85 метров или 530 ступеней расположена Золотая. Как награда за подъем — фантастический вид на Лондон. Удивительной красоты роспись купола на мотив жития св. Павла, выполненная сэром Джеймсом Торнхиллом. В северном трансепте собора — знаменитая авторская копия глубоко символичной картины Холмана Ханта «Свет Мира», оригинал которой хранится в Оксфорде, в колледже Кебл. На картине — Иисус Христос, стучащий в дверь человеческой души, в дверь, у которой нет ручки, которая заросла колючей ежевикой и открыть ее можно только изнутри...

«Светоч Мира» Холмана Ханта

Холман Хант — английский живописец XIX века, один из основателей Братства прерафаэлитов, восставших против классического стиля живописи, был единственным, кто остался верен доктрине Братства и сохранил его идеалы на всю жизнь. Искусство должно отражать реальность, как она есть, а не приукрашать ее — такова была позиция молодых художников, которые на своих религиозных картинах даже Христа изображали в простой крестьянской одежде, а не в пышных одеяниях. Тем не менее на его самой знаменитой картине, «Светоч мира», Христос облачен в королевскую мантию, прообразом которой послужила лучшая скатерть матери Ханта, задрапированная на модели самим художником. Да и моделей, по сути, было две — женщина, с которой Хант писал волосы, и мужчина, с которого писалось

лицо Спасителя. «Се стою у двери и стучу. Если кто услышит Мой голос и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерить с ним, и он со Мною» — именно эти слова из откровения Иоанна Богослова Хант специально напишет на раме, чтобы донести до каждого смысл своей работы.

При этом особое значение художник вложил в светильник в руках Иисуса — символ совести и спасения, чей яркий свет подчеркивает ночную тьму. Много времени ушло у Ханта на то, чтобы найти нужную форму и размеры, правильное освещение — работал он ночью при свечах и даже спроектировал для этой цели медный светильник, свечу в котором было трудно погасить. Если же приглядеться к светильнику на картине, то можно заметить, что его отверстия разные — каждое символически представляет одну из мировых религий. Тем не менее всех их объединяет один Свет — также, как множество молитв на разных языках объединяет одно чувство Веры и одна связь — с Небом.

В письме к своему другу Уильяму Беллу Скотту Хант писал: «Я был побужден к созданию этой картины некой божественной волей». Считается, что «Светоч мира» — единственная английская картина, у которой целых два оригинала. Первый был куплен у художника за 400 гиней в 1853 году Томасом Комбом, известным покровителем прерафаэлитов и издателем из Оксфордского университета. После его смерти в 1872 году картина была предложена колледжу Кебл, где ее первоначально повесили в библиотеке, а позднее, в 1892 году, переместили в часовню, где она пребывает и по сей день.

Двадцать пять лет спустя Хант вновь обращается к этому сюжету — на сей раз картина получается в 4 раза больше первоначальной, так как Хант стремительно теряет зрение. И несмотря на то, что ему пришлось прибегнуть к помощи бывшего ученика, написание картины заняло целых три года. Она была продана только при условии, что покупатель отправит ее путешествовать по миру, чтобы донести послание Ханта до необращенных.

Картина-путешественница, преодолев расстояние в тысячи миль, побывала в десятках стран, включая Австралию и Новую Зеландию, прежде чем украсит собой левый придел собора Святого Павла в 1904 году. По этому случаю в соборе состоялась торжественная служба, на которой присутствовал и сам Хант — уже почти слепой, поддерживаемый под руки старик с наполненными слезами глазами. А с полотна смотрел Христос, написанный гениальной рукой мастера так, что где бы ни встал человек, рассматривающий картину, его взгляд будет обращен прямо на него, вернее, прямо в его душу.

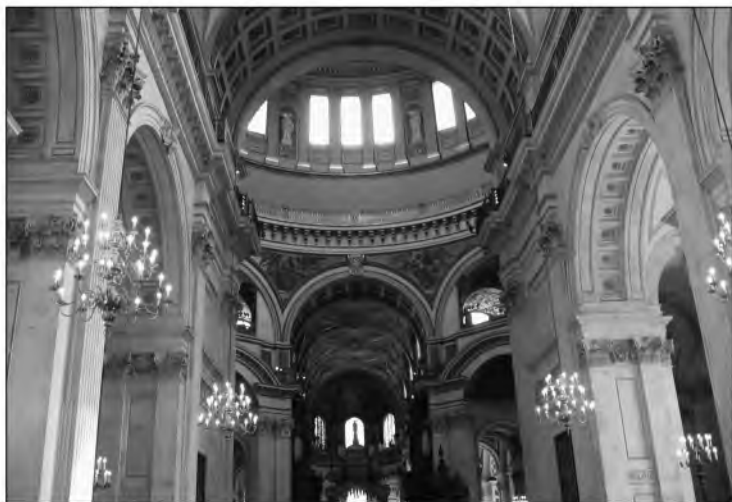

Картина Холмана Ханта
«Светоч мира»

Богато декорированный алтарь собора: круглые позолоченные мозаики в византийском стиле, изображающие птиц, рыб, зверей и растения. Резной корпус органа. Отделанный мрамором интерьер центрального нефа. Много воздуха и красок в отличие от традиционных готических соборов Британии. Строго, величественно и монументально. «Я строю на века», — так говорил Кристофер Рен. На века — значило дорого, медленно и тщательно — настолько медленно, что раздосадованная Палата Общин Парламента урезала жалование Рена наполовину, что составило примерно 100 фунтов в год, а сам архитектор постарел настолько, что уже не мог самостоятельно карабкаться по строительным лесам — его приходилось поднимать в специальной люлке.

Последний камень фонаря над куполом собора был уложен уже руками сына Рена, в присутствии своего отца, по стопам которого он и пошел, тридцать пять лет спустя после начала строительства великого Феникса.

Интерьер собора Святого Павла

С 1694 по 1699 год в соборе работал уникальный резчик по дереву и камню Гринлинг Гиббонс. При этом в собор его привела чистая случайность — никому еще не известный девятнадцатилетний юноша, переехав со своей семьей в Лондон из Голландии, работал на судоверфях и арендовал комнаты в особняке писателя Джона Эвелина. Прогуливаясь около дома однажды вечером, хозяин увидел в окно, как мастерски работал с деревом юный квартирант. «Я увидел при свете свечи молодого человека, вырезавшего из дерева “Распятие на кресте Тинторетто”» — так сэр Эвелин описывал ту судьбоносную встречу в своем дневнике в 1671 году. В тот же вечер он, потрясенный совершенством резьбы, поделился увиденным со своими друзьями — Реном и Пеписом, которые позднее порекомендовали Гиббонса королю Карлу II. Вскоре их протекже был включен в штат резчиков королевского двора, и прослыл известнейшим королевским мастером.

Собору же Святого Павла Гиббонс подарил прекрасную резьбу по камню, великолепные ажурные решетки из кованого железа, а музыкальный орган собора, украшенный им в 1694 году, до сих пор считается одним из лучших в Англии.

Произведением искусства являются также и деревянные скамьи собора — их отличает тонкая резьба и художественное исполнение. Одним из излюбленных материалов Гиббонса была мягкая и податливая липа — вырезая по липе, он не раз, ради шутки, имитировал венецианские кружева настолько правдоподобно, что иностранные гости обманывались, полагая, что это принадлежность костюма английского загородного джентльмена вроде жабо.

Хорошо известна история о том, как писатель и основатель жанра готического романа Хорас Уолпол, четвертый граф Орфорд, шутник и эксцентрик, однажды явился на бал в таком «липовом жабо», чем произвел настоящий фурор. Именно

Хорас сказал о Гиббонсе, что до него не было человека, кто дал бы дереву кружевную легкость и невесомость цветов.

Строительство собора подходило к концу, когда вдруг обратили внимание на то, что внутри храма отсутствуют колонны, которые поддерживали бы огромных размеров свод. Рен приводил собственные точно выверенные расчеты, пытаясь убедить комиссию, что колонны не нужны и купол не рухнет на головы прихожан. Однако ученому не поверили и распорядились установить колонны, подпирающие купол и своды собора. Рен выполнил это требование, но лишь частично: возведенные по его проекту колонны не достигают потолка собора, между капителями и самим потолком остается свободное пространство, однако, осматривая собор снизу, увидеть это практически невозможно.

Провидение, которое расчистило сэру Кристоферу Рену путь к его шедевру, казалось, хранило собор и во время Второй мировой войны. Однажды ночью на собор упало 28 зажигательных бомб, но чудесным образом он все-таки избежал пожара. Нельзя не восхищаться отвагой духовенства и служителей собора, которые на протяжении военных лет охраняли его каждую ночь: хватали клещами зажигательные бомбы, бросали их в ведра с песком и заливали водой из насосов. Однажды ночью рядом с часовой башней упала бомба замедленного действия — ее обнаружили и отвезли в Хэкни-Марш, где и подорвали. После взрыва осталась воронка диаметром около 100 футов. Был случай, когда спущенный на парашюте фугас упал всего в нескольких футах от восточной стены. Однако страшный взрыв так и не прогремел — оказалось, что взрыватель вышел из строя. Воистину, на все воля Божья...

За три с лишним века своего существования собор был свидетелем многих исторических событий — пышных празднеств и не менее помпезных похорон, юбилеев и свадеб

членов королевской семьи, включая золотой и бриллиантовый юбилей ныне правящей королевы Великобритании Елизаветы II.

Особо торжественными были празднования по случаю бриллиантового юбилея правления королевы Виктории в 1897 году — торжества, кульминацией которых стала служба в соборе Святого Павла, длились несколько дней. На улицах Лондона были выставлены столы с закусками для 400 тысяч беднейших жителей столицы — это пиршество, включавшее в себя также бесплатный эль и табак, оплатил чайный магнат Томас Липтон — что и говорить, благотворительность в Викторианскую эпоху была в почете.

Утром 22 июня 1897 года торжественная процессия из 17 карет под оглушительные приветствия толпы и плакаты «Виктория — главная из всех королей на земле» двинулась от Букингемского дворца в сторону собора Святого Павла. Правда, торжественная служба проходила не в самом соборе, а на его ступеньках — подъем по ним был непреодолимым препятствием для грузной 78-летней королевы, страдавшей от жестокого артрита и не покидавшей свой открытый экипаж на протяжении всей церемонии. За всю историю собора это, пожалуй, был единственный случай службы под открытым лондонским небом. Для удобства было принято решение передвинуть статую королевы Анны, установленную напротив входа в 1712 году, — именно в ее правление было завершено строительство собора. Однако королева Виктория неожиданно воспротивилась такому решению и запретила переносить статую на другое место, опасаясь того, что именно так могут впоследствии поступить и с ее многочисленными памятниками в угоду будущему монарху.

Анна осталась на своем месте, где пребывает и по сей день, встречая всех посетителей собора, которые вряд ли догады-

ваются, что эта уникальная в своем роде статуя — во-первых, не подлинник, а копия первоначальной, а, во-вторых, — дело рук заключенного. Два века лондонских дождей и ветров изменили оригинал до неузнаваемости, и в XIX веке талантливому скульптору Ричарду Белту было поручено сделать копию для замены монумента. Впоследствии, однако, оказалось, что Белт жестоко погряз в долгах — в итоге он оказался в заключении, не успев завершить работу, а городским властям пришлось изловчиться, чтобы добиться для Белта права продолжать работу над статуей в долговой тюрьме.

Так и оставшись на своем законном месте благодаря королеве Виктории, каменная Анна безучастно взирала и на помпезные похороны адмирала Нельсона и герцога Веллингтона, проходившие в соборе, и на «свадьбу века» принца Чарльза и принцессы Дианы. Во время торжественной церемонии венчания колокола собора не подвели — прозвонили

Статуя королевы Анны

все положенные удары должным образом (в Британии до сих пор в ходу старинная легенда, согласно которой любой сбой в колокольном звоне во время венчания членов королевской семьи является дурным предзнаменованием). Ничто, казалось, не предвещало беды, разве что Диана от волнения назвала своего мужа Филиппом вместо Чарльза — на глазах у миллионов британцев, прильнувших к экранам телевизоров (церемония венчания транслировалась на всю страну) разыгрывался первый блистательный акт сказки про Золушку, ставшую супругой Принца. Сказки, которая по ходу повествования перетекла в драму, а затем и в трагедию — финал которой состоялся в злополучном парижском тоннеле.

Многое видел старинный собор за свой долгий век — неудивительно, что в нем обитает свое привидение, которое неоднократно видели церковные служители. Привидение обычно появляется в западной части собора в виде пожилого священника и периодически издает странные звуки, что-то вроде свиста на высоких нотах, не отличающегося музыкальностью и режущего слух. Интересно, что в том месте, где чаще всего можно повстречать фантомного церковнослужителя, была обнаружена секретная лестница.

Единственная статуя в соборе, которая чудом уцелела после Великого пожара, это закутанная в белый мраморный саван фигура Джона Донна, поэта и декана собора Святого Павла в XVII веке. Перу Донна принадлежат такие крылатые выражения, как «человек — не остров» и «не спрашивай, по кому звонит колокол: он звонит по тебе». Талантливый и удивительно разносторонний человек, Донн успел проявить себя и на политическом поприще — заседал в Парламенте во времена Елизаветы I и какое-то время работал юристом. С возрастом Джон становился все более и более верующим и принял духовный сан по настоянию капеллана графа

Статуя Джона Донна

Рэтленда, с которым его связывали крепкие дружеские узы. Свой надгробный монумент — фигура поэта в полный рост, укутанная в белый мраморный балахон — Донн заказал еще при жизни, причем явно поторопился. Памятник Донн хранил в своем доме до самой смерти — прошли годы, прежде чем он занял свое место в старом соборе Святого Павла и стал свидетелем страшного пожара — лопались от жара старинные гробницы, обнажая

истлевшие тела усопших, свинец с крыши ручьями тек по близлежащим улицам. И, тем не менее, мраморный Донн устоял — о пережитом напоминают разве что почерневшие от копоти края его мраморного одеяния.

Может, его спасло присущее ему при жизни отличное чувство юмора и эпитафия, которую он тоже сочинил для себя сам и заранее: «John Donne, Undone»? А, может быть, Донн является хранителем какого-то очень важного секрета и мраморная урна, на которой стоит закутанная в саван статуя, хранит чей-то ценный для истории прах — есть среди его наследия несколько загадочных стихотворений, одно из которых, по версии писателя и литературоведа И. Гилилова, могло бы пролить свет на тайну великого Шекспира.

В основном же в соборе, помимо священнослужителей, находили свое последнее пристанище отважные воины и, как

ни странно, художники. Среди них — Рейнолдс, Лоуренс, Лэндсир, Миллес и многие другие. Так, например, в южном трансепте среди генералов и адмиралов при боевом оружии и в медальях стоит одинокий монумент художнику Тернеру в сюртуке с одной лишь трогательной кистью в руках.

Покоится в соборе и легендарный герой Британии — лорд Горацио Нельсон, скончавшийся, как античный герой, в мгновение своей победы в битве у мыса Трафальгар. Роскошный черный мраморный саркофаг, первоначально предназначавшийся для кардинала Уолси, затем для Генриха VIII и его третьей жены Джейн Сеймур и пролежавший в часовне Святого Георгия в Виндзоре несколько веков, — одна из достопримечательностей собора. В итоге в его недрах покоится гроб с телом Нельсона, который адмирал получил в подарок от капитана Бена Хэллоуэлла за несколько лет до своей кончины, — корабельный плотник выстругал его из грот-мачты французского фрегата «Ориент». Нельсон не только не посчитал такой зловещий подарок дурным знаком, но и брал с собой в море, перевозя с одного корабля на другой. Чаще всего гроб стоял в каюте капитана, за его резным деревянным креслом. Вряд ли он внушал большой оптимизм команде — к облегчению большинства офицеров, Нельсон все-таки принял решение хранить мрачную реликвию в Лондоне. Говорят, что во время своего последнего отпуска, накануне Трафальгарской битвы, он приезжал взглянуть на свой гроб и, обращаясь к сторожу, пророчески заметил, что эта вещь, возможно, понадобится ему по возвращении.

Что же касается самого Кристофера Рена, то его надгробие в южном приделе крипты — простой камень с удивительно скромной эпитафией, сочиненной сыном знаменитого архитектора: «*Se monumentum requirere, circumspice*» — «Читающий эти строки, если ты ищешь памятник — оглянись

вокруг». И, как дань великому Рену, «Архитектура» — такое имя носит одна из монументальных бронзовых фигур моста Воксхолл — крепко держит в своих руках миниатюрную модель собора Святого Павла...

ЛОНДОНСКИЙ СИТИ — ПТИЦА ФЕНИКС, ВОЗРОЖДЕННАЯ В КАМНЕ

Возрожденный Лондонский Сити по праву можно назвать городом Рена: помимо собора Святого Павла по проектам Рена были построены новые кирпичные дома и восстановлены 52 церкви. Последней большой работой великого архитектора стал Королевский госпиталь в Гринвиче, строительство которого было завершено в 1716 году.

Шедевры великого Рена можно и сегодня видеть в Сити — все так же сквозь лондонские туманы плывет, как грандиозный Ноев ковчег, собор Святого Павла, все так же горделиво высятся шпили церквей, построенных по его проекту — правда, только тех, что сохранились после варварских бомбардировок Второй мировой войны (31 церковь из 52), ведь именно старина Сити был основной мишенью для фашистов и пострадал больше, чем все остальные районы Лондона. Лежа в руинах, как и несколько веков назад после Великого пожара, Сити вновь не смирился с участью Трои, казалось бы, предписанной ему судьбой. Сити восстал из пепла и на этот раз — современный город в городе из стекла и бетона, застроенный причудливыми зданиями в стиле архитектуры будущего, творениями экстравагантного и знаменитого Нормана Фостера: в их числе мост тысячелетия «Миллениум» и два весьма оригинальных здания, сооруженных практически рядом с древними стенами Тауэра. Одно из них — здание мэрии Лондона, напоминающее вставшую на дыбы

Башня «Огурец»

гигантскую улитку из стекла и бетона. Примечательно, что через все этажи здания проходит пандус длиной в полтора километра, с которого можно обозревать город или залы, в которых заседают политики. В здании предусмотрена свободная планировка — при помощи прозрачных или непрозрачных перегородок можно разделить внутреннее пространство на требуемое число офисных помещений любой формы и конфигурации.

Второе сооружение, заслужившее прозвище «Геркин» или «Огурец» — это небоскреб Мери-Экс (30 St. Mary Axe), 40-этажное здание, первым владельцем которого была страховая компания Swiss Re, выполненное по проекту знаменитого Нормана Фостера в форме корнишона-пули, позволяющей добиться высокой освещенности и экологичности постройки: ветер огибает ее без образования завихрений и облаков, словно облизывает гигантское эскимо,

а само здание отбрасывает меньше тени, чем обычный прямоугольный небоскреб. Естественная вентиляция и двойное остекление позволяют сократить расходы на кондиционеры и центральное отопление. Из окон ресторана на 40-м этаже открывается 360-градусная панорама Лондона. Само здание облицовано 5 с половиной тысячами панелей плоского стекла треугольной или ромбовидной формы, в котором отражаются и солнце, и облака, что делает «Геркин», по сути, постоянно меняющимся произведением искусства. Что интересно, несмотря на соблазнительно округлые формы здания, только одна стеклянная панель имеет форму линзы — та самая, которая венчает творение Фостера.

В 2006 году «Отурец» был продан с аукциона немецкой фирме «IVG Asticus» за 600 миллионов фунтов. Этот небоскреб приносит компании доход в 27 миллионов фунтов в год.

Есть, по-видимому, у него и свой ангел-хранитель — во время строительства на месте будущего небоскреба обнаружили останки римской девочки-подростка — в течение 12 лет они хранились в Музее Лондона, а затем были перезахоронены рядом с небоскребом после поминальной службы в церкви Святого Ботольфа.

Воистину, здания Сити XXI века продолжают традиции Вильгельма Завоевателя — также, как и великий Тауэр, они впечатляют простых смертных и подчеркивают его мощь.

Свято соблюдаются и традиции самого Сити — неизменен как его дух, так и статус — через девять лет после покорения Британии Вильгельм Завоеватель даровал горожанам Сити особые права самоуправления. По сути, Сити — самый настоящий анахронизм с его лордом-мэром в золоченой карете, шерифами и ольдерменами, отдельным полицейским департаментом, знаменитой ратушей Гилдхолл, где с XV века было

сосредоточено управление городом и до сих пор проходят выборы лорд-мэра, включая традиционный банкет с черпаховым супом и торжественной речью премьер-министра, а также церемония награждения одной из самых престижных наград в мире литературы — Букеровской премией.

На всех улицах, где Сити граничит с Большим Лондоном, стоят постаменты с драконами, которые красуются и на его гербе, правда, сами лондонцы по неизвестной причине именуют их грифонами. Граница Сити со стороны Вестминстера считается основной — она обозначена бронзовым изваянием геральдического грифона, стоящего на колонне.

Любопытные факты из жизни лорда-мэра

— Лорд-мэр, в отличие от мэра Лондона, избирается сроком на один год в одну и ту же дату 29 сентября.

— Лорд-мэр не получает жалованья, однако имеет право на завтрак, ланч и ужин ежедневно, а также на проживание в знаменитом особняке Мэншин Хаус с 250-летней историей. Наверху располагаются личные апартаменты лорда-мэра, а внизу роскошные парадные комнаты, включая Египетский зал, Бальный зал и Зал для конференций.

Три месяца рабочего срока лорд-мэр проводит в зарубежных поездках, представляя Лондонский Сити в разных странах.

В течение года лорд-мэр произносит около 900 речей и посещает официальных 2000 мероприятий.

Первая официальная граница между Лондонским Сити и Вестминстером, Темпл Бар (название происходит от бывшей Церкви тамплиеров рядом с этим местом), впервые

упомянутая в 1293 году во время правления короля Эдуарда I, скорее всего, представляла собой простую цепь между двумя невысокими столбами. Испокон веков, согласно заведенному порядку, каждый новоиспеченный монарх, направляясь в Сити, должен был останавливаться у Темпл Бар в ожидании лорда-мэра Сити, который предлагал монарху свой символический меч в знак преданности и верности. Меч неизменно возвращался владельцу, и далее его несли перед королевской каретой как символ того, что монарх в Сити находится под защитой лорда-мэра. Вскоре на символической границе стали появляться более основательные конструкции в виде арок, одна из которых серьезно пострадала во время Крестьянского восстания в 1381 году.

В Средние века на этом месте высилась деревянная арка с тюрьмой, расположенной в ее верхней части. Арка чудом избежала огня Великого пожара, но не смогла избежать немилости городских властей — в конце XVII века, когда деревянный Сити уступил место каменному, было решено разобрать ее и заменить на нечто более импозантное. Как и возведение нового собора Святого Павла, и Монумента Великому пожару, эта задача была возложена на сэра Кристофера Рена. Замысел архитектора был воплощен в виде впечатляющей и элегантной двухэтажной конструкции из белого портлендского камня — широкая центральная арка служила для проезда экипажей, а примыкающие к ней с двух сторон узкие проходы — для пешеходов.

В нишах верхней части уютно расположились скульптуры королей правящей в то время династии Стюартов: на западной стороне — Карла II и его отца Карла I, на восточной — отца Карла I, Якова I, и его супруги Анны Датской. В XVIII веке крышу арки неоднократно украшали головы казненных, насаженные на копье. Арка Рена прослужила

до 1878 года, когда Корпорация Лондонского Сити, озабоченная проблемой расширения дороги для транспорта, решила на демонтаж архитектурного шедевра — за 11 дней он был разобран буквально по камешку. На смену массивной арке приходит новый монумент. Горацио Джонс, еще один известный лондонский архитектор, разрабатывает новый символ Сити — им стал дракон (почему-то упорно именуемый лондонцами грифоном) на пьедестале в стиле нео-ренессанс, украшенный скульптурами королевы Виктории и принца Уэльского — последними королевскими особами, которые проезжали через легендарную арку Рена.

Что же касается самой арки, то и она восстала из небытия, как и Сити после пожара, благодаря стараниям богатого пивовара сэра Генри Мё. По настоянию своей жены Валери, бывшей барменши, сэр Генри покупает все 2700 камней,

Арка Темпл Бар

предусмотрительно сложенные в специальном хранилище, и собирает из них арку в своем поместье Теобальда Парк в Хертфордшире. И хотя среди гостей музыкального салона Валери в верхней части арки (а она любила играть на банджио) были Уинстон Черчилль и сам король Эдуард VII, это не помогло спасти арку от постепенного разрушения. В 1984 году арку покупает Фонд Темпл Бар за смешную символическую сумму в 1 фунт стерлингов, привозит в Лондон и собирает перед входом на площадь Патерност-сквер рядом с собором Святого Павла. После длительной реставрации арка явила себя лондонцам и гостям столицы во всей красе лишь в 2004 году, правда, уже в качестве почетной гостьи на площади, а не пограничника при въезде в Сити — эту функцию, как известно, ныне исполняет мифический грифоно-дракон.

И все-таки, наверное, не случайно лондонцы так упорствуют в своем желании именовать дракона грифоном, потому как именно дух грифона сродни духу Сити — мозгу Лондона. Согласно легенде, грифон — древнее мифическое существо с туловищем льва, крыльями, когтями и головой орла. Считается, что грифон в 8 раз больше льва и обладает необыкновенно острым слухом. В своих золотых гнездах грифоны хранят несметные сокровища. В геральдике грифон традиционно символизирует солнце, небо, золотящийся свет рассвета, объединяя в себе черты и свойства, присущие льву и орлу. В Древнем Риме грифон, охраняющий солнце, был посвящен богу Солнца Аполлону. Чаще всего геральдический знак грифона на своих гербах использовали благородные семейства — грифон на гербе Английского королевского семейства — лучшее тому подтверждение...

Грифоны встречают вас на въезде в Сити действительно неспроста: вот уже много столетий они хранят сокрови-

ща — и золотые слитки Английского банка, и королевские драгоценности Тауэра.

Парадокс заключается в том, что идея создания Банка Англии в 1694 году принадлежала шотландцу, Вильяму Патерсону, предприимчивому купцу и бывшему пирату, промышлявшему на Багамских островах. Компанию составили 1268 акционеров, предоставивших 1 миллион 200 тысяч фунтов стерлингов в качестве кредита под 8 % годовых королю Вильгельму III, остро нуждавшемуся в средствах для продолжения войны с Францией. К сожалению, один из первых директоров банка оказался талантливым мошенником — он умудрился безвозвратно похитить сумму в размере 29 тысяч фунтов стерлингов.

Свои первые банкноты банк выпустил в 1725 году, включая купюру достоинством в 100 фунтов — огромная сумма по тем временам, если учесть, что на какие-то 20 фунтов можно было арендовать на год целый дом со всей обстановкой на фешенебельной улице Пэлл Мэлл!

Прозвище «Старая Леди с улицы Треаднидл» накрепко приклеилось к банку после того, как его впервые употребил в своей речи в палате общин драматург Ричард Шеридан, а Джеймс Гилрей использовал в карикатуре.

Первое здание Банка Англии — довольно элегантной и представительной «старушки» — было расширено сэром Робертом Тейлором в 1765 году, а затем полностью перестроено сэром Джоном Соаном в неоклассическом стиле. Именно Соану принадлежала идея окружить его стеной без окон. В 1925—1939 годах архитектор сэр Герберт Бейкер еще раз перестроил здание банка, сохранив при этом стену Соана: семиэтажное здание с тремя подземными этажами является вместительным золотым запасом более чем семидесяти центральных банков со всего мира, исключая, по иронии судьбы,

золотой запас самой Британии, — он хранится в Федеральном резервном банке Нью-Йорка, куда был переведен во время Второй мировой войны. Основными критериями архитектуры банка была безопасность и надежность: мощные стены, огнеупорные конструкции, ни одно окно не выходит на улицу.

При всем этом в 1836 году банк оказался в весьма щекотливой и курьезной ситуации — некий лондонский водопроектировщик случайно, через подземный ход, проник в комнату, где хранились золотые слитки. Надо отдать должное нашему герою — он проявил удивительную честность, отправив в банк анонимное письмо, в котором предлагал встретиться «в темный полночный час», когда и показал, как он это сделал. Банк, заделав опасную лазейку, щедро вознаградил водопроектировщика.

Еще одна интересная архитектурная деталь банка заключается в том, что одна из самых заметных частей его фасада — Угол Тиволи — повторяет по своему оформлению храм Весты в Тиволи неподалеку от Рима, фронтон же выполнен в виде вогнутого саркофага. Но, вероятно, мало кому известно, что в 1933 году во время ремонтных работ самый настоящий свинцовый саркофаг был обнаружен в земле во внутреннем дворе банке. В нем оказалось тело бывшего клерка Уильяма Дженкинса — одного из самых высоких мужчин своего времени (6 футов 7 дюймов высотой), который панически боялся, что после смерти его тело будет похищено «разорителями могил». Еще при жизни Дженкинс получил предложение продать свое тело заранее за 200 гиней — оно явно представляло интерес для циничных хирургов-анатомов, ничуть не озабоченных этической стороной этого дела. Напуганный такой перспективой Дженкинс умолил своих друзей позаботиться о нем после смерти, и те добились разрешения похоронить бедолагу во внутреннем дворе банке.

Итак, распахнем великолепные бронзовые двери работы Чарльза Вилера и окажемся в просторном вестибюле, где черные колонны бельгийского мрамора подпирают сводчатый купол. Центральная напольная мозаика с изображением святого Георгия, поражающего дракона, работы Бенедетто Пеструччи дополняется пятью монохромными мозаиками русского художника-монументалиста, литератора Серебряного века Бориса Анрепа, который большую часть своей жизни прожил в Англии. За вестибюлем — двухэтажный холл, а роскошная консольная лестница ведет к площадке с колоннадой, на которую выходят все основные исторические комнаты банка.

В центре здания так называемый Садовый Двор (Гарден Корт) — когда-то на этом самом месте стояла церковь Святого Кристофера (St Cristopher-le-Stocks), поглощенная разросшимся банком в 1782 году. В этой самой церкви

Здание Банка Англии

в 1661 году был похоронен Томас Хэрриот — английский эрудит, математик и астроном, которого в Британии не без оснований считают предшественником Галилея. Хэрриоту удалось получить первое изображение Луны с помощью телескопа в июле 1609 года — на 4 месяца раньше, чем Галилею. Более того, Томас не только опередил Галилея, но и сделал карты поверхности Луны, которые не смогли превзойти после него в течение десятилетий. Тем не менее и по сей день имя ученого остается относительно неизвестным — прежде всего потому, что, в отличие от Галилея, он не опубликовал свои наблюдения.

Однако и помимо духов из прошлого в интерьере банка много аллегорического и символического: крылатое изображение Меркурия — покровителя торговли, легендарные грифоны, стерегущие мифическую грудку золота в сердце земли.

Но финансовая мощь современного Сити не исчерпывается лишь золотыми слитками, надежно спрятанными «под юбкой у Старой Леди с улицы Треаднидл». Сегодня Сити называют центральным финансовым центром Европы. По объему финансовых операций он превосходит даже крупнейшую финансовую столицу континентальной Европы — Франкфурт-на-Майне: небоскребы банков, инвестиционных компаний и офисов блистают на солнце стеклом и сталью. Это и знаменитые биржи: Чайная, Каучуковая, Биржа металлов, через которую проходит около 90 % всех мировых торговых операций с драгоценными металлами и за чьи сертификаты золотопроизводящие страны мира бьются не на жизнь, а на смерть. Это и зарегистрированные на Квадратной Миле 264 иностранных и английских банка и почти 12 000 промышленных, торговых, инвестиционных и финансовых компаний со всего мира. Ежедневно на работу в Сити прибывает около миллиона человек, притом что постоянно

в Сити проживает не более 9000. Тяжела и величественна поступь современного Сити: ежегодный оборот капитала здесь приближается к семи миллиардам фунтов стерлингов. Ежедневно здесь обмениваются валюты почти на 800 миллиардов фунтов стерлингов и ежегодно продают или обменивают около 75 % всех ценных бумаг Евросоюза. Корпорация Лондона, которая управляет Сити как мини-государством (кстати, общая площадь всех офисных помещений здесь вчетверо превосходит площадь княжества Монако), умело скрывает под средневековым антуражем огромную власть и богатство, которое сосредоточено в Сити.

И все же при всей своей тяжеловесности и финансовой прозаичности Сити может быть удивительно поэтичен и загадочен. Пожалуй, самой романтической компанией, от которой и поныне веет ветром дальних странствий, является страховая биржа «Ллойд». Вернее сказать, даже не биржа, а конгломерат объединенных страховых сообществ, на долю которого приходится 50 % всех брокерских операций мирового судоходства.

Свое название компания получила в честь владельца небольшой лондонской кофейни Эдварда Ллойда, которую судовладельцы и владельцы торговых компаний избрали местом для заключения страховых сделок в далеком XVII веке. В 1696 году хозяин кофейни начал распространять ежегодный справочник всех морских судов — «Новости Ллойда», впоследствии переименованный в «Судовой Регистр Ллойда». Современное здание страховой корпорации Ллойда на улице Леденхолл, построенное «коммуникациями наружу» по проекту архитектора Роджерса в 1984 году — яркий пример стиля «хай-тек». Лифты в стеклянных шахтах, снующие вверх-вниз, выведенные наружу трубы из голубоватой стали в ярком ночном освещении — «живая, дышащая машина»,

вертикальная версия Центра Помпиду в Париже. Лондонцы были немало удивлены, когда одна из самых консервативных корпораций в городе решилась на постройку такого яркого авангардного здания. Тем более разителен контраст между архитектурой стекла и стали и старомодными портье в livreeх официантов у входа — в память о далеком прошлом, о той самой уютной кофейне Эдварда Ллойда, с которой все и начиналось... До сих пор все служители корпорации негласно зовутся «уэйторами» — официантами, их официальное одеяние — длинные малиновые мантии с черными бархатными воротниками.

Так же обстоит дело и с помостом, с которого раньше, в кофейне, читали интересные и важные сообщения — он до сих пор называется рострам (ныне это стоящая на небольшом возвышении кафедра, облицованная зеленым мрамором и черным деревом, имеющая подходы с трех сторон).

Страховая биржа Ллойда

Есть и еще одна важная традиция: в центре страхового зала, на специальной конторке, лежит большая книга в черном переплете — так называемая «Книга потерь Ллойда», в которую с 1774 года заносятся все застрахованные у Ллойда суда, которые затонули, причем все записи в этой книге делаются исключительно гусиными перьями (то же самое касается и «Красных книг», куда заносят суда, считающиеся «пропавшими без вести»). При этом клерку при каждой книге ежегодно требуется 150 перьев. Ходят слухи, что в «Ллойде» даже есть специальная должность мастера по заточке перьев, которую до недавнего времени занимал один восьмидесятилетний старец, владеющий этим искусством в совершенстве. Да уж, в компании существует незыблемое правило соблюдения традиций...

Сюда же, в новое здание, из старой штаб-квартиры компании перевезли и знаменитый колокол Лутин Белл (весом около 50 килограмм и диаметром в 40 сантиметров), в свое время доставленный с захваченного французского фрегата в 1799 году, в который дежурный клерк неизменно звонил, получив известия об очередном затонувшем судне. В колокол бьют и по сей день: один удар означает плохие новости, два — хорошие.

В наши дни ежегодный доход от получаемых Ллойдом премий составляет в среднем 340 миллионов фунтов стерлингов, причем больше половины этой суммы приходится на долю неморского страхования, которое было введено в 80-х годах прошлого века председателем комитета корпорации Катбертом Хитом. Первым прецедентом подобного рода стало первое в истории «Ллойда» страхование лондонского квартала ювелиров от пожара и ограбления. Сегодня здесь можно застраховать что угодно: и морские суда, и космические корабли, и бороды киноактеров, а также ноги кинозвезд,

теннисистов и фигуристов. В частности, один из лондонцев получил от компании страховой полис, в котором сказано, что она принимает на себя риск в случае попадания искусственного спутника Земли в дом своего клиента. Да что говорить о простых лондонцах — сама королева Великобритании Елизавета II застраховала здесь свой портрет, выполненный на рисовом зернышке.

ШАРД — ФИЛОСОФИЯ БУДУЩЕГО

Достойную конкуренцию страховой бирже Ллойда вполне может составить новое детище ближайшего друга и соратника Роджерса, итальянца Ренцо Пиано. Рождение этого детища, нареченного довольно странным именем Shard («Осколок»), лондонцы ожидали со смешанным чувством нетерпения, любопытства и опасения. С одной стороны — самое высокое (до 2013 года, пока ему не составил конкуренцию московский небоскреб Меркурий Сити высотой 338,82 метра) здание Европы ультрамодного и ультраэкологичного дизайнера — бальзам на английскую душу. Чего стоит один только вид, который открывается со смотровой площадки Шарда, — раньше он был доступен только тем, кто поднимался над Лондоном на вертолете. С другой стороны, появление небоскреба-Гулливера делает все окружающее почти карликовым и игрушечным, включая такие архитектурные сокровища Лондона, как собор Святого Павла и древний Тауэр. Всем крестным родителям Шарда поначалу пришлось несладко: административные препоны, протесты местных властей и градозащитников, бурные дискуссии среди международной общественности. Дошло до того, что ЮНЕСКО всерьез озаботилось вопросом о включении Лондонского Тауэра в Список объектов всемирного наследия, находящихся под угрозой, но авторам проекта все же удалось

Ренцо Пиано

убедить своих оппонентов, что небоскреб принесет Лондону больше пользы, чем вреда.

«Осколок»-Гулливер, чья постройка обошлась в более чем 430 миллионов, разместился в пределах фешенебельной и престижной зоны под названием Квартал Лондонского моста, в которую инвестирует свои средства знаменитое королевское семейство Катари.

Было решено, что стеклянно-бетонный «Осколок» будет сиять всеми своими гранями на месте Southwark Towers, 25-этажного, довольно скучного и банального офисного центра, построенного в 1975 году. В начале 2009 года снос старого комплекса был завершен, а 30 марта 2012 года новорожденное здание достигло рекордной отметки в 309 метров, обогнав своего предшественника в Сити — 288-метровый и 63-этажный колосс Бишопстейт (Bishopsgate Tower) и став не только самым высоким в Лондоне и первым по величине зданием Европы, но и 45-м в мире.

Верхние этажи здания строились при помощи крана-рекордсмена — самого высокого в Великобритании, при этом

само строительство несколько раз приходилось останавливать из-за сильного ветра. Неудивительно, что и температура на вершине Шарда на несколько градусов ниже, чем на земле. По своей форме «Осколок» напоминает нерегулярную пирамиду, облицованную тысячами стеклянных панелей, сияющих при солнечном свете.

Торжественная церемония открытия — по сути, крестины нового детища, рожденного вопреки желанию многих, — состоялась 5 июля 2012 года. И все же оптимистичный Ренцо Пиано с солнечной улыбкой и мягким акцентом итальянца уверен в том, что творение его будет любимо. Конечно же, заверяет Пиано, для которого Шард был первым проектом в британской столице, он с самого начала понимал ту колоссальную ответственность, которая ложилась на его плечи с первых минут строительства, — это был дерзкий, но продуманный вызов, марш-бросок в будущее всех современных мегаполисов и, наконец, воплощение его мечты, подарок городу, который он называет своей второй любовью после родной Генуи.

«Быть архитектором — это опасная работа, потому как если ты ошибся, об этом узнают все. Если ты художник и у тебя не получилась картина, то это не страшно — жаль, конечно, но ты можешь просто отставить ее в сторону. Но если ты архитектор, то создаешь что-то, что будет служить вечно, или, по крайней мере, очень и очень долго. А уж если строить что-то такое же зрелищное и мощное, как Шард... И все же я готов держать пари, что это здание будет любимо — прежде всего потому, что оно, несмотря на размер, доступно и понятно, прозрачно и лишено всякой загадочности и недосказанности». Пиано называет свое творение «вертикальным городом», где под одной крышей сосуществуют и многочисленные офисы на нижних этажах,

и роскошный отель «Шангри-Ла» со своими 195 апартаментами на этажах с 34 по 52-й, и 10 роскошных резиденций на следующих тринадцати. Не говоря уже о ресторанах и обсерватории, палисадниках и смотровой галерее, которая занимает этажи с 68 по 72-й — самую вершину «Осколка». А виды с этой вершины поистине фантастичны — в причудливый узор гобелена под названием Лондон вплетены нити железнодорожных путей, окружающих вокзал London Bridge, и стадион Уэмбли, и Олимпийский парк, и башня «Огурец» Геркин, и собор Саутворка, который выглядит антикварной игрушкой с высоты в 1016 футов.

Подсчитано — если каждый посетитель здания будет платить за вход минимум 20 фунтов, то строительство Шарда окупится через 10 лет.

Для Пиано же подобные здания будут играть ключевую роль в будущем всех деловых центров мировых столиц — только при помощи небоскребов можно решить проблему бесконтрольного роста мегаполисов, поглощающих все новые и новые земли.

«Мы проснулись на заре нового века и, наконец, прозрели, — говорит Пиано, — наша земля хрупка и требует защиты. До сих пор жива ностальгическая и романтическая идея о том, что экологически правильными могут быть только маленькие здания — забудьте об этом! Это худший способ застройки в наши дни, угрожающий поглотить все новые и новые земли!»

Зато в экологичности самого проекта Шарда сомневаться не приходится — Пиано и его команда постарались создать как можно более энергосберегающее здание. Тройное остекление с интегрированными солнечными экранами, которые могут автоматически закрывать секции здания в случае перегрева позволяет экономить на кондиционерах,

а использование солнечного света помогает снизить расходы на отопление.

Сам же «Осколок», по задумке Пиано, должен походить на кристалл хрусталя — играть всеми своими гранями в лучах лондонского солнца, ибо панели из специального стекла с низким содержанием железа на удивление прозрачны.

Не забыли строители Шарда и о мерах безопасности, что особенно актуально после рухнувших башен-близнецов в Америке — у него самое настоящее каменное сердце — из суперпрочного бетона, включая эвакуационные выходы и 44 лифта.

Небоскреб Шард

И все же главным для Пиано была форма и масштаб его творения — концепт своеобразного шпиля, пронзающего небо и исчезающего в облаках. Что-то высокое, из области поэзии, и одновременно прагматичное — ибо, как утверждает Пиано, мы поднимаемся наверх с одной целью — вдохнуть свежего воздуха. Подальше от дорожных пробок, пыли и выхлопных газов огромного мегаполиса.

Архитектор в Пиано сочетает в себе, с одной стороны, художника и поэта, с другой — строителя и прагматика — а это уже наследие его отца, строителя домов из

Генуи. Детство, проведенное на строительных площадках, определило его выбор раз и навсегда. Учеба в Милане, работа с легендарным американским архитектором Луисом Каном, известным своим монументально-модернистским стилем, и, наконец, сам Лондон, куда Пиано переехал в 1969 году со своей первой супругой и детьми, — город открытый для архитектурных экспериментов, динамизма и диалога. Пиано почувствовал эту свободу, обрел единомышленников, увлеченных, как и он, хай-тековской, лекговесной архитектурой, влюбился в этот город.

Его здания контекстуальны, лекговесны и инновационны по своей структуре, и все же говорить о каком-то определенном, фирменном стиле Пиано не приходится. И все потому, что солнечный итальянец любит свободу и не терпит условных рамок и повторений, даже себя, гениального. Не может быть зданий-близнецов в разных городах и странах — отличается климат, ментальность людей, окружающее пространство. У каждого здания своя биография, своя визитная карточка и история — например, как у второго лондонского детища Пиано — Central St Giles, на стыке Холборна и Ковент-Гардена, представляющего собой небольшой комплекс взаимосвязанных зданий с пятачком в сердцевине. На верхних этажах расположились офисы, а на нижних — почти прозрачных — рестораны. Есть там еще и апартаменты и террасы на крышах. Здания облицованы специальной кремовой керамической плиткой, однако на некоторых фасадах она ярко оранжевая и цвета лайма. И это тоже неслучайно — Пиано не согласен с теми, кто утверждает, что Лондон — серый город. Он убежден, что цвет — это неотъемлемая часть мегаполиса, пусть иногда и неожиданно яркий, зато притягивающий взгляд и запоминающийся.

Что и говорить, несмотря на все жаркие дискуссии и дебаты, в бурных волнах которых долгое время плавал «Осколок», нельзя не согласиться, что взгляды, да и туристов, он все же притягивает. И, как оказалось, не только туристов — еще на этапе строительства в феврале 2011 года на 72-м этаже Шарда рабочие обнаружили первого безбилетного посетителя смотровой площадки — им оказался молодой лис, которого тут же окрестили Ромео — вот только к какой Джульетте он поднимался по центральной лестнице на головокружительную высоту? Неужели только ради того, чтобы подышать чистым воздухом в мегаполисе, согласно задумке Пиано? Поймать лиса удалось только спустя две недели, расставив ловушки с аппетитной курочкой, — все-таки, живя на остатках ланчей строителей, Ромео немного изголодался. К счастью для любопытного лиса, вся эта сюрреалистическая история закончилась хорошо — после ветеринарного осмотра он был выпущен на волю в районе Лондонского моста.

И все же, несмотря на растущий по часам бизнес и деловой архитектурный стиль XXI века — стекло и бетон, строгие геометрические формы, — Сити может быть и удивительно романтичен: ранним утром в дымке тумана, когда грандиозный людской муравейник еще не набрал своих оборотов, когда улицы полупустынны и все вокруг кажется призрачным — миражом, видением, тогда за силуэтами новоявленных монстров из стекла и стали проступают очертания бывшего Сити... Сити Чосера, Милтона, Шекспира...

Трогательно и сентиментально описывает утранный город Дж. Пристли в своих «Прогулках по Сити»: *«В такое утро дым и туман, пришедшие из долины Темзы, решают сотворить некое чудо для своего Лондона, в особенности для самой старой его части — Сити. В такое утро Сити — само очарование. Все окутано слабо све-*

тящейся дымкой, то серебристой, то темно-золотой... У зданий есть форма и основательность, но совсем нет веса: они повисли в воздухе, словно дворцы из арабских сказок — кажется, так легко опрокинуть купол собора Св. Павла одним лишь прикосновением пальца, или сдвинуть с места особняк лорда-мэра — Мэншин Хаус, или отправить Монумент парить в пространстве. В такое утро невозможно сосчитать старые церкви, потому что их больше, чем когда-либо. Однако движение в такие дни отнюдь не замирает: алый поток автобусов все так же медленно движется вдоль древних узких улочек Сити, а на тротуарах все так же толются курьеры, полицейские, клерки, машинистки, директора, секретари, мошенники, сплетники, бездельники. Но все равно, именно в такое утро все автобусы, такси, фургоны, грузовики и люди, которые наполняют этот город, утрачивают свои повседневные четкие очертания. Они двигаются в пелене легкого тумана, их голоса становятся глуше, а движения — замедленными. Все новое, вульгарное и глупое ухитряется спрятаться там, где дымка становится гуще. А вот проблески древней красоты присутствуют повсюду, прекрасно обрамленной и освещенной: за каждым углом кто-нибудь шепчет пару строчек из Чосера. В такое утро река просто волшебна: там нет никаких географических законов, нет ничего, кроме чистейшей поэзии; вода ушла, оставив вместо себя миражи из волшебных снов, скользящие по глади золотисто-серебряного воздуха. Таков Сити в это утро — частичка Готической сказки, мираж, видение...»

Совсем другое зрелище ночной Сити. Он тоже пустынен. Зловеще молчалив. Таинственен. Загадочен...

Попробуем себе представить ночной Лондон Викторианской эпохи... Это нечто совершенно особенное: викторианцев

ночная тьма города страшила и одновременно завораживала. Именно в этот период возник так называемый «ночной жанр», в театрах шли такие мелодрамы, как «Ночной Лондон», «Когда наступает ночь, или Повесть о Лондонской жизни». В середине XIX века развилась мода на «ночные прогулки». Популярны были очерки и эссе, где одинокий пешеход, как правило, писатель или поэт, движется по темному притихшему городу без определенной цели, пытаясь понять это громадное существо по имени Лондон, примечая по пути все, достойное внимания, скрытое под мишурой суетливого дня, и обнажающееся только ночью с ее необъятной тишиной.

Давайте же отправимся на ночную прогулку по безлюдному Сити — отправимся слушать ночную тишину, тем более пугающую и давящую, что она наступает после «гулкового, рокошущего, похожего на прибой» дневного шума. Действительно, Сити — некогда самое густонаселенное место, уже в XIX веке становилось практически безлюдным с наступлением ночи. Со временем население окончательно покинуло центр Лондона, переместившись в спальные районы на периферии, превратив Сити днем в огромный улей — банковский и офисный бизнес-центр, а ночью — в город мертвых. Давайте исследуем задние дворики и тускло освещенные аллеи безжизненного Сити. Переулки, мощенные булыжником, такие узкие, что в них невозможно открыть зонтик. Опутанные паутиной времени и чего-то еще, едва уловимого, бросающего в легкую дрожь. Может быть, паутиной тех событий, которые происходили в стенах Сити много лет назад? Сами названия улиц уводят нас в прошлое: Aldergate (Старые ворота), Cloth Fair (Текстильная ярмарка), Threadneedle Street (улица Нитки с Иголкой). Мы здесь одни в этой оглушительной тишине... Или не одни?

Потому как это именно тот час, когда Французская Волчица неслышно скользит среди надгробий старого церковного кладбища, темная фигура на стене Ньюгейтской тюрьмы гремит своими цепями, когда «Банковская» Монашка несет свою одинокую вахту, и что-то невыразимо зловещее мелькает в крошечном окошке замершего у дороги домика. Мы напали на их след... или они выследили нас?

Одним из любителей таких прогулок был и Чарльз Диккенс, которому ночной лик Лондона дарил странное успокоение и ощущение чего-то вечного и незывлемого, как великий и непостижимый Лондон.

Прогулки по многолюдному городу были для Диккенса своего рода терапией — иной раз ему просто жизненно необходимо было затеряться в толпе, чтобы избавиться от навязчивых голосов и требований своих же собственных персонажей. Как вспоминал впоследствии Джордж Генри Льюис, главный редактор журнала «Фортнайтли ревью», Диккенс однажды рассказал ему о том, что каждое слово его романов, прежде чем перейти на бумагу, сначала им отчетливо слышится, а персонажи находятся рядом и общаются с ним.

Так, например, во время работы над «Лавкой древностей», Диккенс не мог спокойно ни есть, ни спать: маленькая Нелл постоянно вертелась под ногами, требовала к себе внимания, зывала к сочувствию и ревновала, когда автор отвлекался от нее на разговор с кем-то из посторонних.

Работая над романом «Мартин Чезвит» Диккенсу приходилось силой отбиваться от шуточек миссис Гамп. «Диккенс не раз предупреждал ее: если она не научится вести себя прилично и не будет являться только по вызову, он вообще не уделит ей больше ни строчки!» — писал Льюис. Именно поэтому писатель обожал бродить по многолюдным улицам. «Днем как-то можно еще обойтись без людей, — признавался

Диккенс в одном из писем, — но вечером я просто не в состоянии освободиться от своих призраков, пока не потеряюсь от них в толпе».

Порой он «шел под перестук дождя... шел, шел и шел, не видя ничего, кроме нескончаемого переплетения улиц», по мосту Ватерлоо пересекал Темзу, на которую «словно давила своей тенью лондонская огромность». Вестминстерское аббатство — знаменитая усыпальница монархов и знаменитостей при лунном свете «торжественно напоминала» ему о том, «что неисчислимы сонм усопших одного этого великого древнего города, и если бы они встали из гробов, пока живые спят, на улицах и в переулках для живых не осталось бы места даже с маковое зернышко». Действительно, в древнем Аббатстве за тысячу лет скопилось столько надгробных памятников и скульптур, что оно во многом напоминает некрополь — только по самым приблизительным подсчетам на территории аббатства покоятся не менее 3300 человек, не считая могил самих монахов, в нем находится около 600 надгробий и памятников. Однако в основном в Вестминстерском аббатстве спят вечным сном отнюдь не простые смертные лондонцы — в нем нашли свое последнее пристанище великие и знаменитые: короли и королевы, писатели и поэты, известные общественные деятели, вершившие некогда судьбу государства.

Мог ли он тогда представить, что пройдет время, и он, Диккенс, станет одним из них, обретет вечный покой под сводами древнего аббатства в Уголке Поэтов, несмотря на завещание, в котором умолял похоронить его в Рочестерском соборе «безо всякой помпы, в частном порядке, недорого». И будет, как когда-то призраками своих персонажей, окружен со всех сторон своих собратьями по перу, достойными и не очень, почитаемыми и давно забытыми.

МЕСТО, ГДЕ СПИТ ПОЭЗИЯ...

Как в ночном небе Лондона, все смешалось в Уголке Поэтов в Вестминстерском аббатстве — и звезды первой величины, что до сих пор ярко сияют на небосклоне английской поэзии, и звездная пыль, чьи вирши давно стерлись из памяти потомков, а, может, и при жизни они имели к искусству весьма условное отношение.

Из звезд первой величины, конечно же, Джеффри Чосер, «отец английской поэзии», автор знаменитых «Кентерберийских рассказов», который первым начал писать свои сочинения не на латыни, а на родном языке и стал первым поэтом, захороненным в Вестминстерском аббатстве в конце XIV века. Правда, такой великой чести он удостоился тогда не за свои литературные достижения, а потому, что ближе к концу жизни был сделан клерком королевских работ и в этой должности распоряжался постройками и переделками в королевских замках и соборах, в том числе и в Вестминстере. Ричард II, которому Чосер был беззаветно предан, назначил ему значительную по тем временам пенсию, на которую Чосеру удалось снять вполне приличный дом рядом с Вестминстерским аббатством, а потом и переселиться туда навечно.

В звездной компании и лирик XIX века Альфред Теннисон, любимый поэт королевы Виктории, даровавшей ему почетное звание поэта-лауреата и титул барона, «великий мастер метрики и меланхолии». Его последним, написанным за день до смерти, стихотворением было «Пересекая черту» («Crossing the Bar») — переложенное на музыку, оно было исполнено в день его похорон, которые запомнились современникам как самые светлые и торжественные в Аббатстве. По желанию самого Теннисона траур был заменен на белый цвет в одеж-

Джеффри Чосер

дах и убранстве Аббатства, несмотря на то, что поэт, по его собственным словам, уходил в «вечный сон ночи»:

Неяркий свет, вечерний звон,
А после темень, ночь!
Когда уйду я в вечный сон,
Печаль прощанья — прочь.

Хоть знаю — Океан велик,
Вдаль унесет прилив,
Надеюсь Лоцмана зреть лик,
Рубеж переступив.

Еще одна звезда, которая до сих пор ярко горит на небосклоне английской литературы, — это Ричард Шеридан, знаменитый драматург XVIII века англо-ирландского происхождения, управляющий, а позже владелец театра «Друри-лейн» в Ковент-Гардене, автор знаменитой «Школы злословия». Увы, последние годы его жизни никак нельзя было назвать благополучными — театр сгорел, писатель разорился,

продав все ценное и памятное из своего имущества. В декабре 1815 года он заболел и почти не вставал с постели. Так и уга-сал — в полном одиночестве и полной нищете.

Когда же Шеридан умер, все словно прозрели — его удо-стоили чести пышных похорон в Уголке Поэтов Вестминстер-ского аббатства. Гроб по очереди несли сам лорд-мэр Лондона и пэры, правда, памятник поставили много позже, на средства одного из друзей. Томас Мур отозвался об этом так:

Умирал в одиночестве он, а у гроба
Будет очередь сильных и знатных стоять.
Вот их дружбы мерило, вот чести их проба,
О пустых этих душах мне больно писать...
Где вы были, когда он, голодный, зачах?
Свора знатных в несчастье его избегала.
Нынче пристав с поэта стащил одеяло —
Завтра лорд его гроб понесет на плечах!

А время летит неумолимо — все новые звезды восходят и заходят, и тревожат прах старожилов Уголка Поэтов. Среди новичков — английский поэт и детский писатель Тед Хьюз, британский поэт-лауреат с 1984 по 1998 год. Через десять лет после его смерти газета Times поставила Хьюза на почетное 4-е место в списке 50 лучших британских писате-лей послевоенной эпохи, а в 2011 году поэт был увековечен в Уголке Поэтов — мемориал зеленоватого камня втиснули по соседству с мемориалом Эдварду Лиру, создателю знаме-нитых лимериков, прах которого, правда, покоится далеко от Лондона, на кладбище Фоссу в Сан-Ремо. Но, по крайней мере, эти имена известны и чтимы.

А как насчет Томаса Шэдуэлла — тоже, кстати, поэта-лауреата, как и Хьюз? И не только поэта-лауреата, но и коро-

левского историографа XVII века. Вряд ли кто-либо сегодня вспомнит его пьесы или процитирует строчку-другую, разве что вспомнит едкую сатиру Джона Драйдена «МакФлекно» — его орудие в поединке двух поэтов, которые разошлись и по поэтическим, и по политическим соображениям. Драйден считал творения Шэдуэлла образцом бездарности и литературной скуки, в то время как Рочестер утверждал, что «если бы Шэдуэлл сжег все, что он написал, и опубликовал все, что он говорил, он явил бы миру больше остроумия и юмора, чем какой-либо другой поэт». Как бы там ни было, но именно Шэдуэлл заместил на пожизненном посту поэта-лауреата своего поэтического и политического соперника Драйдена — поэта, переводчика, литературного критика и драматурга, которого отстранили от этой должности за отказ дать присягу представителю новой династии после Славной Революции 1688 года.

В Великобритании титул поэта-лауреата присваивается за заслуги в поэзии и развитии английского литературного языка. Название «лауреат» происходит от старинного университетского обычая награждать выпускников по классу поэтики и риторики лавровым венком. Первым поэтом-лауреатом стал Бен Джонсон, которому это звание было даровано Яковом I в 1619 году. В 1630-м его сын, Карл I, добавил к ежегодному жалованию поэта-лауреата бочку Канарского вина, однако этот славный обычай пришлось отменить по просьбе поэта-лауреата 1790 года Г. Дж. Пая, по-видимому, убежденного трезвенника, который попросил заменить вино денежным эквивалентом.

И все-таки история рассудила по-своему: Томас Шэдуэлл, чья память представлена в аббатстве мемориалом, покоится в Челси, а останки «великолепного Драйдена», как писал о нем Вальтер Скотт, первоначально захороненные на кладбище прихода Святой Анны в Сохо, были эксгумированы 10 дней спустя и перенесены в Вестминстерское аббатство.

Достоинным соседом Драйдену предстает Томас Гарди — английский романист, новеллист и поэт — последний представитель эпохи королевы Виктории. Правда, Гарди вовсе не желал себе чести быть похороненным в Вестминстерском аббатстве, более того, он еще и не верил в Бога. Как, впрочем, и его беспощадный критик Сидни Кокерелл, который, тем не менее, несмотря на оппозицию родного для Харди графства Дорсет и возражения его супруги, сумел добиться того, что тело Харди было захоронено в аббатстве, а его сердце — в Дорсете, неподалеку от места его рождения, в могиле его первой и горячо любимой жены Эммы. К сожалению, молва утверждает (и не без оснований), что подлинное сердце писателя, перед погребением опрометчиво оставленное на кухне, было съедено домашней кошкой.

Хорошо хоть, что прах остался в целости и сохранности и занимает свое положенное место в Аббатстве, в отличие от пустых мемориалов Милтону (чей прах покоится в Сейнт-Джайлз в Крипплгейте), Шекспиру (Стратфорд-на-Эйвоне), Вальтеру Скотту (Аббатство Драйберо в Шотландии), Уильяму Вордсворту (Озерный Край) и даже американцу Лонгфелло. В 1947 году сюда добавились и три сестры Бронте. В 1954 году пришла, наконец, очередь и поэта Шелли, и это при том, что в свое время Шелли заставили покинуть Оксфорд после публикации памфлета о необходимости атеизма. В протестантском аббатстве есть место и для ка-

толиков — Хопкинс был удостоен чести иметь здесь свой памятник, а ирландец Оскар Уайльд — часть мемориального окна.

А вот Бен Джонсон, знаменитый писатель XVI века, на премьере пьес которого присутствовал сам Шекспир, имеет самую компактную могилу в Аббатстве — 2 на 2 фута, поскольку похоронен стоя — большего он не смог себе позволить.

Поэтическое созвездие местами разбавляется весьма далекими от искусства персонами. Не совсем понятно, как в Уголок Поэтов попал сэр Джон Прингл, военный врач, который в свое время был уволен с поста президента Королевского Общества за то, что имел неосторожность повздорить с королем Георгом III по поводу оптимальной формы для громоотвода (Его Величество настаивало на закругленных

Уголок Поэтов в Вестминстерском аббатстве

концах). При этом, как лаконично отмечает его биограф, Прингл «не испытывал приязни к поэзии».

А как насчет Томпаса Триплета, на белом мраморном монументе которому изображена бегущая олениха с пронзенной стрелой шеей — часть родового герба? Каноник Вестминстерского аббатства, специалист в области греческого языка и филантроп, в годы правления Кромвеля, когда был отменен институт каноников, вынужден был работать учителем. Учительская карьера, правда, завершилась после того, как в 1662 году Томас спустил с лестницы мальчишку по имени Джордж Энт. Интересно, что паренек выжил и со временем стал поэтом, хотя и не удостоенным чести покоиться в Вестминстерском аббатстве со своим импульсивным наставником.

И все же время, неумолимое время, как вечно ищущий себя художник, зачастую стирает на своем вечном холсте одни лица и выписывает другие. Так и монументы некоторым обитателям Уголка Поэтов постепенно перемещаются в трифориум Аббатства — узкую галерею, расположенную за аркадой под скатом крыши боковых нефов, своего рода подсобное помещение. Как, например, произошло с Ханной Притчард, комедийной актрисой XVIII века, блиставшей в театре «Друри-лейн» в Ковент-Гардене. Чем уж Ханна не угодила острому на язык Самюэлю Джонсону, который однажды отозвался о ней, как о «вульгарной идиотке», неизвестно, но вряд ли это послужило поводом отправить ее монумент, который в свое время, ничтоже сумняшеся, установили рядом с самим Шекспиром, на пыльный склад. С другой стороны, трифориум — то самое место в Аббатстве, с которого открывается наилучший вид на все церемонии, которые там проходят. Кстати, именно оттуда шла съемка свадьбы принца Уильяма и Кейт Миддлтон. Как, должно

быть, эффектно смотрелась зеленая аллея из настоящих деревьев, сооруженная вдоль прохода в Аббатстве, по которой шли молодожены: два граба и шесть кленов, что, безусловно, было символично, как и сосуществование вечного покоя и молодой энергии жизни в стенах древнего Аббатства.

В ближайших планах Аббатства расчистить пыльные завалы трифориума и открыть его для публики, превратив в музейную экспозицию. И, может быть, тогда бедная Ханна снова обретет свою аудиторию.

В тишине ночного Лондона ничто не тревожит вечный сон обитателей Вестминстера — как верные часовые, стоят напротив резные башни здания Парламента, чьи силуэты расплываются в невозмутимых водах Темзы.

Что подумал бы Чарльз Диккенс о Вестминстере, очутись он на ночной прогулке в нашем, XXI веке, когда громадный циферблат Биг-Бена мерцает таинственной зеленоватой подсветкой, а само здание Парламента, залитое оранжевым светом, словно расплавленное золото, стекает в темные воды Темзы? И все же и сегодня, стоя у подножия Биг-Бена, как и века назад, нетрудно ощутить себя причастным к чему-то вечному и незыблемому, зато трудно поверить, что громадный двухэтажный автобус — красный дабдеккер — мог бы с легкостью проехать через циферблат этих всемирно известных часов, достигающих семи метров в своем диаметре!

И под звон Биг-Бена всплывают в памяти строчки Иосифа Бродского:

Город Лондон прекрасен, в нем всюду идут часы.
Сердце может только отстать от Большого Бена.
Темза катится к морю, разбухшая, точно вена,
И буксиры в Челси дерут басы.

ВЕСТМИНСТЕР — ВТОРОЕ СЕРДЦЕ ЛОНДОНА

ЛЕГЕНДЫ ВЕСТМИНСТЕРСКОГО АББАТСТВА

И все-таки что же для Лондона Вестминстер? Место последнего пристанища великих и знаменитых? Место, где много веков коронуются короли и королевы, где билось сердце Империи, над которой никогда не заходило солнце? Мекка для политиков и кузница национальной судьбы?

Говорят, что Лондон — это яйцо с двумя желтками. Один из желтков — это старый Лондонский Сити, место зарождения великого Лондиниума. Второй — Вестминстер, построенный по велению религиозного Эдуарда Исповедника, где прошлое на удивление зримо и осязаемо. Оно разлито в самом воздухе, отлито в камне: древний Вестминстерский зал Парламента, Башня Сокровищ, Вестминстерское аббатство, история которого насчитывает целых тринадцать веков. Построенное на болотистых землях, в отдалении от официального Лондона, то есть Сити, оно возникло не просто по прихоти и велению чудаковатого короля Эдуарда Исповедника, который правил Англией в 1042—1066 годах.

В жилах короля Эдуарда текла как саксонская, так и норманнская кровь. Любопытно, что его племянница принцесса-изгнанница Гита, дочь короля Гарольда II, стала первой женой великого киевского князя Владимира Мономаха и, по одной из версий, могла быть матерью основателя Москвы Юрия Долгорукого.

Некоторые историки считают, что Эдуард был альбиносом: его волосы и борода были белоснежными, удивительно

Витраж с ликом Эдуарда Исповедника

светлая кожа казалась прозрачной, он легко краснел, его пальцы были длинными и тонкими и, согласно легендам, приносили исцеление страждущим. Эдуард стал первым в истории Британии королем, который положил начало традиции исцелять больных золотухой, известной как «королевское проклятье», одним лишь прикосновением к больному. Кроме того, Эдуард, воспитанный в норманнском монастыре, был крайне религиозен, немногословен и больше подходил для уединенной жизни монаха, чем для королевского трона. Еще до вступления на престол он дал обет целомудрия, поэтому его последующий брак с Эдит, дочерью графа Эссекса, был, по сути, фиктивным. Неудивительно, что король не оставил наследников. Его супруга занималась благотворительностью и была удивительно скромна, предпочитая сидеть в ногах короля, вместо того, чтобы занимать свое место на троне рядом с ним.

«Исповедник» — так благоговейно стали называть короля в народе, и ореол святости окружил его имя еще при жизни.

Однако в характере Эдуарда уживались и странные противоречия: обычно молчаливый и покорный, он мог внезапно впасть в ярость, бывал язвителен и даже жесток, слыл азартным охотником.

Еще до своего восшествия на престол, Эдуард дал обет совершить паломничество в Рим. Однако королевский статус не позволил ему выполнить свое обещание, и Эдуард решил послать делегацию к Папе Римскому с просьбой отпустить этот тяжкий грех. Папа согласился даровать прощение только при условии, что король перестроит заново монастырь Святого Петра, что на островке Торни у самых берегов Темзы. Островок находился в месте впадения в Темзу реки Тайберн и впервые под названием *Thorn ait* (англо-сакс. «Остров колючек») упоминается в хрониках времен короля Мерсии Оффы, который хранил в монастыре свои грамоты. Свое название он получил из-за большого количества произрастающих на нем ежевичных кустов и описывался в хрониках как «ужасное место».

Однако к XI веку, времени правления Эдуарда Исповедника, с островом произошла волшебная метаморфоза — монахи окультурили дикую ежевику и стали выращивать ее в садах Аббатства, которые существуют до сих пор и являются старейшими садами Лондона, а сам остров представлял собой «прекрасное место, окруженное плодородными землями и зелеными полями».

В XIX веке русло Тайберна было убрано под землю, и при работах по постройке набережной Темзы было решено засыпать проток между островом и остальным Лондоном. О том, что было на этом месте раньше, напоминает небольшая улочка Торни-стрит.

Сам же монастырь Святого Петра был построен на острове на месте овечьей легендами церкви, которая, со-

гласно преданию, была освящена самим апостолом Божиим. Однажды ночью, в эпоху римских миссионеров, накануне того дня, когда должны были освятить новую церковь на берегу Темзы, рыбак по имени Эдрик отправился ставить сети. Не успел он зайти в лодку, как появился незнакомец в чужеземном платье и попросил Эдрика перевезти его через реку. Сойдя на противоположный берег, он сразу же направился к новой церкви, которая вдруг засияла в ночи неземным светом, и ангелы вдруг закружили над нею. Незнакомец признался, что имя его — святой Петр, а сам Эдрик за свою помощь получил в награду огромного лосося, что положило начало многовековой традиции — ежегодно приносить аббатству в дар лосося от имени всех рыбаков, промышлявших на Темзе.

Прибывший утром на остров епископ Лондонский, увидев распятие и услышав эту невероятную историю, понял, что новая церковь уже получила благословение свыше, ибо ее освятил тот, кто выше любого епископа.

Удивительно, но церковь Святого Петра действительно получила особый статус с самых первых дней своего существования, поскольку монахи подали прошение вывести ее из-под власти Лондонской епархии. Прошение было удовлетворено, и ни один епископ или архиепископ не имел права внести под ее своды свой посох без разрешения аббата или настоятеля, которые, в свою очередь, подчинялись только королю. Отсюда и особый королевский статус Вестминстера — маленького независимого священного островка посреди современного Лондона.

Таким образом, само Провидение уготовило Эдуарду Исповеднику миссию стать основателем священного монастыря, получившего название Вестминстер — «монастырь к западу от Лондона». В те времена белоснежный Вестминстерский

собор был самым большим зданием в Англии — на его строительство ушло двадцать лет. Аббатство стало хранилищем песка с горы Синай и земли с Голгофы, дощечки от священных яслей Иисуса и кусочков его креста, крови с бока Христа и молока Девы Марии, пальца святого Павла и волос святого Петра и Марии Магдалины, камней, которыми закидали до смерти святого Стефана, головы святого Бенедикта и зуба одного из Волхвов.

От древнего норманнского храма до сегодняшнего дня сохранились только одна большая мрачная арка в южном трансепте, часовня Пикс Чепел (Pux Chapel), прилегающая к ней часть двора и Норман Андеркрофт — большая крипта-усыпальница.

Самой старой частью Аббатства, построенной в 1065 году, является восьмиугольная часовня Пикс Чепел, которая почти три века служила монастырской, а затем и королевской сокровищницей — и драгоценности короны, и государственная казна, и даже регалии шотландских королей, включая Священный Крест Холируда, — все это хранилось здесь.

Сокровищница располагалась в подземельях под dormitorio — огромным залом с деревянным сводчатым потолком, который раньше был спальней монахов и в котором ныне размещена библиотека.

В особых шкатулках здесь хранились образцы находившихся в обращении золотых и серебряных монет, отсюда и название «рух» — дарохранилище или ящик для пробной монеты. Здесь же находились одни из точнейших в мире весов для взвешивания золота и серебра. Тяжелые своды на семи массивных колоннах, средневековые сундуки, где когда-то хранились сокровища, двойные двери с семью замками и огромными ключами — все здесь дышит историей, основательностью и надежностью.

Долгое время считалось, что попасть в сокровищницу можно было только из восточной галереи монастырского двора, выстроенной в 1345 году на месте старого монастырского кладбища, через один-единственный вход, который тщательно охранялся.

Однако в конце XIX века в ходе реставрационных работ в Аббатстве в стене сокровищницы была обнаружена еще одна потайная дубовая дверь. Кое-где на ней уцелели клочки белой кожи, которой она была некогда обита. Тогда-то и возникла кровавая легенда о том, что эта загадочная дверь была обита кожей человека, казненного здесь несколько веков назад. А вот и сама история, как это было...

Летом 1303 года, пока король-воин Эдуард I был занят тем, что подавлял в Шотландии очередной мятеж, вестминстерский аббат Уэнлох и 48 его монахов вступили в преступный сговор. Ставка была высока — в сокровищнице в то время находилось денег и драгоценностей на сумму, равную двум годовым бюджетам страны. Заговорщики приступили к делу, не мешкая. На монастырском кладбище перед входом в сокровищницу Уэнлох распорядился посеять коноплю — ее высокие заросли должны были скрыть от посторонних глаз, как воодушевленная легкой добычей братия сновала по потайному ходу в подземелье и обратно с драгоценным грузом. Склад краденого устроили у самых стен собора, прямо в могильных склепах, а помогать монахам сбывать добычу подрядился лондонский торговец шерстью Ричард Поуделикот.

Не обошлось и без крови — однажды вечером священник отец Бенедикт, проходя мимо, застал

грабителей на месте преступления и попытался их устыдить. Опасного свидетеля немедленно убрали. Как уверяет музейная охрана Вестминстерского аббатства, призрак старого священника — высокий, сухопарый, под низко надвинутым монашеским капюшоном — и поныне скользит по галереям монастырского двора между пятью и шестью часами вечера. Если присмотреться, то можно различить бледное лицо, крючковатый нос, глубоко посаженные глаза. Иногда он будто бы тихо разговаривает о чем-то сам с собой, но разобрать то, что он говорит, пока еще никому не удалось.

Наконец, к осени 1303 года до короля все же дошли слухи о том, что происходит в Аббатстве. Специальная комиссия, которую Эдуард I тут же отрядил в Вестминстер, вскрыла небывалое по масштабам разграбление казны. Суд был суров и беспощаден — с Ричарда Поуделикота заживо содрали кожу и прибили гвоздями к потайной двери сокровищницы, дабы никто более не посмел пойти по его стопам. Лоскутья кожи несчастного особенно хорошо сохранились под железными засовами потайной двери. Что касается его сообщников, то лишь духовное звание спасло вестминстерских монахов и их аббата от подобной участи — Лондонский Тауэр радушно принял их в свои объятия.

Есть, правда, версия и о том, что экспертиза якобы установила, что «человеческая кожа» оказалась шкурой обычной коровы. Зато доподлинно известно, что загадочная дверь действительно была современницей Эдуарда Исповедника — анализ древесины показал, что она была изготовлена из дуба,

росшего с 924-го по 1030 год в лесных угодьях Аббатства предположительно в районе графства Эссекс на востоке Англии, а значит, она является свидетельницей и церемонии открытия Аббатства, и коронации Вильгельма Завоевателя.

Сама же торжественная церемония открытия состоялась 28 декабря 1065 года. Король Эдуард к тому времени был уже серьезно болен и в первых числах судьбоносного для Британии 1066 года скончался. Исповедник стал первым монархом, похороненным в Вестминстерском аббатстве. Его верная жена Эдит, скончавшаяся девять лет спустя, была захоронена рядом с ним.

Последним из королей Британии, погребенным в Вестминстерском аббатстве, стал Георг II, покоящийся здесь рядом со своей супругой Каролиной и старшим сыном, которого они оба смертельно ненавидели, — так и не успевшим стать королем Фредериком Луисом, скончавшимся от последствий удара крикетным мячом. Все остальные британские

Вестминстерское аббатство на старом изображении

монархи, начиная с Георга III, свой последний приют обрели в усыпальницах Виндзора — часовне Святого Георга и мавзолее Фрогмор, построенном великой королевой Викторией для горячо любимого мужа Альберта.

Интересные факты

— Могила Неизвестного Солдата, расположенная в западном конце нефа и окруженная бордюром из красных маков, — единственная в Аббатстве, на которую нельзя наступать.

— Идея похоронить в Вестминстере британского воина, чье имя и звание неизвестны, родилась у молодого армейского капеллана Дэвида Рейлтона в 1916 году, когда он служил на Западном фронте. Правительство и общественность поддержали этот план. Поисковые партии на шести полях сражений во Франции эксгумировали по одному телу и, убедившись в том, что все они были воинами британской армии, доставили их 7 ноября в часовню в Сейнт-Поле. В полночь в часовню вошел генерал Ват с завязанными глазами и выбрал одного из них наугад.

— На военном корабле в сопровождении шести эсминцев тело солдата торжественно доставили из Франции на лондонский вокзал Виктория. Церемония торжественного захоронения состоялась 11 ноября 1920 года. Чтобы увековечить память о союзниках в Первой мировой войне, было принято решение засыпать могилу французской землей и накрыть сверху плитой из бельгийского черного мрамора.

— Неизвестный солдат стал последним из погребенных в Вестминстерском аббатстве. Флаг,

которым был накрыт гроб, висит поблизости на колонне — этим флагом Дэвид Рейлтон накрывал временные алтари, принося солдат. На соседних колоннах — колокол с корабля «Верден», доставившего тело в Британию, и Почетная медаль конгресса — награда воину от США.

— Традицию возлагать букет королевской невесты на Могилу Неизвестного Солдата положила Елизавета Боуз-Лайон, матушка ныне правящей королевы Елизаветы II, когда 26 апреля 1923 выходила замуж за принца Альберта, герцога Йоркского, в будущем короля Георга VI. Сделала она это в память о своем погибшем на войне брате Фергусе.

В 1653 году в Аббатстве был похоронен самый старый из когда-либо живших в Британии людей. Правда, известно о нем не так уж и много — его звали старик Пар, на момент смерти ему было предположительно 152 года, а великой почести быть похороненным в Аббатстве он удостоился благодаря королю Карлу II, на которого встреча с долгожителем произвела неизгладимое впечатление.

Но вернемся в далекий XI век: пока Эдуард лежал на смертном одре в Аббатстве с золотым распятием на шее и кольцом пилигрима на прозрачной руке, его англосаксонский преемник Гарольд был спешно коронован, однако к наступлению Рождества уже сам Гарольд был убит, а в Вестминстере, прямо над могилой основателя Аббатства, короновал себя норманн — Вильгельм Завоеватель. С тех пор все короли и королевы Британии по традиции проходят церемонию помазания на власть в Вестминстерском аббатстве.

Считалось, что для успешного царствования следует установить некую связь нового монарха с его святым предшественником. Для этого в самый торжественный момент коронации на плечи нового правителя накидывали старинную мантию Исповедника. Если волосы взъерошивались во время помазания, их причесывали гребнем короля Эдуарда. В завершение обряда на голову нового государя возлагали старинный золотой венец, после чего он отправлялся в усыпальницу Эдуарда, где с него торжественно снимали одежды святого, оставляя их на алтаре. После чего, уже в современном одеянии, монарх со скипетром в руках направлялся во дворец.

В 1163 году, спустя почти век после своей кончины, Эдуард был официально причислен к лику святых, а рака с его мощами стала местом паломничества — многие страждущие оставались на ночь рядом с мощами, надеясь на чудо и исцеление. В первый раз останки Исповедника потревожили в 1098 году по приказу короля Генриха I. По свидетельству очевидцев, тело Эдуарда прекрасно сохранилось, казалось, он просто спал. Епископ Рочестерский попытался вытянуть прозрачный волос из белоснежной бороды короля, однако ему это не удалось.

Во второй раз это произошло уже в XIII веке при Генрихе III, который затеял грандиозную перестройку старинного норманнского аббатства в стиле французской готики и особые почести воздал основателю Аббатства — по его заказу итальянские мастера изготовили монументальную гробницу Эдуарда Исповедника, украшенную мозаикой из смальт и двухъярусной аркадой с пилястрами коринфского ордена, куда и перенесли мощи святого. Согласно легенде, Эдуарда переодели в новое облачение и сняли с пальца знаменитый коронационный перстень с сапфиром, так называемое «кольцо пилигрима».

Легенда о «кольце пилигрима»

Знаменитое кольцо Эдуарда Исповедника с роскошным сапфиром, согласно легенде, было однажды подарено им старому нищему, который просил милостыню рядом со строящимся Вестминстерским аббатством. Король не пожалел дорогого перстня и, сняв кольцо с пальца, протянул его старику. Годы спустя несколько английских паломников встретили того же «нищего» на Святой Земле, и старик открыл им, что он — сам Иоанн Богослов. Отдав паломникам кольцо с сапфиром, он попросил вернуть его королю Эдуарду и предупредить его, что тот через 6 месяцев умрет. Кольцо стало символом Исповедника, а сама история нашла свое отражение во многих церковных витражах Англии.

«Кольцо пилигрима», снятое с пальца Эдуарда, было помещено в сокровищницу Вестминстерского аббатства, а впоследствии, согласно одной из версий, сапфир из кольца Исповедника украсил Государственную Корону, которой и по сей день пользуется нынешняя королева Британии во время официальных церемоний. Корона в настоящее время хранится в Тауэре — мрачной средневековой крепости XI века, но сапфир в короне, если это действительно сапфир из «кольца пилигрима», старше самого Тауэра.

Перестройка Вестминстерского аббатства в готическом стиле растянулась почти на два века. Генрих III намеревался создать храм, подобный Реймскому собору во Франции, который служил местом коронации французских монархов. К строительству были привлечены лучшие архитекторы того

времени — Генри Рейнский, Джон Глостерский, Роберт Беверли, Генри Йевель. В XIII веке была заново выстроена восточная часть собора, зал Капитула, а также галереи, окружающие с севера и востока монастырский дворик.

Знаменитый зал Капитула, имеющий форму многогранника, без преувеличения можно назвать жемчужиной английской готики. Огромные стрельчатые окна и грациозные арки с завершением в виде трилистника, яркое многоцветие гигантских витражей, совершенство резных каменных кружев, выложенный изразцами пол — все это создает ощущение удивительной гармонии. Первоначально предназначенный для монастырских собраний, зал Капитула уже с 1253 года стал одним из мест заседаний палаты общин, а с 1540 года до 1865-го в нем хранился государственный архив.

В XIII веке в алтарной части Аббатства был выложен и уникальный мозаичный пол в стиле косматеско, типичного для

Старая часть Вестминстерского аббатства

средневековой Италии и в особенности Рима. Косматеско предполагает широкое использование штучной мозаики и обязан своим названием семье итальянских мраморщиков Космати (Cosmati), представители которой творили свои шедевры в Риме и окрестностях в XII и XIII веках. При этом в качестве основы обычно использовали белый мрамор, который инкрустировали геометрическим узором. Вероятно, во время своего визита в Рим в 1268 году настоятель Вестминстера Ричард де Уэйр (Richard de Ware), впечатленный красочной мозаикой, нанимает итальянских мастеров для украшения нового аббатства Генриха III. Под руководством некоего Одорикуса они набирают мозаику размером 7,58 на 7,58 метра из тридцати с лишним тысяч кусков порфира, стекла (что само по себе необычно) и оникса, уложенных в пербекский мрамор, который на самом деле представляет собой темный известняк мягкой текстуры, добываемый на английском острове Пербек.

При этом медными буквами выкладываются три загадочные надписи на латыни, которые были вовремя скопированы хронистом в XV веке и реставрированы в XXI. Что же за великая тайна скрывается за латинскими письменами? Итак, первая надпись: «В год от Рождества Христова 1212 плюс 60 минус 4 третий король Генрих, город, Одорикус (Odoricus) и настоятель выложили эти порфиновые камни». Таким образом, узнаем дату создания мозаики — 1268 г. Сама же надпись, предположительно, выполнена после смерти короля Генриха III в 1272 году (1212+60). Генрих процарствовал очень долго — 56 лет (60—4).

Вышеупомнутый настоятель и есть Ричард де Уэйр, который был похоронен под этим самым мозаичным полом.

Вторая надпись выглядит весьма запутанной: «Если читатель внимательно обдумает все, что здесь выложено,

он сможет вычислить конец *primum mobile* — зеленая изгородь живет три года, добавьте собак, и лошадей, и людей, оленей и воронов, орлов, огромных китов, весь мир: каждый последующий живет в три раза дольше предыдущего». Под живой изгородью понимается любимый англичанами зеленый забор из плотно посаженного кустарника. Ричард Спорли, монах средневекового Вестминстера, писал, что «*primum mobile*» означает наш мир, возраст которого, или конец, определяется путем троекратного умножения. Таким образом, проведя подсчеты, приходим к интересным цифрам: «зеленая изгородь» (*hedge*) живет 3 года, собака — 9, лошадь — 27, человек — 81, 243 729 2187 6561, а мир — 19, 683 года.

Третья же надпись гласит: «Сферический глобус здесь показывает исходный макромир». В записях Спорли встречаем объяснение и этому понятию: макрокосм, объясняет он, — это «великий мир, в котором мы живем», в то время как под микрокосмом надо понимать человека. Что же касается «сферического глобуса», то, по его мнению, он представляет собой «круглый камень, сочетающий в себе цвета четырех стихий — огня, воздуха, воды и земли».

Уникальный пол недавно отреставрировали и торжественно переосвятили на службе 21 мая 2010 года, так что теперь каждый посетитель Аббатства может приобщиться к этому загадочному посланию из далекого XIII века.

В XV столетии главный неф — самый высокий в Англии — обретает свой окончательный вид — мрамор цвета меда, упругие стрельчатые арки, рвущиеся ввысь колонны, резное кружево камня, свет, льющийся со всех сторон через огромные цветные витражи, — здание кажется невесомым, несмотря на свои впечатляющие размеры, еще шире и выше, чем снаружи.

Над крыльями главного нефа располагается украшенный резьбой трифорий — узкая декоративная галерея, один из лучших архитектурных элементов Аббатства, а на фасадах северного и южного трансептов расцветают окна-розы причудливой формы.

В 1502 году Генрих VII возводит на месте центральной часовни в апсиде новый роскошный придел, посвященный Пресвятой Деве Марии — лучший образец поздней готики в Англии. Красота ее резного веерного потолка может конкурировать с работой самой непревзойденной кружевницы королевства.

Интересные факты

— Длина Вестминстерского аббатства 156 метров, ширина боковых и главного нефа — 22 метра. Высота храма — 31 метр, а высота башен — 69 метров.

— 27 сентября 2010 года Папа Бенедикт XVI стал первым Папой Римским, посетившим Вестминстерское аббатство.

Скамьи в часовне украшены ювелирной резьбой с реалистическими сценками из повседневной жизни. Здесь же обрели свой последний приют и сам Генрих VII с супругой, и королевые-соперницы Елизавета Тюдор и Мария Стюарт.

С 1725 года часовня предоставлена в распоряжение кавалеров ордена Бани — одной из высших государственных наград Англии.

Часовню Генриха VII окружают пять маленьких часовенок, в одной из которых был похоронен лорд-протектор Англии Оливер Кромвель. Правда, после реставрации монархии и возвращения на трон Карла II, Кромвелю (точнее сказать,

его телу) пришлось покинуть Вестминстер, предстать перед судом и быть посмертно обезглавленным.

А в небольшой комнатке в северном крыле апсиды находится весьма необычный музей восковых фигур, который вполне мог бы составить конкуренцию Музею мадам Тюссо на Бейкер-стрит. Дело в том, что в Средние века во время погребения королей или знатных лиц существовал обычай нести впереди процессии или класть на гроб облаченное в пышные одежды восковое изображение умершего. Первым экспонатом коллекции стала восковая фигура короля Эдуарда III, который умер в 1377 году. Со временем к нему присоединились королевы Елизавета и Анна, король Карл II, герцог Бэкингем, премьер-министр Питт-старший и даже адмирал Нельсон. При этом восковая фигура Нельсона была изготовлена по заказу аббатства исключительно как туристическая достопримечательность — согласно решению правительства, легендарный адмирал был похоронен в соборе Святого Павла,

Внутреннее убранство Аббатства

и Вестминстер решил продублировать Нельсона для его поклонников и своих прихожан.

Но, пожалуй, самый большой интерес вызывает восковая фигура Фрэнсис Стюарт, герцогини Ричмондской, некогда фаворитки Карла II, у которой хватило смелости ответить отказом на откровенные притязания короля (готового даже на то, чтобы разорвать брачный союз со своей супругой) и выйти замуж по любви. Уже после опального замужества первая красавица королевства послужила моделью для изображения Британии на двух памятных монетах того времени. Королевский же гнев сменился на милость, а, вернее сказать, жалость, только после того, как Фрэнсис переболела оспой — бывшая фаворитка вернулась ко двору фрейлиной королевы, но вряд ли теперь уже была объектом страсти любвеобильного короля. Овдовев в 27 лет, Фрэнсис так больше и не вышла замуж, довольствуясь ролью любимой тетушки своих многочисленных племянников и племянниц. Прожив долгую и достойную жизнь, она успела принять участие в коронации королевы Анны, скончавшись осенью того же 1702 года. На восковой фигуре Фрэнсис та самая парадная одежда, в которой она была на коронации, а рядом с ней чучело ее любимого африканского серого попугая, прожившего с ней без малого 40 лет и последовавшего за своей хозяйкой почти сразу после ее смерти. Пожалуй, на сегодняшний момент это самое старое чучело птицы в Британии.

Весьма любопытно и то, что вплоть до XIX века Вестминстер являлся третьим по значимости учебным заведением в Англии после Оксфорда и Кембриджа. Именно здесь была переведена первая треть Библии Старого Завета короля Якова I и последняя часть Нового Завета, а в 1990-х годах в Аббатстве были выставлены две иконы, написанные русским иконописцем Сергеем Федоровым.

Что же касается всех последующих перестроек Вестминстера, то их трудно назвать удачными: в начале XVIII века перестроили западный фасад, построенный в XV столетии, затем в середине XVIII века Николас Хоуксмур возвел две западные башни собора — сконструированные из портлендского камня, они являются ранним образцом стиля готического возрождения. В конце XIX века переделке, которую современники единодушно сочли «варварской», подвергся и северный портал.

Над западным порталом, то есть над главным входом Вестминстерского аббатства, изначально планировалось разместить скульптуры святых и монархов, однако по неизвестным причинам проект этот так и не был осуществлен — вплоть до конца прошлого столетия ниши оставались пустыми. В итоге англиканская церковь приняла решение увековечить память десяти мучеников уже XX века, установив в ниши их скульптуры и торжественно освятив их 9 июля 1998 года.

Удивительно, но факт — среди этих десяти религиозных деятелей, пострадавших за веру и просветительскую деятельность, нет ни одного британца. Основным же критерием, по которому специальная комиссия отбирала новомучеников XX века, было желание максимально широко представить разные континенты Земли и разные христианские конфессии. Среди них и польский католический священник Максимилиан Кольбе, добровольно принявший смерть в концлагере Освенцим ради спасения незнакомого ему человека, и Мартин Лютер Кинг, известный как непримиримый борец с расизмом, и китайский пастырь Ван Чжимин, и Манче Масемола — пятнадцатилетняя девочка из южноафриканского племени Педи, единственная христианская святая в Африке. Благодаря стараниям англиканских миссионеров, в начале XX века среди аборигенов племени Педи возникла небольшая

христианская община. Манче вместе со своей кузиной Люцией посещала занятия по подготовке к крещению, чему воспротивились ее родители-язычники. Девочку отвели к местному хилеру, который заявил, что ее околдовали и прописал традиционное лекарство — принимать его Манче заставляли силой. Мать прятала ее одежду, чтобы Манче не могла выйти из дома, и девочка как-то сказала, что ей придется креститься в собственной крови. 4 февраля 1928 года родители решили положить этому конец — они отвели Манче в безлюдное место и забили до смерти, похоронив под гранитным камнем на безлюдном холме. Спустя сорок лет мать Манче приняла христианство.

Четвертая фигура с левой стороны в монашеском одеянии — статуя великой княгини Елизаветы Федоровны Романовой (1864—1918) — принцессы Гессен-Дармштадской, внучки королевы Виктории. Ее сестрой была наша последняя императрица Александра Федоровна, а мужем — дядя Николай II великий князь Сергей Александрович Романов, занимавший пост губернатора Москвы. Безмерно любя и уважая своего супруга, приняв Россию всем сердцем, протестантка Елизавета принимает решение перейти в православную веру. После трагической гибели Сергея Александровича, одна из красивейших женщин Европы, затмевавшая всех на придворных балах, Елизавета Федоровна отрекается от мира и, продав свои драгоценности, основывает в Москве Марфо-Мариинскую обитель милосердия. Княгиня ведет на удивление аскетичную жизнь, отдавая себя без остатка благотворительности. После прихода к власти большевиков, осознавая всю опасность своего положения, она, тем не менее, отказывается покинуть Россию. В 1918 году Елизавета Федоровна Романова была арестована и вскоре казнена — в ночь на 18 июля вместе с верной ей инокиней Варварой

и другими членами царского семейства сброшена в шурф заброшенной шахты в Алапаевске. Шагая в черную пасть шахты под дулами пистолетов она же и молилась за своих палачей: «Отче, отпусти им — не ведают бо, что творят!» Похоронена великая княгиня, как когда-то и мечтала, под православным храмом равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании. В 1992 году Архиерейским собором Русской

*Фигура великой княгини Елизаветы Федоровны
над порталом Вестминстерского аббатства*

Православной Церкви великая княгиня Елизавета и сестра Варвара причислены к лику святых и включены в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Подобный памятник Елизавете Федоровне стоит в Москве, в Марфо-Мариинской обители — именно к нему в первую очередь возложила цветы во время своего единственного визита в Россию королева Елизавета II. Давайте задержимся на мгновение у главного входа в Аббатство, прежде чем войти туда, где славят Бога, и тогда по-особому прозучат слова, сказанные однажды великой княгиней: *«Ныне трудно найти правду на земле, затопляемой все сильнее греховными волнами; чтобы не разочароваться в жизни, надо правду искать на небе, куда она ушла от нас».*

ПАРЛАМЕНТ — ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Резные башни и шпили, каменные кружева, готическая сказка — смотрится в темные воды Темзы элегантный красавец — Вестминстерский дворец, вглядывается пристально, словно пытается рассмотреть свое далекое прошлое...

Каким был его предок на заре своей молодости при Эдуарде Исповеднике и Вильгельме Завоевателе, или при рыжеволосом сыне его, Вильгельме II Руфусе, когда дворец начали перестраивать? Возвели Главный Зал дворца, гигантский Вестминстер-холл — самое большое по тем временам светское здание в Англии — семьдесят четыре метра в длину, восемнадцать в ширину, мощнейшие стены толщиной два метра. Там проводили торжества и церемонии, обосновался королевский казначей, а сам король собирал свой совет, со временем превратившийся в парламент.

Да, он был гордым, предок нынешнего Парламента — как писал о нем в XII веке Вильям Фицтивен: *«К западу,*

на берегу реки, королевский дворец гордо поднимает свою голову; он простирается вишьрь, непревзойденное сооружение, укрепленное бастионами и брустверами, на расстоянии двух миль от города».

Гордый красавец мужал со временем, рос и ширился в плечах, не чуждался и украшений — так появилась «Расписная палата», служившая одновременно и парадной спальней, и залом для приемов Генриху III и его сыну Эдуарду I. «Стены ее с удивительным искусством были украшены военными сценами из Библии, а тот, кто на них смотрит, поражается, а величие короля прославляется» — так писали о ней два ирландских монаха-современника, не в силах сдержать своего восхищения.

Появился и трон, и королевский стол — символ власти — первоначально деревянный, впоследствии мраморный, о чем свидетельствуют обломки темного мрамора, найденные под полом Вестминстер-холла в 2006 году.

В 1292 году по образу и подобию парижской Сент-Шапель начали строить часовню Святого Стефана, убранство которой, благодаря взошедшему на престол в 1327 году Эдуарду III, получилось просто роскошным. По указанию Эдуарда выстроили и башню с часами (она находилась рядом с тем местом, где сейчас высится статный Биг-Бен), и башню, где разместилась королевская казна.

При внуке Эдуарда, Ричарде II, Вестминстерский дворец окончательно становится главной резиденцией монарха — по его приказу Вестминстер-холл перестраивает знаменитый каменщик Генри Йевел. В 1399 году он заканчивает сооружение главной гордости Вестминстер-холла — модного в те времена деревянного сводчатого потолка высотой в несколько десятков метров: огромные дубовые балки поддерживают деревянные арки, а резные ангелы держат щиты, украшенные

королевским гербом. При этом крыша Вестминстер-холла была покрыта свинцом общим весом в сто семьдесят шесть тонн. Сам зал украсили тринадцать статуй английских королей, начиная с Эдуарда Исповедника, которого Ричард II почитал особо. Увы, но королю не пришлось вдоволь налюбоваться своим творением и праздновать в нем свои победы — первым знаменательным событием в Вестминстер-холле стало отречение Ричарда II от престола.

Прошли века, и знаменитый Вестминстер-холл, единственная уцелевшая часть старого дворца, не раз реставрировался — меняли окна, сгнившие балки деревянного потолка, последняя массивная реставрация проходила в 1913 году. Именно тогда перед реставраторами встала серьезная проблема — необходимо было заменить несколько несущих деревянных конструкций, но где взять древесину нужного качества? Англия давно уже перестала гордиться своими густыми дубовыми лесами, так что найти древние дубы нужного размера, возраст которых перевалил бы за 500 лет, оказалось совсем непросто. К счастью, кому-то в голову пришла блестящая идея — проследить по источникам, в каком месте произрастали дубы, древесина которых пошла на строительство крыши в XIV веке. Оказалось, что поставщиком древесины для королевского двора в то время было поместье в Сассексе, которым владело семейство Куртхорпов. К счастью, один из потомков благородного семейства, сэр Джордж Куртхорп, оказался членом Парламента от округа Рай. Когда же к нему обратились за помощью, сэр Джордж рассказал удивительную историю — после того как

дубы были спилены и проданы королю в XIV веке, его предусмотрительные предки решили, что рано или поздно древесина крыши начнет приходить в негодность — наступит время ее заменять. С этой целью они и высадили новую плантацию — дубы, которым на момент беседы уже минуло 6 веков, были должным образом спилены и отправлены на ремонт крыши Вестминстер-холла.

Последним пышным и семейным мероприятием, которое Вестминстер-холл видел в 1511 году еще в свою бытность королевского дворца, стали торжества по случаю рождения наследника — сына Генриха VIII и его супруги Катерины Арагонской, который, увы, вскоре скончался. В следующем году во дворце вспыхнул сильный пожар, поглотивший личные покои короля, — правда, Генриху VIII было, куда направить свои королевские стопы — ни в женах, ни во дворцах у короля не было недостатка. И, хотя какое-то время Вестминстер все еще был официальной резиденцией монарха, а в Вестминстер-холле отмечали коронации, он постепенно переходит в ведение Парламента и королевских судов. Итоговой чертой становится акт 1536 года, согласно которому Вестминстерский дворец, именуемый «старым дворцом короля», становится юридически частью «нового дворца короля», впоследствии получившего название Уайтхолл. Поначалу Палата Лордов заседала в уцелевших «Палатах Королевы», самой старинной части дворца, а Палата Общин, начиная с 1547 года, в часовне Святого Стефана. Правда, в 1605 году Палата Лордов чуть было не взлетела на воздух в результате «Порохового Заговора» католиков против короля Якова I — с тех пор каждый год 5 ноября вся Британия празднует «Ночь Гая Фокса» — этого несчастного паренька из города Йорка, собиравшегося

поджечь фитиль под вековой историей монархии, поймали в подвалах дворца, пытали и казнили, а теперь дружно жгут его чучело и по традиции обыскивают все подвалы Парламента перед торжественным въездом монарха в Парламент и открытием новой сессии в Палате Лордов.

В январе 1649 года в Вестминстер-холле случится и вовсе нечто беспрецедентное — старые стены содрогнутся, услышав смертный приговор Карлу I, сыну некогда спасенного Якова, на сей раз Парламент со всей суровостью осудит опального короля, вознамерившегося бросить ему вызов и управлять страной единолично. Его сын, Карл II, вернется на британский престол спустя 10 лет, после реставрации монархии, будут меняться фаворитки и фавориты, разрушаться в огне пожара старые дворцы и строиться новые, а в ночь на 16 октября 1834 года придет черед и Вестминстерского дворца. В эту самую ночь в результате пожара, вспыхнувшего в помещениях под Палатой Лордов, сгорит знаменитый дворец, простоявший на этом месте без малого восемь веков. Сгорит по нелепой случайности — в печи Палаты Лордов было приказано сжечь старые деревянные казначейские мерные рейки с зарубками, которые применялись в Англии для денежных расчетов еще со времен короля Генриха I. Вопрос в том, зачем эти палки потребовалось сжигать, вместо того чтобы, как писал Диккенс, «разрешить беднякам, живущим по соседству, вынести их и пустить на дрова». В итоге печь, набитая рейками до отказа, подпалила обшивку стен — начался пожар в Палате Лордов, который перекинулся на Палату Общин, а затем и на весь дворцовый комплекс. На фоне черного лондонского неба плясали гигантские языки пламени, отражаясь в испуганной Темзе — знаменитый английский пейзажист Вильям Тернер, ставший свидетелем этого поистине драматического зрелища, был настолько по-

трясен увиденным, что впоследствии неоднократно писал по памяти огромный пылающий дворец.

Единственным, что пощадило пламя, был старинный Вестминстер-холл... Однако Парламент, лишившийся своего пристанища, был полон решимости вернуться на насиженное место на берега Темзы, несмотря на то, что король Вильгельм IV великодушно предложил погорельцам воспользоваться Букингемским дворцом — тогда еще не официальной и не главной резиденцией британских монархов.

В марте 1835 года была назначена специальная комиссия, которая в течение года выбирала среди представленных девятиности семи проектов единственный, достойный воплощения. В итоге предпочтение было отдано проекту известного архитектора Чарльза Бэрри, страстного поклонника готики — во-первых, была отдана дань возродившейся в конце Георгианской эпохи моды на средневековую готику, во-вторых,

Готическое кружево Лондонского Парламента

готические шпили нового здания должны были напоминать о величии британской монархии, и, наконец, проект Бэрри органично вписывал в себя и уцелевший Вестминстер-холл, и Казначейскую Башню.

ЧАРЛЬЗ БЭРРИ И АВГУСТ ПЬЮДЖИН — СОЮЗ ВО ИМЯ ГОТИКИ

Творец возрожденного из пепла здания Парламента, сэръ Чарльз Бэрри, родился буквально в двух шагах от него и был крещен в домово́й англиканской церкви Палаты Общин — Святой Маргарет — членом которой он и являлся пожизненно. Способности к рисованию и черчению довольно рано проявились у талантливого юноши, тем более что этому способствовало обучение в престижных частных школах. После смерти отца Чарльз, унаследовав приличное состояние, отправляется в трехлетнее путешествие по Средиземноморью и Ближнему Востоку — масса впечатлений, сотни набросков... Бэрри влюбляется в зодчество итальянского возрождения и принимает решение посвятить свою жизнь архитектуре. По возвращении в Лондон, благодаря дружбе своей невесты с известным архитектором Джоном Соаном, Бэрри был представлен в Комитет по церковному строительству и начал получать свои первые заказы. Он строит церкви, дворцы и общественные здания преимущественно в готическом и классическом стиле в Манчестере, Ньюбери, Солфорде, Брайтоне. Занимается реконструкцией Трафальгарской площади, строит Ланкастер-Хаус в Лондоне.

Творил он и за пределами Англии — перестроил старинный шотландский замок Данробин для Второго графа Сазерландского в шотландском баронiallyном стиле, разбил сады и спроектировал фонтаны.

И все же бессмертную славу принес Бэрри проект по восстановлению Вестминстерского дворца, выполненный им совместно с архитектором Августом Уэлби Пьюджином в 1836 году, после пожара октября 1834 года, уничтожившего старое здание Вестминстера.

Это был странный союз двух разных людей, который оказался на удивление удачным. Рациональный, уравновешенный и деловой Бэрри был хорошим стратегом и бизнесменом — ему принадлежит общий проект здания Парламента, он был локомотивом всего процесса строительства, что требовало немалых сил и нервов. Он подарил Парламенту плоть, а душу в него вдохнул влюбленный в средневековую готику, ранимый и искренний Август Пьюджин с его тонким чутьем настоящего Художника.

Бэрри был прирожденным горожанином в отличие от Пьюджина, находившего отдохновение в патриархальных сельских пейзажах — он не любил покидать Лондон, предпочитая столичную публику и окружение. Любил вставать очень рано, довольствуясь четырьмя или пятью часами сна и работать до полудня. Не любил находиться один и был счастлив, когда кто-нибудь составлял ему компанию во время работы — читал ему или просто беседовал. Предпочитал науку литературе, был примерным семьянином — в браке с Сарой Росвелл родились семеро детей. Четверо из его сыновей и двое внуков пошли по его стопам и стали архитекторами, а второй сын, Преподобный Альфред Бэрри, стал известным священником — епископом Сиднея в Австралии, и написал 400 страниц биографии своего отца.

Бэрри был обласкан властью и получил свое признание при жизни — член многочисленных Академий художеств, Лондонского королевского общества, в 1850 году был награжден Золотой медалью Королевского института британ-

*Чарльз Бэрри**Август Пьюджин*

ских архитекторов, а в 1852 году посвящен в рыцари. 22 мая 1860 года Бэрри был удостоен погребения в Вестминстерском аббатстве — торжественный прощальный аккорд в достойной и благополучной жизни.

Совсем по-иному, однако, складывалась жизнь его партнера в этом странном тандеме.

В 2012 году исполнилось 200 лет со дня рождения Августа Чарльза Уэлби Пьюджина — он родился в один год с Чарльзом Диккенсом и, пожалуй, сделал не меньше для викторианской Британии, однако имя его долгие годы было незаслуженно забыто. Господь даровал ему гениальность и отмерил сорок лет жизни — яркой и противоречивой. В ней было все: и любовные приключения, и долговая тюрьма, и двойное вдовство, и вдохновенные творения и, как последняя капля, Бедаам — дом для умалишенных. Пожалуй, не было только одного — истинного признания того, что этот живущий в мире готических грёз странноватый человек подарил викторианской Британии ее новое видение себя —

от Лондонского Парламента до сотен церквей в разных уголках страны и интерьеров загородных особняков. В его жилах текла английская и французская кровь, страсть к архитектуре он унаследовал от своего отца — художника. Бог для него, ревностного католика, был не в чадающих трубах Бирмингема и не в промышленных монстрах Манчестера — божественное он видел в уютных сельских домиках с соломенной крышей, в стрельчатых окнах и готических шпилях Оксфорда, Кембриджа или Солсберийского собора. Его внимание к мелочам было поистине маниакальным, а увлеченность делом фанатичной — это он, Пьюджин, проектировал интерьеры Парламента от «а» до «я» — витражи, мебель, обои и фрески, резьбу по дереву, обивку мебели, скульптуру, мозаику, напольную плитку и, наконец, сам королевский трон. Это он спроектировал знаменитую часовую Башню Парламента, которую в народе окрестили Биг-Беном — настоящую готическую цитадель, каждая деталь которой изысканна, декоративна и немного сказочна — последний его проект, который он завершил, прежде чем окончательно соскользнуть в безумие. По иронии судьбы, Бедлам, или госпиталь для умалишенных, находился в то время прямо напротив собора Святого Георгия в Саутворке, одного из главных его творений, где он венчался со своей третьей женой Джейн в 1848 году.

Мужественный, фанатичный, нелепый, искренний, импульсивный, безумно талантливый, Пьюджин прожил жизнь ничуть не менее яркую и многогранную, чем любой из романов Диккенса, оставив после себя наследство, которое еще, по-видимому, предстоит оценить в полной мере.

Первый камень в основание будущего здания Парламента был торжественно заложен 27 апреля 1840 году Сарой, женой Чарльза Бэрри, в северо-восточном углу будущего здания.

Спустя десятилетие были отстроены помещения для Палаты Лордов и Палаты Общин, однако, хотя Парламент и подарил Бэрри громкое имя в архитектуре, он обошелся ему слишком дорогой ценой. Вместо запланированных шести лет строительства и 725 тысяч фунтов стерлингов расходов (исключая стоимость места, набережной и внутреннего убранства), процесс растянулся на долгие 26 лет, и к июлю 1854 года примерная стоимость работ зашкалила за 2 миллиона фунтов стерлингов. При этом полностью проект Бэрри так и не был воплощен в жизнь.

Наконец, готическая сказка была готова — бесконечный лабиринт коридоров общей длиной чуть меньше пяти километров, более тысячи комнат, квадратная Башня Виктории, которая в 1860 году, на момент завершения строительства, стала вторым по высоте зданием в мире.

Предусмотрено и продумано до мелочей было абсолютно все: роскошь парадных залов, комфорт кабинетов и столовых, тишина библиотек и комнат для отдыха. Одним словом, по меткому выражению одного острослова начала XX века, «Вестминстерский дворец — это лучший клуб в Лондоне».

Самой роскошной, конечно же, стала Королевская лестница, по которой монарх в день открытия Парламента в торжественном облачении поднимается в зал, где надевает имперскую корону. В настенных росписях перед посетителями дворца предстает сама история Британии — легенды о короле Артуре, портреты монархов, сцены из исторических хроник, витражные окна с королевскими гербами.

В роскошном резном зале Палаты Лордов господствуют два цвета — золотой и красный — скамьи, покрытые красной тканью (в отличие от зеленой в Палате Общин); трон под золотым балдахином, традиционный красный «мешок с шерстью» — сиденье лорда-канцлера, председателя Палаты

Лордов — символ британской торговли и процветания со времен Эдуарда III. На этом троне каждый год, во время торжественной церемонии открытия Парламента, монарх Великобритании произносит свою тронную речь — по сути, программу действий правительства на очередной год, которую составляют члены кабинета министров.

В зеленую и гораздо более скромную по своей обстановке Палату Общин, расположенную в противоположном, северном конце здания, опять-таки по традиции, вход правящему монарху категорически запрещен — наследие Карла I, ворвавшегося однажды в Палату Общин со своими сторонниками и арестовавшего ее членов. Кстати, Палата Общин — одна из самых современных частей здания Парламента — именно она сильнее всего пострадала во время бомбежки Лондона во Вторую мировую войну и была позднее перестроена.

ИСТОРИЯ БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА

У Парламента Великобритании, как и у Лондона, своя сложная и увлекательная биография. Начнем с того, что в Средние века на Британских островах существовало три королевства: Англия, Шотландия и Ирландия, каждое со своим собственным Парламентом.

Парламент Англии обязан своим происхождением англосаксонскому витенагемоту — народному собранию. В XI веке при Вильгельме Норманнском, принесшем в Англию феодализм, существовал совет крупных землевладельцев и иерархов церкви. В 1215 году во время правления непопулярного Иоанна Безземельного крупные землевладельцы заставили его подписать знаменитую «Магну Карту» — Великую хартию вольностей, согласно которой король не мог назначать новых налогов без согласия королевского совета, который постепен-

но эволюционировал в Парламент не без участия Симона де Монфора, 6-го графа Лестера, главы сопротивления баронов королю Англии Генриху III.

Монфор, красивый и элегантный, при этом суровый и беспощадный, был женат на сестре короля, Элеоноре. 14 мая 1265 года, пытаясь ограничить королевскую власть в пользу баронов, Монфор и его сторонники одержали победу над сторонниками Генриха III при Льюисе, в результате чего Монфор становится лордом-протектором Англии и в январе 1265 года созывает первый выборный Парламент. К участию в Парламенте были приглашены представители от всех графств: по два от городов и по 4 выборных от пяти портов — по сути, Монфора можно считать основателем английской Палаты Общин.

Однако править графу пришлось недолго: суровый и самовластный, наживший много врагов, Симон де Монфор был разбит и убит в битве при Ившеме 4 августа 1265 года. Сторонники короля надругались над его телом: отрезанную голову насадили на копьё, а отрубленные руки отправили в качестве подарка Матильде, жене Роджера Мортимера, ближайшего соратника старшего сына короля Эдуарда, в Вигморский замок. Тем не менее все это подготовило почву для создания при Эдуарде I так называемого «образцового парламента», который ко времени правления его внука, Эдуарда III, уже был разделен на две палаты: одну, где заседала высшая аристократия и высшее духовенство, и другую, где заседали рыцари и горожане. Ни один закон не мог быть принят без согласия обеих палат и суверена.

В 1603 году после смерти Елизаветы I власть в стране наследовал ее племянник, король Шотландии Яков VI, ставший также Яковом I Английским. При этом обе страны, находясь под его управлением, сохранили собственный Парламент.

Его сын, печально известный Карл I, имел неосторожность серьезно повздорить с Парламентом, результатом чего стала гражданская война и казнь короля в 1649 году. При правлении лорда-протектора Оливера Кромвеля Палата Лордов была упразднена. После смерти Кромвеля и монархия, и Палата Лордов воскресли вновь, вот только вход в Палату Общин запрещен британскому монарху и поныне.

БОЛЬШОЙ БЕН СВЯТОГО СТЕФАНА

Смотрится в темные воды Темзы готический красавец, любитесь своим отражением... Что ж, он имеет на это полное право! Разве можно в наши дни представить себе Лондон без него, гордого и элегантного, без Башни Святого Стефана, совсем недавно переименованной в Башню Елизаветы II в честь бриллиантового юбилея королевы, без знаменитого Биг-Бена? Правда, мало кто задумывается над тем, что всем известный Биг-Бен — это громадный 16-тонный колокол, заточенный, как средневековая красавица, в часовую башню высотой в 97,5 метра, где он гулко и мерно отбивает лондонское время. Большой Бен, по одной из версий, был назван в честь своего современника, знаменитого боксера гигантского телосложения Бена Гонта. По другой, правительственного чиновника, ответственного за установку колокола, звали Бенджамин Холл, и он тоже был не маленьким человеком.

Как бы там ни было, когда Чарльз Бэрри выиграл конкурс на право проектировать новое здание Парламента, он вряд ли подозревал, какое испытание готовит ему судьба в лице Эдмунда Бекета Денисона, первого барона Гримторпа (1816—1905), которому доверили разрабатывать механизм главных парламентских часов. Что и говорить, барон был весьма колоритной фигурой — юрист по образованию, он посвятил свою

жизнь дизайну часов и реставрации церквей в обожаемом им готическом стиле. За свои достижения и изыскания Гримторп был избран президентом Хорологического института, правда, с одним условием — он не имел права посещать званые обеды во избежание неминуемых споров, которые все время затевал по любому поводу!

Бедный Бэрри тщетно пытался выудить из Гримторпа хоть какую-нибудь информацию о размере колоколов и других механизмов, которых ему надо было разместить в часовой Башне Святого Стефана. Кончилось дело тем, что Гримторп написал и опубликовал в газете «Таймс» серию довольно оскорбительных писем под заголовками типа «Невежество

*Биг-Бен — один из символов
Лондона*

Чарльза Бэрри». Наконец, Большой часовой колокол весом в 16 тонн был отлит в 1856 году и незамедлительно доставлен по месту назначения. При этом литейщики особо оговорили, что язык колокола должен быть весом не более 7 английских центнеров (приблизительно 356 кг). В свою очередь, Гримторп, не желавший признавать ничьих взглядов, кроме собственных и единственно правильных, настоял на том, чтобы язык колокола весил 13 центнеров (660 кг) — увы, на сей раз он ошибся, и колокол дал

трещину. Пришлось в срочном порядке отливать заново в литейной мастерской Уайтчэпл и переустанавливать. В итоге 16 лошадей чуть ли не целый день тащили могучего красавца до Парламентской площади, где его, наконец, водрузили на законное место.

Литейная мастерская Уайтчэпл — самая старая не только в Британии, но, вероятно, и во всем мире, продолжает функционировать и по сей день. Ее офис расположен по адресу Уайтчэпл, 34, и его возможно посетить — стоит лишь открыть дверь с колокольчиком, как в маленьких магазинчиках старой доброй Англии — как попадаешь прямо в конторы Биг-Бена на небольшую экспозицию в фойе. Рождение этого Великана в 13 с половиной тонн обошлось заказчикам в 572 фунта стерлинга (счет сохранился, и им тоже можно полюбоваться). В рабочий день, выйдя на боковую улочку, можно увидеть и то, что происходит в самих мастерских — наверняка, рядом с ними будут стоять уже готовые колокола с мелом надписанными названиями церквей — этот колокол поедет в церковь Святой Девы Марии, а этот, например, в храм Святого Ботольфа — покровителя всех путешественников.

Можно заказать и тур по самим мастерским — единственное условие — делать это заранее. При этом раз в году, в первую субботу сентября, мастерские приглашают всех желающих на день открытых дверей.

Спешка, однако, не пошла колоколу на пользу — и во второй раз он дал трещину, правда, не такую большую — ремонт произвели на месте, а трещина осталась и по сей день.

Пришлось повозиться и со стрелками циферблата пятиметровых часов — первые весили по 2 с половиной тонны каждая, и механизм просто отказывался их передвигать. Попытка отлить их из более легкого металла тоже закончилась неудачей, и, наконец, стрелки из поллой меди заняли достойное место на часах, главная изюминка которых заключается в их точности — плюс-минус секунда в час, что кажется практически невероятным для такого гиганта. Для филигранной настройки до сих пор используют специальную монетку (старый додесятичный пенни), которую, в случае необходимости, кладут на огромный маятник. В результате ход маятника ускоряется на 0,4 секунды в сутки.

Интересные факты

Трудно себе представить, но в Башне Святого Стефана (ныне Елизаветы II) помимо Большого Бена находится и тюремная камера для заключения особ, выказавших неуважение к Парламенту. Последним обитателем башни в 1902 году была суфражистка Эмелина Панкхерст.

В Вестминстерском дворце 1200 помещений, 100 лестниц и 5 километров коридоров. Из дворовых башен наиболее знаменита часовая Башня Елизаветы (Биг-Бен) — символ Великобритании. Башня Виктории выше на два метра, ее высота — 98,45 м (323 фута). В 1987 году дворец и близлежащая церковь Святой Маргариты (1486—1523) были включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Большие часы Вестминстера являются самыми большими в мире четырехсторонними часами с боем.

Маятник часов установлен внутри ветронепроницаемой коробки, расположенной ниже комнаты с ча-

совым механизмом. Его длина составляет 4 метра, вес — 300 кг. Ход маятника составляет 2 секунды.

Общий вес часового механизма — 5 тонн.

Диаметр циферблата — 7 метров.

Длина стрелок — 2,7 и 4,2 метра.

В основании каждого из четырех циферблатов часов располагается латинская надпись: «Domine Salvam fac Reginam nostram Victoriam primam» («Боже, храни нашу королеву Викторию Первую»).

По периметру башни, справа и слева от часов, находится другая фраза на латыни — «Laus Deo» («Слава Богу», или «Хвала Господу»).

27 июля 2012 года, с 8.12 до 8.15, часы пробили 30 раз в честь открытия XXX Олимпийских игр. Впервые с 1952 года куранты работали вне расписания.

ТРАДИЦИИ НЕЗЫБЛЕМЫ

Вестминстерский дворец — оплот старинных и незыблемых традиций, независимо от того, насколько они актуальны в наши дни. Впрочем, традиционный запрет на курение в Палате Общин вполне вписывается в современную концепцию борьбы с никотиновым отравлением. Правда, при этом остается в силе разрешение на использование нюхательного табака — привратники до сих пор держат на случай необходимости коробочку с душистым зельем. Членам Палаты Общин также запрещается есть и пить во время заседаний, хотя и в этом правиле есть свое исключение — канцлеру Казначейства разрешается употребить алкогольный напиток во время ответственного доклада о состоянии бюджета. По всей видимости, вопрос бюджета — настолько сложная и щекотливая тема, что без алкоголя здесь никак не обойтись.

Не допускается появляться на заседаниях и в доспехах (хотя в наше время вряд ли кому-либо из членов Парламента придет в голову эта идея), а также со знаками воинского отличия, возбраняется также держать руки в карманах и носить головные уборы, за исключением момента обсуждения порядка предстоящего заседания. Не удастся пронести на заседание и любимую собачку — животные не должны находиться в здании Парламента, опять-таки за исключением собак-поводырей, полицейских собак-ищейек и лошадей, в том числе из Королевских конюшен.

До сих пор жива и еще одна весьма курьезная традиция — когда избирается новый спикер Палаты Общин, его коллеги должны, в буквальном смысле слова, протащить его к законному рабочему месту — его Креслу. По идее, он должен хотя бы изобразить сопротивление. Все дело в том, что традиционно именно на спикера возлагается обязанность сообщать монарху о том или ином решении Палаты Общин. Если монарху решение оказывалось не по нраву, могла последовать и жестокая расправа — за период с 1394 по 1535 год в порыве монаршего гнева были казнены семеро спикеров. Неудивительно, что когда-то спикеров приходилось долго уговаривать, прежде чем они соглашались взять на себя такую опасную миссию.

Конечно же, самая главная и единственная часть старого дворца, которая уцелела после пожара XIX века, — это Вестминстерский зал. Огромный, гулкий, величественный, он когда-то был местом оживленной торговли — к концу XIV века, времени правления Ричарда II, Вестминстерский зал стал, по сути, одним из главных центров лондонской жизни. Прежде всего в нем обосновались торговцы разными канцелярскими товарами, париками и прочими атрибутами парламентской жизни. В XVI веке ученым Вестминстерской школы

позволили продавать там свои книги, к концу XVII века к ним присоединились торговцы текстилем — в общей сложности, число торговых лавок возросло до 48. Во время проведения коронационных банкетов (Вестминстерский зал служил и для этих целей с 1189 по 1821 год) лавки и торговые ряды убирались, а затем все возвращалось на круги своя.

Самыми первыми из банкетов, сведения о которых дошли до наших дней, были торжества по случаю коронации принца Генри (был коронован еще при жизни своего отца, Генриха II в 1170) и Ричарда Львиное Сердце в 1189 году.

Вестминстерское аббатство находится под юрисдикцией британского монарха, который, в свою очередь, является и главой англиканской церкви. Если первым монархом, захороненным в Аббатстве, стал его основатель Эдуард I, то его племянник, Вильгельм Завоеватель, стал первым, кто использовал Аббатство для церемонии коронации в 1066 году. С тех пор под его сводами было короновано 38 монархов, включая ныне правящую королеву Елизавету II, чья коронация состоялась 2 июня 1953 года.

Начиная с XIII века монарх по традиции со всей помпой выдвигался из Тауэра и переезжал в Вестминстерский дворец накануне коронации. В знаменательный день торжества начинались в Вестминстерском зале, затем пышная процессия направлялась в Аббатство на службу, чтобы вновь вернуться во дворец на королевский банкет, который зачастую по своему размаху затмевал саму процедуру коронации.

МАГИЯ КОРОНАЦИИ

Первым королем, свидетелем коронации которого в 1274 году стали стены и своды обновленного по приказу Генриха III Аббатства, был воинственный Эдуард I. Имен-

но на его троне — деревянном кресле с высокой спинкой, на которой изначально была изображена фигура короля Эдуарда Исповедника, попирающего ногами льва, — до сих пор коронуются все английские короли. Правда, согласно первоначальному замыслу Эдуарда, трон должен был быть бронзовым, деревянным был лишь временный образец, но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное, — Эдуард настолько увлекся своими боевыми походами, что со временем первоначальная идея забылась, и трон так и остался деревянным. Правда, в начале XVI века его немного приукрасили — теперь его основание поддерживают позолоченные львы. За всю свою долгую историю трон только однажды покидал стены Вестминстерского аббатства — его переносили во дворец Вестминстер-холл для церемонии провозглашения Кромвеля, который скромно отказался от короны, лордом-протектором Англии.

Во время коронации трон устанавливают на большом помосте, устланном богатыми тканями, к которому ведут несколько ступенек. Под сиденьем трона, в специальной нише, помещают знаменитый и загадочный Скунский камень судьбы — древний коронационный камень шотландских монархов, который Эдуард I Длинноногий привез в качестве военного трофея из Шотландии.

Легендарный камень

Внешне легендарный Скунский камень, или Камень судьбы, одна из священных реликвий Шотландии, на которой в течение многих веков короновались шотландские и английские монархи, выглядит весьма своеобразно — прямоугольный блок песчаника, размером $66 \times 41 \times 27$ см и весом около 152 килограммов. Тем не менее, согласно преданию,

этот загадочный камень обладает уникальным даром: он способен отличить подлинного монарха от лжепретендента на престол. В случае, если на нем будет короноваться недостойный, камень должен расколоться, издав страшный звук...

Предания связывают Камень судьбы с именем библейского патриарха Иакова, родоначальника израильского народа, жившего более трех тысяч лет назад. По легенде, это и есть тот самый камень, на котором, согласно Книге Бытия, спал Иаков: «...И пришел на одно место, и остался там ночевать, потому что зашло солнце. И взял один из камней того места, и положил себе изголовьем, и лег на том месте». Во сне ему явился Господь, провозвестивший будущее Иакова и его потомства, «и встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятником, и возлил елей на верх его».

О дальнейшей участи Камня судьбы, как окрестили его библейские историки, мы знаем только из легенд. Одна из них гласит, что после исхода евреев из Египта оттуда отбыла и Скота, дочь фараона Рамзеса II. В поисках земли обетованной она достигла берегов Альбиона и вступила в брак с царем скифов Гателой. Именно от них произошло племя скоттов — предков современных шотландцев. Именно благодаря Скоте и попал в Ирландию, а затем и в Шотландию знаменитый библейский камень.

Со временем камень стал, с благословения святого Патрика, использоваться при коронации ирландских королей. Правда, в ирландском варианте камень должен был издавать громкий звук, если на него садился законный представитель королевского

Трон Эдуарда Исповедника
со Скунским камнем

рода, в противном случае камень молчал.

Согласно одной из версий, в 847 году Кеннет I, легендарный первый король Шотландии, перевез камень из Ирландии в Северную Шотландию и распорядился поместить его в аббатство города Скун, где он служил символическим тронном для монархов во время коронаций. Последним королем, коронованным в Скуне на Камне судьбы

в 1292 году, стал ставленник английского короля Эдуарда I Иоанн Баллиоль, который спустя четыре года поднял восстание против своего «благодетеля», и разъяренный Эдуард, вторгшись в Шотландию, подавляет восстание, заключает Баллиоля в Тауэр, а священный для шотландцев Скунский камень повелевает перевезти в Лондон, где он и был вделан в специальную нишу под сиденьем королевского трона.

Правда, среди историков до сих пор не утихают споры о том, захватил ли с собой в Лондон Эдуард I подлинный камень или его копию, подделку, которую ему подсунули хитрые шотландские монахи, вплоть до того, что Эдуарда якобы снабдили одним из камней аббатства, которым до этого накрывали сверху выгребную яму. В качестве

аргументов приводят тот факт, что в шотландских хрониках упоминается круглый камень черного цвета, а не красный песчаник. Непонятно только одно — почему за все эти годы подлинный камень так и не всплыл более нигде, а шотландским монархам, начиная с Роберта Брюса, приходилось короноваться уже без Камня судьбы.

В 1996 году правительство Великобритании приняло решение передать Камень Шотландии, однако при условии, что на каждую коронацию он будет отправляться в Лондон и вновь занимать свое почетное место под троном. 30 ноября того же года, в день Святого Андрея, Скунский камень со всеми возможными почестями вернулся на родину и был помещен рядом с шотландскими королевскими регалиями в Эдинбургском замке — около 10 тысяч людей на Королевской Миле наблюдали торжественную процессию священнослужителей и солдат, сопровождавших Камень судьбы на пути в Эдинбургский замок.

Коронация — одно из самых торжественных зрелищ, которые только можно себе представить в стенах Вестминстерского аббатства, несмотря на традиционность церемонии, каждый раз индивидуальна, как индивидуальна и сама личность монарха, как неповторима каждая эпоха со своими костюмами, привычками и курьезами...

«Король умер, да здравствует Король!» — знаменитая фраза, которая лишний раз подчеркивает, что, согласно английским законам, монархом становятся сразу же, как только умирает предшественник. Со временем исчезла необходимость в срочной коронации во избежание захвата трона соперником, требовалось соблюдение траура или же тщатель-

ная подготовка к феерическому действу — так коронация постепенно превращалась в религиозно-театрализованное представление.

Дело дошло до того, что в 1838 году, во время обсуждения парламентом предстоящей коронации королевы Виктории, член Палаты Лордов граф Фицуильм заявил, что считает церемонию коронации «едва ли чем-то большим, чем бесполезное и нелепое празднество»; что «коронации годны лишь для варварских или полуварварских эпох... и кто поверит, что право Ее Величества хоть на йоту усилится благодаря этому ничемному празднованию?» К счастью, его оппонент маркиз Солсберри заявил, что хотя, конечно, он и «не знает общего мнения английского народа, но уверен, что тот так не считает».

Так все-таки чем же могли так себя дискредитировать предшественники королевы Виктории, что сам вопрос о необходимости коронации смог прозвучать не где-нибудь в Уголке Ораторов в Гайд-парке, а в церемонной Палате Лордов Вестминстерского дворца?

Начнем с того, что череда «Джорджей» из королевской династии Ганноверов — предшественников королевы Виктории — явно не пользовалась большой популярностью у народа, за исключением, пожалуй, «доброго и славного, но немного сумасшедшего» короля-садовника Георга III. Впрочем, его коронация как раз и не предвещала долгого и популярного царствования — она больше походила на веселую вечеринку, чем на торжественное священнодействие. Предоставим же слово очевидцу — обратимся к воспоминаниям Уильяма Хикей, которому посчастливилось побывать на этой коронации в сентябре 1760 года со своими родителями.

Отец одиннадцатилетнего Уильяма заплатил 50 гиней за место в специальной ложе — галерее Вестминстерского

аббатства, которая вмещала двенадцать членов семьи и их родственников. Выехав из своего дома на улице Сент Албанс на экипаже в полночь, они смогли добраться до Аббатства только к семи утра — на дорогах, ведущих к Аббатству и Вестминстерскому дворцу, царил полный хаос: и Лондон, и Вестминстер поднялись на ноги с трех часов ночи, когда грянули первые пушки, а у входа в аббатство уже толпились зажиточные граждане, заплатившие деньги за доступ на хоры.

В Аббатстве семейство Хикей, однако, ожидал приятный сюрприз — горячий завтрак, после чего Уильям развлекался тем, что до полудня носился по длинной галерее, в то время, как хоры постепенно заполнялись приглашенными. Пока короля и королеву облачали в парадные одежды и готовили к торжественной церемонии, в Аббатство один за другим врывались пары в пышных нарядах со своими супругами, похожими на блестящие рождественские елки, которых распорядители с почетом отводили на их законные места и клали рядом их небольшие, усыпанные алмазами короны. Согласно протоколу пары и их супруги должны были быть одеты в бархатные мантии с пелеринами и отделкой из горностая, причем эти церемониальные одеяния строго регламентированы, вплоть до ширины меховой оторочки и длины шлейфа. В то же время на подмостки один за другим вступали епископы в митрах и парадном облачении, за ними следовали лорд-протектор и другие важные сановники.

И, наконец, долгожданный момент — церемония начинается — ровно в час в Аббатство входит торжественная процессия: специально отобранные пажи несут шлейф короля, а фрейлины — королевы.

Поскольку церемония коронации — изначально религиозное действие, одним из главных действующих лиц является архиепископ Кентерберийский, которого в редких

*Коронация Елизаветы II
в Вестминстерском аббатстве*

случаях может заменить другой высокопоставленный церковный сановник — архиепископ Йоркский или епископ Винчестерский. Именно архиепископу предоставляется почетная роль взять с подушки корону Святого Эдуарда, освятить и благословить ее, а затем возложить на голову короля, при этом все знатные лорды и леди одновременно, как по команде, берут свои коронки и возлагают их себе на безупречные прически.

Раздались громкие радостные крики «Боже, храни Короля!», звуки труб и барабанов, пальба пушек в Тауэре и парке.

«Наконец, — пишет Уильям Хикей, — архиепископ взгромоздился на кафедру и начал читать проповедь — и так как тысячи из присутствовавших на коронации не могли со своих мест расслышать ни слова, они воспользовались этой возможностью, чтобы подкрепиться холодным мясом, пирожками и вином, припасенными заранее, — последовало громкое звяканье ножей, вилок, звон тарелок и стаканов — все это произвело такой неожиданно нелепый эффект, что тут же грянул всеобщий взрыв хохота».

На последовавшем банкете в Вестминстер-холле зрители на галерке спускали корзины на веревках вниз, к более привилегированным гостям, которым посчастливилось сидеть за столами, и те посылали их назад, наверх, щедро наполненные

куриными ножками и фляжками с вином, чтобы пить за здоровье короля!

Однако самой помпезной, дорогостоящей и блестящей — в прямом смысле этого слова — оказалась коронация его сына, Георга IV, 19 июля 1821 года. Одна только бархатная пурпурная мантия, чей роскошный длинный шлейф, расшитый золотыми звездами и подбитый горностаем, был длиной более восьми метров, и остальные церемониальные одеяния обошлись в астрономическую по тем временам сумму — двадцать четыре тысячи фунтов стерлингов, что по нынешним меркам составило бы примерно миллион.

Коронация Георга IV больше походила на театральную постановку в роскошных декорациях, чем на парадную службу в Аббатстве — все приближенные короля, принимавшие непосредственное участие в церемонии, должны были быть одеты в костюмы по моде XVI века — эпохи Тюдоров. «Камзол и короткие штаны из алой ткани были отделаны несколькими сотнями ярдов узкой золотой тесьмы и тысячью двумястами маленькими остроконечными пуговицами; ленты были из светло-голубого бархата; чулки из алого шелка, черные туфли украшены розетками; короткая мантия, отороченная золотой каймой, застегивалась на левом плече с помощью банта из золотого шнура; вокруг шеи — «елизаветинский» круглый воротник; шляпа с тремя белыми перьями, с тульей, обтянутой красным шелком — спереди она подвернута и заколота золотой брошью».

А небывалый по размаху банкет, который устроили в Вестминстер-холле после коронации Георга IV, стал последним в истории коронаций британских монархов. Увы, эта красочная традиция ушла в прошлое, а, вероятно, это было незабываемое зрелище, когда перед началом банкета прямо в Вестминстер-холл на лошади въезжал так называемый

«королевский защитник» в рыцарских доспехах и вызывал любого, кто осмеливался бы оспорить право нового монарха на престол, следующими словами: «Если кто-нибудь, любого звания, высокого или низкого, будет отрицать, что наш суверен, король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, защитник веры, сын и наследник нашего суверена, покойного короля, является законным наследником имперской короны Королевства Великобритании и Ирландии, или что он не должен им быть, то вот Защитник, который говорит, — тот человек лжец и предатель; и Защитник готов сразиться с ним, и поставить в этом споре свою жизнь против его жизни, в тот день, который будет назначен». И бросал перчатку. Как правило, вызов оставался неотвеченным.

Предоставим же слово участнице последнего банкета — некой миссис Арбатнот, которая так описывает свои впечатления: «Король возвратился в Вестминстер-холл примерно к пяти часам, когда Граф Маршал, Герцог Веллингтон (Верховный Констебль) и Лорд Англаси (Верховный Стюард) въехали в холл с первым блюдом и эффектно подали назад на своих лошадях. Затем въехали со вторым блюдом — все было очень профессионально — Герцог Веллингтон был верхом на белом арабском скакуне, который подавал назад великолепно». Надо сказать, что белая, великолепно вымуштрованная лошадь была позаимствована в цирке, чтобы спокойно чувствовать себя в толпе, иначе торжественный выезд мог бы иметь нежелательные последствия.

«Были интересные представления, соколы от Герцогини Атольской. Пэры пили за Короля, а Король, в свою очередь, за пэров и свой добрый народ. Все завершилось гимном “Боже, храни Короля”, который пели хористы и подпевали во всю мощь все собравшиеся. После того, как закончились выезды на лошадях, людей запустили в Холл — все, кто был на

галерке, встали и кричали, размахивая шляпами и носовыми платками: “Боже, благослави Короля!” Это поистине была трогательная сцена.

Сам же Король вел себя очень неприлично — он постоянно кивал и подмигивал Леди Конингем и строил ей глазки. В один момент в Аббатстве он сорвал бриллиантовую брошь со своей груди и, глядя на нее, поцеловал ее, а она, сняв перчатку, поцеловала кольцо на своем пальце!!! Все, кто видел его отвратительную фигуру, увенчанную париком, локоны которого болтались по плечам, согбенную под весом его парадных одеяний в его-то 60 лет, чувствовали себя неловко».

При всем этом официальная супруга короля Каролина, мать его единственной наследницы Шарлотты, большую часть церемонии отчаянно барабанила в двери Аббатства, требуя впустить ее и короновать вместе с мужем. Георг же предусмотрительно нанял в качестве пажей мускулистых борцов, которые должны были охранять его от притязаний ненавистной супруги, с которой он уже много лет жил раздельно.

Случались казусы и на других коронациях — чего только не найдешь в летописях Вестминстерского аббатства:

— После реставрации монархии коронацию Карла II пришлось отложить на некоторое время, когда выяснилось, что Кромвель уничтожил все королевские регалии.

— Католичка Мария Тюдор, старшая дочь Генриха VIII, вошедшая в историю как Кровавая Мэри, отказалась садиться на коронационный трон, который был «осквернен протестантским еретиком» — ее сводным братом Эдуардом VI. В свою очередь,

королева Анна Стюарт при всем желании сесть на трон так и не смогла — пышную даму, измученную подагрой, пришлось вносить в Аббатство в собственном кресле.

— Мало того, что коронационное кольцо пришлось уменьшить для миниатюрной юной королевы Виктории — архиепископ Кентерберийский умудрился надеть его на другой палец, где оно и застряло. Палец распух настолько, что новоиспеченной королеве после коронации пришлось держать его в холодной воде чуть ли не час, прежде чем удалось снять кольцо.

— После коронации Эдуарда VII сэр Эдвард Никол разобрал коронационную комнату в Вестминстерском аббатстве и забрал обшивку стен домой, чтобы построить гараж для двух своих «роллс-ройсов».

— Во время уборки в Вестминстерском аббатстве после коронации ныне правящей королевы Елизаветы II собрали неплохой урожай: на полу Аббатства были найдены три нитки жемчуга, двадцать брошей, шесть браслетов, двадцать золотых бусин из коронок пэров, большие половины бриллиантового ожерелья, многочисленные обертки от сэндвичей и опустошенные миниатюрные бутылочки из-под алкоголя.

Самой же неудачной, пожалуй, была коронация Генриха IV — мало того, что во время коронации он умудрился потерять ботинок, затем шпору с другого ботинка, так еще и ветер сдул корону с его головы. И неспроста — зная историю о том, как Генрих IV получил свою корону, можно усмотреть во всем этом мистическую подоплеку.

ТАЙНЫ АНГЛИЙСКОЙ КОРОНЫ И ЗНАМЕНИТЫЕ БРИЛЛИАНТЫ

Зачем корона здесь у изголовья,
Тревожная на ложе снов подруга?
О, тревожений блеск! О, золото заботы! ...
О, величье! Ты голову сжимаешь венценосца,
Как дорогая бронь, что в жар дневной,
Спасая, жжет...

*В. Шекспир. Король Генрих IV,
часть II, акт IV, сцена IV.*

Перевод К. Романова

История же английской короны, изготовленной при короле Эдуарде Исповеднике, в чем-то напоминает историю славного Феникса: дважды она была утрачена — в 1216 году утонула в водах залива Уош при Иоанне Безземельном, а в 1649 году после казни Карла I была пущена в переплавку фанатиками-пуританами. И дважды упрямые британцы восстанавливали ее, чтобы теперь с гордостью показывать туристам в сокровищнице Лондонского Тауэра. Тридцать восемь королей короновались ею — для церемонии коронации ее специально доставляют в Вестминстерское аббатство. Однако не всем известно, что подлинные короны обладают тяжелым характером: они не любят оказываться на недостойных головах и жестоко карают святотатцев, рискнувших, пусть даже в шутку, примерить их на свою голову, не будучи при этом королевской особой по крови. Королевский венец, предмет стольких вожделений и чаяний, неоднократно становился для своих новоиспеченных владельцев орудием кары. Сама история Англии подтверждает это: были в ней случаи, когда трон заполучали люди, чье право на престол вызывало большие

*Копия короны святого Эдуарда
Исповедника, изготовленная
для Карла II в 1661 году*

сомнения. И каждый раз корона каким-то мистическим образом покидала очередного узурпатора.

Так, как уже было упомянуто, в 1216 году корона покинула английского короля Иоанна Безземельного, утонув вместе с другими королевскими драгоценностями и казной при переправе через залив Уош.

Была утрачена не только знаменитая корона Эдуарда Исповедника, но и корона императрицы Матильды, орб и скипетр, все драгоценности

его матери, Элеоноры Аквитанской, которая была самой богатой женщиной в мире, а также многочисленные золотые чаши, кубки, кресты — все, при помощи чего он расплачивался с наемниками. Несколько дней спустя не стало и самого короля Иоанна — по одной из версий, он был отравлен.

Наследником Иоанна по праву должен был стать его девятилетний сын Генри, однако то было смутное время — нельзя было терять ни минуты. Супруга Иоанна Изабелла, в тот момент находившаяся в Глостере вместе с наследником, немедленно объявила маленького Генри королем и устроила его импровизированную коронацию в Глостерском соборе. Поскольку ни короны, ни других регалий под рукой не оказалось, Изабелла использовала в качестве короны одну из своих золотых диадем (одно из своих золотых колье) — уникальный случай в истории Англии. Тем не менее Генрих

стал настоящим королем, при этом гораздо более успешным, чем его отец.

В другой раз корона покинула Ричарда III, захватившего престол в обход старшего сына своего брата, короля Эдуарда IV. По одной из версий, корона скатилась в решающий момент с головы узурпатора в куст боярышника в битве при Босуорте в день его гибели на поле боя.

Жестоко поплатился за непочтительное отношение к короне и английский король Эдуард II — в феврале 1308 года, накануне своей коронации, Эдуард, который, по свидетельству современника, «неумеренно предавался содомскому греху», разрешил примерить корону своему фавориту и любовнику Пьеру де Гавестону. История, получившая огласку и вызвавшая возмущение знати и народа, была последней каплей — в мае парламент обязал короля выслать фаворита из страны, а в январе 1312 года, когда Гавестон самовольно вернулся из ссылки, архиепископ Кентерберийский отлучил его от церкви. Дальнейшие события были еще более печальны: Гавестона захватили в плен и 19 июня 1312 года обезглавили. Сам же король Эдуард II, правитель слабый и неудачливый, был низложен парламентом в январе 1327 года и заключен в темницу, где стражники в насмешку увенчали его короной, сплетенной из соломы. В ночь с 21 на 22 сентября того же года король был тайно убит, как предполагают, в результате заговора своей собственной жены и ее любовника.

В 1399 году на английский трон вззошел, свергнув своего предшественника Ричарда II и отстранив от престолонаследования старшую ветвь королевского дома, Генрих IV Ланкастер. Крепкий и здоровый мужчина, участник многих рыцарских турниров и крестовых походов, Генрих вскоре после коронации заболел проказой, что в Средние века счи-

талось Божьим наказанием. Однако не только кожный зуд изнурял короля: все его правление сопровождали восстания и заговоры, ему даже пришлось казнить архиепископа Йоркского, который поддержал одно из восстаний. Генрих знал, что его право на престол более чем зыбко, знал, что руки его обгарены кровью, что его собственный сын с нетерпением ждет смерти отца:

«Сын мой, знает небо —
Какими ложными, окольными путями
Корону я добыл. И сам я знаю,
Как на главе моей она держалась шатко...»

(В. Шекспир, Генрих IV)

Одна надежда спасти свою грешную душу грела короля: он надеялся, что участие в крестовом походе принесет ему прощение — что может быть благороднее, чем отдать жизнь за веру? Тем более что предсказатель напроорочил королю смерть в Иерусалиме. Но и этой надежде не суждено было сбыться: короля хватил удар, когда он молился в Вестминстерском аббатстве. Его перенесли в соседнее помещение, и, едва придя в сознание, Генрих слабым голосом спросил, где он находится. Услышав, что он в «Иерусалимской Палате», король понял, что настал его конец: «Хвала Отцу Небесному, потому как сейчас я знаю, что умру в этой палате, ведь согласно предсказанию, я должен умереть в Иерусалиме». Шекспир же вложил в уста умирающего Генриха фразу, которая передает в себе всю суть монархии: «Тяжело той голове, которая носит корону». В данном случае корону Эдуарда Исповедника. И вторит английскому гению пера пушкинский Борис Годунов: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!»

В наши дни королевские регалии и драгоценности английских монархов хранятся в надежном месте — Казармах Ватерлоо, построенных к северу от Белой Башни в то время, когда герцог Веллингтон был комендантом Тауэра. Здесь их и можно увидеть всем желающим. Сами сокровища — слепящие глаза бриллианты, рубины, изумруды и другие драгоценные камни — хранятся

Портрет Генриха IV

в восьмиугольном сейфе из стали и стекла. Однако наиболее значимыми и исторически ценными предметами сокровищницы следует признать три короны. Одна из них — это копия короны святого Эдуарда Исповедника, изготовленная в 1661 году по распоряжению Карла II (оригинал короны, как это ни печально, бесследно исчез в середине XVII века — во времена Республики Оливера Кромвеля). При коронации каждого нового монарха ее на мгновение возлагают на голову коронуемого. Другая — «имперская государственная корона», в которой монарх открывает парламентские сессии и участвует в различных церемониях общегосударственного значения. Церемониальную корону, украшенную 2874 бриллиантами, изготовили в 1838 году для королевы Виктории. Помимо бриллиантов на короне красуются 17 сапфиров, включая знаменитый сапфир из «кольца пилигрима» Эдуарда Исповедника, с которым король был похоронен. Позже, в 1163 году, кольцо было

извлечено из его усыпальницы и помещено в сокровищницу Вестминстерского аббатства. Согласно преданию, сапфир из этого кольца и был вставлен в центр бриллиантового креста, расположенного на маковке короны. Блеск сапфиров оттеняет сияние 11 изумрудов и 5 рубинов, самым крупным из которых является необработанный рубин больших размеров, первоначально принадлежавший знаменитому Черному Принцу, а впоследствии украшавший шлем Генриха V во время битвы при Азенкуре. Среди 273 жемчужин особенно выделяются две крупные жемчужины, подвешенные в том месте, где сходятся арки короны — в свое время они служили серьгами королеве Елизавете I. Своды арок короны усеяны созвездиями бриллиантов, выполненными в виде дубовых листьев с желудями из жемчуга — в память о дубе, в ветвях которого укрылся от солдат Кромвеля Карл II, тогда еще наследный принц, спасшийся таким путем после поражения армии своего отца, короля Карла I, в битве при Вустере.

Третья корона — это Имперская корона Индии, изготовленная в 1912 году для короля Георга V, которого короновали в Дели как императора Индии. Дополнительную корону пришлось изготовить потому, что Британский закон запрещает вывоз за пределы страны как Короны Англии (копии короны Эдуарда Исповедника), так и Имперской государственной короны.

Рядом со всем этим великолепием, призванным подчеркнуть незыблемость, мощь и богатство английской монархии, соседствует очаровательная маленькая бриллиантовая корона королевы Виктории. Юная королева, взошедшая на престол в возрасте 18 лет, была слишком миниатюрной для солидной государственной короны и пользовалась ею только в особо торжественных случаях.

Среди королевских сокровищ находятся три крупнейших бриллианта мира: «Первая Звезда Африки», или «Куллинан I» (530 карат), каплевидный бриллиант, украшающий золотой скипетр св. Эдуарда; «Вторая Звезда Африки», или «Куллинан II» (317 карат), сверкающий на Имперской государственной короне; и легендарный «Кох-и-Нор» («Гора Света») весом в 105,6 карата, перемещенный из короны королевы Марии в корону королевы Елизаветы, матери ныне правящей королевы, в 1937 году.

Пожалуй, самым загадочным бриллиантом из королевской сокровищницы Тауэра следует признать «Кох-и-Нор», что в переводе означает «Гора Света». Знаменитый алмаз известен с 1304 года: когда-то он принадлежал основателю династии Великих Моголов и украшал церемониальный Павлиний трон Шах Джахана — строителя Тадж-Махала. Однако владельцев уникального алмаза словно преследовал злой рок: они умирали один за другим. После того как очередной хозяин алмаза, Надир Шах, был убит, его телохранитель бежал в Афганистан, захватив с собою драгоценный камень. В конце концов уникальный алмаз перешел во владение Ост-Индийской компании,

Корона Британской империи, изготовленная для коронации Георга VI в 1937 году и переделанная для Ее Величества Елизаветы II в 1953 году. В корону вделаны 2868 бриллиантов, 17 сапфиров, 11 изумрудов, 5 рубинов и 273 жемчужины

которая в 1850 году преподнесла сокровище в дар английской королеве Виктории. По-видимому, алмаз остался доволен таким поворотом в своей судьбе и новой хозяйкой, которая первоначально носила его в качестве броши — никаких неприятностей своим владельцам он больше не доставлял.

Поистине, ослепителен блеск бриллиантов сокровищницы Тауэра, которую ежегодно посещают миллионы туристов со всего мира. Однако несмотря на заманчивую близость многомиллионных сокровищ, завладеть ими злоумышленнику совсем непросто: потенциальный вор будет как минимум насмерть поражен электротоком, если он только рискнет разбить стекло, за которым находится возжеленная добыча.

МРАЧНЫЕ ТАЙНЫ ТАУЭРА

Извозничий двор и встающий из вод
В уступах преступный и пасмурный Тауэр,
И звонкость подков, и простуженный звон
Вестминстера, глыбы, закутанной в траур.

Б. Пастернак. Шекспир, 1919

БАШНИ И МЯСОЕДЫ

Охранять крепость и сокровищницу Короны поручено стражникам Тауэра — знаменитым бифитерам, которые появились там в 1485 году по приказу Генриха VIII, первого монарха из династии Тюдоров. Само по себе «бифитер» буквально означает «поедающий мясо или мясоед» и, хотя существует несколько различных версий происхождения этого слова, вероятнее всего, оно связано с тем, что стражники имели право есть мясо с королевского стола без ограничений, а, возможно, и употребляли в пищу крепкий мясной бульон. Бифитеры считаются старейшим в мире охранным подразделением, и на сегодняшний день в их составе 37 стражей и один Главный страж — правая рука коменданта Тауэра: в знак своего положения на праздничных парадах он выступает, опираясь на посох, увенчанный серебряной копией Белой Башни. Есть и обязательное условие: все стражи должны быть вышедшими в запас старшими унтер-офицерами вооруженных сил королевства Содружества с выслугой не менее 22 лет. Кроме того, они должны быть награждены медалью «За долгую службу и послушание». Повседневная униформа бифитеров темно-синяя с красной отделкой, в то время как для государственных

церемоний используется парадная — красная с золотом, стоимостью 3,5 тысячи фунтов, которую сами бифитеры называют «Тюдоровское государево платье» и жалуются на то, что она «чрезвычайно неудобная». Дома же на территории Тауэра, в которых проживают стражи со своими семьями, и того старше — некоторые из них были построены еще в XIII веке. Население Тауэра — «города в городе» — состоит из самих бифитеров с семьями, коменданта с офицерами, капеллана и доктора.

На протяжении пяти веков понятие «страж Тауэра» неизменно ассоциировалось с мужчиной, однако эмансипация медленно, но верно берет свое — 1 июля 2007 года 42-летняя англичанка Мойра Кэмерон стала первой в истории женщиной-бифитером. При этом на вакантное место с годовой зарплатой в 20 тысяч фунтов претендовали еще пятеро мужчин. Мисс Кэмерон, однако, сумела доказать, что подходит для новой должности по всем параметрам (и неважно, что в кармане мундира она держит зеркальце и губную помаду) — отслужив в армии 22 года, Мойра получила звание уорент-офицера второго класса и прежде, чем стать стражником Тауэра, прошла специальный тренинг для выполнения каждой из 21 обязанностей бифитера. Прежде всего, в них входит проходящая в 10 часов вечера церемония передачи ключей — старший страж Тауэра закрывает ворота и после традиционного обмена паролями с часовым передает их на хранение коменданту. Ведут бифитеры и экскурсионные туры по Тауэру, с удовольствием показывая свой дом туристам.

Бифитеры Лондонского Тауэра. Слева — Мойра Кэмерон

Однако не всем коллегам новоиспеченной стражи пришлось по вкусу такие изменения традиций, хотя Тауэр и провел масштабную пиар-кампанию по этому поводу. В 2009 году стены старинной крепости потряс скандал — двое бифитеров были разжалованы за травлю Кэмерон.

Лондонский Тауэр, по сути, представляет собой комплекс из двадцати башен (некогда их было двадцать две): девятнадцать из них были построены вокруг основной башни в центре — Белой Башни (White Tower), что стоит на месте деревянной крепости времен Вильгельма Завоевателя, построенной по его приказу на скорую руку сразу после того, как он обосновался в Лондоне и объявил себя королем Англии. В 1078 году Вильгельм приказал построить массивную каменную крепость — 90 футов (около 30 метров) высотой и стенами толщиной в 15 футов (около 5 метров) у основа-

ния. Так родился Лондонский Тауэр — мрачный, гордый, неприступный, не покоровшийся больше никому за долгую и бурную историю Лондона.

Белая Башня служила королевской резиденцией для всех средневековых королей, но со временем, по мере строительства других, более комфортабельных и приветливых резиденций, утратила свое первоначальное предназначение.

В наше время, когда Тауэр представляет собой всемирно известный музей, на четырех этажах Белой башни представлена коллекция Королевского арсенала. В Восточном зале выставлено оружие и обмундирование: европейское, арабское, турецкое и индийское, среди которого стальной меч — трофей, доставшийся англичанам при захвате Канди, старой столицы Шри-Ланки, мундир герцога Веллингтона, который он носил, будучи комендантом Тауэра, и шлем Наполеона. На четвертом этаже, в Зале Совета, расположилась богатая коллекция англосаксонского, греческого и римского оружия и рыцарских доспехов. На втором и третьем этажах — самая старая городская церковь Св. Иоанна Евангелиста. Мрачная коллекции орудий пыток представлена в Банкетном зале башни, там же находится и плаха, на которой в 1747 году за государственную измену был обезглавлен лорд Ловат, принимавший участие в якобитском восстании 1745 года, и топор Тауэрского палача.

Однако своим современным видом Тауэр, как и Вестминстер, обязан королю Генриху III, которого называли Строитель, и его главному каменщику Адаму де Ламбурну. При нем строятся Водяные Ворота, впоследствии названные Воротами Предателей, Колыбельная Башня (служила в качестве личного «речного подъезда» королям — лодки, покачиваясь на волнах, напоминали детские люльки — отсюда и пошло ее название),

Фонарная Башня (названа так потому, что служила маяком для судов, прибывающих в Тауэр) — здесь король оборудовал свой кабинет и устроил спальню.

В Кремниевой же Башне некоторое время года хранились королевские регалии. Служила она и местом пыток, орудия которых сегодня выставлены, к счастью, в качестве экспонатов.

В это же время вырастает и Кирпичная Башня — в ней отбывал свой первый «срок» сэр Уолтер Рэйли, затем Соляная, которая считается местом обитания призраков — там в 1297—1299 годах содержался Джон Баллиоль, шотландский король, и, наконец, Башня Уэйкфилд (Архивная Башня) названная так в 1344 году по имени Уильяма Уэйкфилда, Королевского Писаря.

Загадочный ореол окружает Башню Святого Томаса, которая начала возводиться при Эдуарде I, а была закончена при Генрихе III. В ночь покровителя Англии святого Георгия, 23 апреля 1240 года, она рухнула в Темзу. Генрих снова возвел ее, однако ровно через год история повторилась, причем на месте разрушенной башни, согласно летописи, было видение святого Томаса Беккета, который ударил крестом по стенам и разрушил строение, заявив, что оно возведено во зло. Трудно сказать, почему Беккет появился в Тауэре, хотя покоился со всеми почестями в Кентерберийском соборе, однако упорный Генрих в третий раз возвел башню — теперь уже на века.

Именно во времена Генриха III Тауэр стал делиться на Внутренний и Внешний дворы. Внутренний, самый древний, был местом, где жил монарх, хранил свою казну и регалии, молился в собственной часовне, держал в оковах своих врагов и казнил на частной плахе. Но если Внутренний двор был для монарха и его приближенных, то во Внешний допускался

и простой люд — он также имел несколько башен, а его территория, занимавшая пространство от стены до Темзы, состояла из переулков и укреплений, защищавших пристань. С пристани в Тауэр вели три лестницы — Королевская, Водяная и Галерная. По первой в укрепление поднимались короли и высокопоставленные лица, по двум вторым — государственные преступники.

ТАЙНА КРОВАВОЙ БАШНИ: РИЧАРД III — ЗЛОДЕЙ ИЛИ ЖЕРТВА ПОСМЕРТНОЙ КЛЕВЕТЫ?

Каждая башня Тауэра — молчаливая и строгая как монашка — хранит в своих стенах немало тайн, большей частью зловещих и кровавых. Башня Уэйкфилд (Wakefield Tower) стала свидетелем убийства низложенного короля Генриха VI — табличка на полу башни указывает место, где произошло убийство по приказу короля Эдуарда IV. Слабый правитель, но удивительно набожный король, покровитель искусства и образования, Генрих VI вполне еще может стать святым официально — специальное общество памяти короля ходатайствует о том, чтобы причислить его к лику святых. В 1923 году было положено начало ежегодной церемонии, во время которой в день убийства короля на роковое место в Башне Уэйкфилд возлагаются белые лилии — церемония оплачивается Итонским колледжем как дань уважения своему основателю. Небесное же возмездие за его убийство можно, пожалуй, считать свершенным — дети Эдуарда IV вошли в историю как «юные принцы» — жертвы коварного убийцы — своего дяди Ричарда III, чей портрет как злобного и жестокого горбуна выведен пером гениального Шекспира. Правда, в наши дни не утихают споры о том, виновен ли был

дядя Ричард в смерти своих племянников, либо же сам он стал жертвой посмертной клеветы после своего поражения и гибели в битве при Босворте, когда победителем на английский трон взошел Генрих VII Тюдор, а о судьбе детей короля Эдуарда так и не было объявлено.

На самом деле известно лишь то, что в хрониках, написанных при жизни Ричарда Глостерского, ни о пресловутом горбе, ни о том, что он якобы «провел два года в утробе матери» и появился на свет «с волосами до плеч и полным ртом зубов» не говорится ни слова, лишь упоминается тот факт, что одно плечо у него было выше другого. Более того, на немногих сохранившихся портретах у Ричарда также нет никакого горба — утонченное интеллектуальное лицо, немного отстраненное выражение миндалевидных глаз...

В 1674 году во время строительных работ в Тауэре под фундаментом лестницы в деревянном ящике были обнару-

Вид на Тауэр

жены человеческие кости. Первоначально находке не придали никакого значения, в конце концов спустя два года ими заинтересовались, и было высказано предположение, что это могли быть останки несчастных принцев — согласно этому предположению, их и похоронили в Вестминстерском аббатстве — усыпальнице монархов. Их останки покоятся в урне, специально изготовленной по проекту Кристофера Рена в Часовне Генриха VII. В 1933 году захоронение было вскрыто для проведения научной экспертизы, которая подтвердила, что кости действительно принадлежали двум детям, вероятнее всего, мальчикам 12—15 лет, находившимся в близком родстве. На челюсти старшего ученые обнаружили значительное повреждение, свидетельствующее о насильственной смерти. Однако если бы злодеем-убийцей мальчиков был их дядюшка Ричард, как утверждает великий Шекспир, на момент смерти им должно было бы быть 10—12 лет. Таким образом, историки пришли к выводу, что эта зловещая находка косвенным образом свидетельствует против Генриха Тюдора.

Генрих VII действительно имел все основания быть заинтересованным в дискредитации Ричарда III, из рук которого он буквально вырвал корону. Окончательным же оформлением мифа по заказу короля занялся великий английский гуманист, государственный деятель и мыслитель Томас Мор, из-под пера которого в 1513 году появилась «История Ричарда III». Именно ею пользовался великий Шекспир при написании своей пьесы «Ричард III», из которой уже весь мир узнал про короля-горбуна — злобного монстра и убийцу.

По иронии судьбы, именно в этот период времени Томаса Мора настигла та же судьба, что и оклеветанного им монарха, — насильственная смерть и посмертная опала. Томас Мор и Джон Фишер пали первыми жертвами жесто-

кой политики короля-деспота Генриха VIII, осмелившись высказать свой протест против реформации английской церкви. Местом их заточения, конечно же, был Тауэр — Колокольная Башня (Bell Tower), с которой подавали сигнал к началу очередной казни. Первое время Мору разрешали писать свои материалы в камере, однако затем лишили и этой возможности. В общей сложности он провел в застенках Тауэра 14 месяцев, за которые отрастил приличную бороду. Перед казнью Мор попросил палача подождать, пока он поднимет свою бороду, чтобы ее не коснулся топор, так как она выросла в тюрьме и не успела совершить государственной измены.

Фишера держали еще в более худших условиях: измученный вечной сыростью, холодом и надрывным кашлем, он настолько ослабел, что его пришлось нести к эшафоту на Тауэр-Хилл.

КОРОЛЕВСКИЕ УЗНИКИ ТАУЭРА

Со времен Вильгельма Завоевателя каждый заключенный королевской тюрьмы заносился в «Книгу узников» — несколько мрачных массивных томов с именами всех осужденных, вынесенными им приговорами, временем пребывания и местом заключения. 730 из них были высокопоставленными узниками, в том числе и 17 женщин. 10 были узниками королевской крови, из которых 6 были казнены. Согласно мрачной статистике, из высокопоставленных особ в королевской тюрьме умерли шестеро, причем один из них покончил жизнь самоубийством, а еще один умер от разрыва сердца, узнав о собственной реабилитации.

Первым узником Тауэра королевской крови был шотландский король Джон Баллиоль, рискнувший вступить в союз

с королем Франции за спиной английского короля Эдуарда I. Условия его содержания были поистине королевскими: ему позволялось иметь лошадей и свору собак, в его распоряжении был целый штат слуг — свита, пажы, егеря, щитоносцы, портной, прачка, дворецкий, хлебопек и брадобрей.

Окончательно же основные правила и условия содержания узников в Тауэре окончательно установились к XV веку. Во главе тюрьмы стоял Констебль, который должен был иметь благородное происхождение и высокое звание. При заточении в Тауэр имущество опальных конфисковывалось, и государственное казначейство из этих средств выдавало Констеблю деньги на их содержание. При этом, на герцога отпускалось 5 фунтов в неделю, на графа — 40 шиллингов, на барона — 20, а на рыцаря — всего 10. Простолюдины не имели права «сидеть» в Тауэре, а если они случайно и попадали туда, то Констеблю приходилось оплачивать их содержание за собственный счет.

Соответственно, и быть казненным на Тауэр-Хилл (Тауэрском холме) было исключительно привилегией знати. В то время как простолюдин казнили через повешение, утопление и четвертование, здесь, в Тауэре, просто отрубали голову. Однако же расстаться с головой на Тауэр-Грин — небольшом участке газона к западу от Белой башни — было честью, дарованной только лишь семерым жертвам, чьи имена указаны на медной табличке в центре площадки. По сути, это было нечто вроде «камерной казни», что устраивало обе стороны: жертва избегала выкриков обезумевшей толпы и гнилых яблок, бросаемых в сторону эшафота, а монарх избегал излишней публичности. Среди таких привилегированных жертв была и Анна Болейн — печально знаменитая вторая супруга Генриха VIII, которую королевский суд обвинил в инцесте и прелюбодеянии, а также в том, что использовала колдовские

чары, чтобы заставить Генриха VIII жениться на себе, и для которой, по ее собственной просьбе, специально выписали палача из Кале, чтобы аккуратная головка скатилась на плаху не под вульгарным ударом английского топора, а под остро отточенным лезвием длинного французского меча.

Заточенная в Тауэр, бывшая «самая счастливая», на совете которой развод Генриха и, по сути, смерть сломленной духом Катерины Арагонской, разрыв Британии с католической церковью, сожженные и разрушенные монастыри и аббатства, продолжала утверждать, что невинна и, казалось, не страшилась смерти: «Ваше величество, — писала Анна в последнем письме королю, — Ваши благодеяния я испытала на себе вполне. Я была ничто — Вы меня сделали статс-дамой, Маркизой, Королевой; и когда уже на свете нельзя было более возвышать меня, Вы делаете меня святою...»

Казнь Анны Болейн 19 мая 1536 года

Каждый год 19 мая в церкви Святого Петра в Веригах, где нашли свой последний приют многие жертвы мрачного Тауэра, совершается таинственный и заволаживающий ритуал — на могилу Анны Болейн, чья голова рассталась с телом на эшафоте рядом с церковью в эту самую дату в 1536 году — посыльный от неизвестного лица (или лица?) кладет дюжину кроваво-красных роз. Ритуал соблюдается неизменно на протяжении, по меньшей мере, полутора веков — свежайшие розы прибывают точно по расписанию. Но и по сей день не приподнимается завеса этой тайны — что за бессмертный аноним стоит за всем этим действием? Потомки ли это семьи Болейн, либо Перси, герцогов Нортумберландских, с одним из которых разлучил Анну Генрих VIII? Домыслов и предположений можно строить, сколько угодно, но таинственный поклонник так пока и не был раскрыт.

Пятая жена Генриха — юная Катерина Говард — разделила судьбу своей кузины (она состояла в родстве с Анной Болейн). Внешне скромная и благочестивая, как монахиня, «роза без шипов», как называл девятнадцатилетнюю красавицу грузный, обремененный букетом болезней, с трудом передвигающийся пятидесятилетний король, Катерина на самом деле довольно рано вкусила яблоко греха. И после замужества, став королевой, не смогла долго продержаться без жарких ласк своего бывшего возлюбленного — Томаса Калпепера, о чем доброжелатели немедленно донесли королю. Калпепера повесили в Тайберне — полуживого сняли с виселицы, четвертовали и обезглавили. «Розу без шипов», одетую в черный бархат, отправили в Тауэр по Темзе. Сойдя на берег у Ворот Изменников,

Катерина проследовала в свои покои в Квинз Хаус (Queens House) — где находились самые лучшие и, как бы нелепо это ни звучало, комфортабельные камеры для приговоренных к казни — и обратилась к своим тюремщикам с самой необычайной просьбой в истории Тауэра. Сказав, что она не знает, как поведет себя в момент казни, юная королева попросила перенести плаху в ее комнату на время, чтобы «подготовиться». Просьба была исполнена. Встав на колени перед установленной в центре комнаты плахой, Катерина опустила шею в желоб, а затем, поднявшись с колен, заявила, что «сумеет с достоинством и изяществом пройти через это ужасное испытание».

Увы, реальность оказалось куда более прозаичной — юная королева кричала, что не хочет умирать, а в последний момент перед тем, как топор опустился на ее прекрасную тонкую шею, воскликнула: «Я умираю королевой, но лучше бы я умерла женой Калпепера!»

Семидесятилетняя фрейлина королевы Леди Рочфорд — графиня Солсберри, обвиненная в пособничестве, стала следующим жертвой, чья голова скатилась на солому, покрывающую эшафот, в тот холодный февральский день.

И несчастная Леди Джейн Грей — жертва семейных амбиций, которая пробывала королевой Англии всего девять дней, и горячий, своенравный Роберт Девере, граф Эссекс, бывший фаворит Елизаветы I, затеявший безрассудный мятеж против стареющей любовницы — в печальном списке привилегированных жертв Тауэр-Грин.

Девере пал жертвой собственных амбиций под рукой палача, и его окровавленное, безголовое тело было поспешно захоронено в близлежащей церкви Святого Петра в Веригах. А одна из башен Тауэра, в которой содержался под стражей своенравный фаворит, получила свое имя в честь него — Башня Девере.

Но и сама королева Елизавета I, наблюдавшая за казнью фаворита через окно одной из башен Тауэра, — в своей юности имела несчастье томиться в его мрачных застенках, будучи доставленной туда по Темзе через печально знаменитые «Ворота предателей». Немало слез и неподдельного ужаса будущих жертв повидали эти ворота за свою долгую историю: и юная Елизавета не могла удержаться от горьких рыданий, протестуя против насильственного заключения, когда ее сводная сестра, католичка Мария Тюдор, приказала отправить протестантку-еретичку в мрачную крепость.

Ежедневно в течение двух месяцев, пока Елизавета находилась в заточении в Тауэре, в ее камере служили католические мессы, но будущая великая королева упорно отказывалась от насильственного обращения в ненавистную ей веру.

Интереснейший экспонат, связанный с пребыванием Елизаветы в Тауэре, до сих пор хранится в знаменитой Таверне «Тигр» (Tiger Tavern), соединенной с Тауэром подземным тоннелем. Это не что иное, как мумифицированные останки кошки, которую, как полагают, гладила сама юная Елизавета, томясь в заключении в мрачной крепости. Таверна известна еще и тем, что каждые десять лет в нее навевается сам лорд-мэр Лондона с официальным визитом — тестировать пиво, подаваемое в заведении. Процесс тестирования заключается в следующем: немного пива проливается на стул, на который садится специальный человек — если его брюки прилипают к стулу, то все замечательно: пиво отличного качества, и на дверях таверны вывешивается лавровый лист, а шею лорда-мэра украшает лавровый венок.

Еще один знаменитый узник Тауэра — сэр Уолтер Рэйли — может претендовать на право самого частого гостя в мрачных застенках лондонской крепости. Знаток филосо-

фии, истории и древних языков, азартный игрок, завсегда тай кабаков и первая рапира в Англии, Рэйли в первый раз провел в Тауэре всего восемь недель в 1592 году за соращение одной из любимых фрейлин Елизаветы I, которая имела неосторожность забеременеть от галантного кавалера. Рэйли, в свою очередь, предложил фрейлине секретный брак, что и вызвало справедливый гнев государыни: слуги Ее Величества были обязаны спрашивать согласия государыни, прежде чем жениться или выходить замуж. Второй и самый долгий срок пребывания Рэйли в Тауэре начался в 1603 году — его приговорили к смертной казни по подозрению в участии в заговоре против короля Якова I. Буквально за день до предполагаемой казни приговор был заменен заключением — и почти тринадцать лет он провел в очень даже неплохих условиях в Кровавой Башне вместе с женой и сыном, выращивая и покуривая табак (считается, что именно Рэйли Европа обязана открытием табака, хотя это утверждение довольно спорно), занимаясь химией, сочиняя стихи и работая над своей «Историей Мира», которая в свое время была даже более популярна, чем пьесы и сонеты Шекспира, несмотря на попытки Якова I запретить ее.

По меткому замечанию современников, во время его пребывания в Тауэре «королевская тюрьма превратилась в Академию наук и искусств» — Рэйли посещали поэты, ученые и изобретатели, сам же он дистиллировал спирты и эссенции, изобрел свою знаменитую тонизирующую микстуру, названную его именем, нашел способ перегонки соленой воды в пресную и написал свои фундаментальные труды: «Трактат о кораблях», «Прерогативы парламента» и многотомную «Всемирную историю».

Когда Рэйли имел наглость пожаловаться на то, что подъемная железная решетка ворот Тауэра мешает ему спать по

ночам, его перевели в гораздо более спартанские апартаменты. Наконец, в 1616 году Рэйли освободили и отправили в Америку с экспедицией, цель которой была обнаружить золото, при условии, что он не будет атаковать испанцев. Рэйли не сдержал слова и по возвращении из неудачной экспедиции в 1618 году был вновь брошен в Тауэр на шесть недель, на сей раз в самую холодную и отвратительную темницу. Испанский король требовал от Якова I казни королевского пирата, и король подписал смертный приговор, который был зачитан Рэйли в 8 утра 29 октября 1618 года. Он вскочил с постели, поспешно оделся и вышел из комнаты, столкнувшись в дверях со своим брадобреем, который остановил его словами: «Сэр, мы еще не завивали вашей головы сегодня». «Пусть ее причешет тот, кто ее возьмет», — ответил Рэйли.

Бесстрашный Рэйли мужественно принял последний вызов судьбы — по дороге на эшафот подарил свою богатую расшитую шляпу лысеющему мужчине со словами: «Возьми ее, милый друг, ибо тебе она нужна больше, чем мне сейчас». В последнюю минуту перед казнью Рэйли заявил: «Меня ждет долгое путешествие...», а потрогав лезвие топора, добавил с черным юмором: «Это острое лекарство, но оно излечит все болезни». «Ну что же ты боишься? Ударяй!» — таковы были последние слова Рэйли, обращенные к замешкавшемуся палачу. Когда все было кончено, в толпе среди общей тишины раздался чей-то голос: «Где же мы еще найдем такую голову, чтобы снести ее с плеч?»

По всей видимости, самому Рэйли совсем не хотелось расставаться со своей темницей, ставшей ему вторым домом, — он провел в ней, в общей сложности, около четырнадцати лет. Его привидение до сих пор имеет привычку прогуливаться по территории Тауэра.

Тело же несчастного обрело свой последний земной приют в церкви Святой Маргарет рядом с Вестминстерским аббатством, в то время как его отрубленная мумифицированная голова осталась у безутешной вдовы, имевшей странную привычку носить ее с собой в сумке, посещая могилу мужа. Так продолжалось несколько лет, пока однажды

Сэр Уолтер Рэйли

пожилая леди не оставила где-то свою сумку, запамятавав об этом, после чего голова мятежного Рэйли исчезла бесследно.

В наши дни рабочий кабинет Рэйли в Кровавой Башне воссоздан на первом этаже, в то время как в спальнях апартаментов этажом выше, где некогда располагались его супруга, дети и трое слуг, находится выставка, посвященная предполагаемым жертвам Ричарда III — убиенным принцам и поэту Томасу Овербери, который был заключен в Кровавую Башню после того, как рассорился с одним из фаворитов короля Якова I — Робертом Карром, беспричинно обвинившим Томаса в заговоре против короля. Несчастный поэт медленно угасал в Тауэре от постепенного отравления мышьяком, которым начиняла свои пирожные и сладости жена Карра, отправляя передачи узнику якобы из жалости. Когда вся эта неприглядная история увидела свет, Карр и его жена были арестованы и провели в Тауэре пять лет, прежде чем были помилованы.

Во время Первой мировой войны Тауэр становится местом заключения для шпионов. В 1915-м сюда попадает

Карл Ганс Лоди — 39-летний морской офицер, обвиненный британскими властями в шпионаже в пользу кайзеровской Германии. Он будет казнен непривычным способом — расстрелян на «стуле смерти».

В сентябре того же года по обвинению в шпионаже в Тауэр был брошен 25-летний скрипач Фернандо Бушман. Приговоренный к смертной казни, он играл на скрипке всю ночь — мрачные казематы Тауэра никогда до этого не слышали музыки Моцарта.

Последняя казнь в Тауэре была совершена 15 августа 1941 года — заключительной жертвой в длинном кровавом списке стал немецкий шпион Йозеф Якобс: в соответствии с приказом военного командования Великобритании в ходе Второй мировой войны Тауэр был местом предварительного заключения военных преступников.

Неудивительно, что после стольких кровавых событий, Лондонский Тауэр по праву считается естественным прибежищем для потусторонних гостей. Среди них наиболее часто посещают мрачные стены крепости Анна Болейн и Уолтер Рэйли.

Да и дочь Анны Болейн и Генриха VIII — та самая великая и прославленная Глориана, Елизавета I — не оставляет Тауэр своим вниманием. Ее можно повстречать в библиотеке: некогда всесильная королева проходит вдоль стеллажей и исчезает в стене. Ходят слухи, что иногда призрак сердится и ворчит: «Провалили мое дело!» Обычно такое происходит после каких-либо государственных промахов английских властей.

Еще одну жертву Тауэра — католика Гая Фокса — пытали в Квинз Хаус после его неудачной попытки взорвать Парламент в 1605 году. Его крики до сих пор время от времени доносятся из окон старинного здания. Слышны подобные крики и из Белой Башни. Рыцарская процессия периодически

ски возникает из ничего и направляется в церковь Святого Петра в Веригах, в то время как джентльмен в костюме Елизаветинской эпохи появляется в Колокольной Башне. Генри Перси, 9-й граф Нортумберландский по прозвищу «Колдун», которое он получил за свое пристрастие к алхимии, предпочитает Башню Мартин и не случайно... Именно в ней он провел шестнадцать лет своего заключения в Тауэре по подозрению в соучастии в знаменитом Пороховом заговоре против Якова I. А в Кровавой Башне иногда появляются два печальных безмолвных призрака в белых ночных рубашках — два мальчика, убиенные принцы, некоторое время стоят рука в руке, а затем как будто растворяются в каменной стене.

ТАУЭРСКИЕ СЧАСТЛИВЧИКИ — ЗНАМЕНИТЫЕ ПОБЕГИ ИЗ МРАЧНЫХ ЗАСТЕНКОВ

И все же есть в архивах Тауэра упоминание о тех небывалых счастливлчиках, которым удалось обмануть судьбу и вырваться из мрачных застенков практически неприступной крепости.

За всю историю Тауэра насчитывается 37 побегов: 8 человек поймали и вернули в тюрьму, четверо были казнены, один умер, а трое в дальнейшем помилованы. Последний побег из Тауэра совершили в 1722 году Келли Джордж и Лэйер Кристофер: первый бежал успешно, второй был пойман и повешен. Остальным повезло больше. И все-таки, пожалуй, из всех счастливлчиков следует выделить четверых, с которыми связаны самые яркие истории.

По иронии судьбы, первый же узник Тауэра стал первым, кому удалось из него бежать: Ральф де Фламбард, впоследствии ставший епископом Даремским, правая рука жестокого

короля Вильяма Руфуса (Рыжего), был влиятельным и многими ненавидимым сборщиком податей. Он был брошен в Тауэр после загадочной смерти короля Вильяма на охоте, когда его брат, Генрих I, сменил Руфуса на престоле. Хитрый Ральф, напоив стражу до бесчувственного состояния, темной ночью 1101 года при помощи веревки благополучно выбрался из окна Белой Башни и бежал, в то время как 200 лет спустя такой же трюк попробовал повторить валлийский принц Груффид (Gruffydd), но к сожалению, был убит во время побега. В экспозиции Тауэра сохранился наконечник епископского жезла Фламбарда, а также его перстень.

Вторым счастливым стал сэр Джон Олдкасл, последователь религиозного реформатора Джона Виклифа, сумевший бежать из Тауэра в 1413 году. Оказавшись на свободе, он возглавил оппозицию королю Генриху V, чьим другом он некогда был. Оппозиция провалилась, Олдкасл бежал. Спустя четыре года его, наконец, схватили в Уэльсе и привезли в Лондон, где он и был казнен 14 декабря. Считается, что своего Фальстафа Шекспир списал именно с Олдкасла, более того, согласно одной из версий, некоторое время персонаж фигурировал под своим реальным именем в первых постановках пьесы «Генрих VI» до тех пор, пока потомки Олдкасла не протестовали и не появилось вымышленное имя Фальстаф.

Третьим баловнем фортуны можно считать иезуитского священника отца Джона Герарда, который был брошен в Тауэр в 1597 году, где его подвергали жестоким пыткам. Несмотря на это, отец Герард сумел выбраться на свободу при помощи своих друзей-католиков: от охранников Тауэра Джон регулярно получал апельсины, из кожуры которых делал крестики, а апельсиновый сок использовал в качестве невидимых чернил, чтобы писать секретные письма, в которые он заворачивал крестики и отправлял своим друзьям,

сумев расположить к себе одного из стражников. Секретные послания можно было прочитать при помощи свечи.

Ночью 4 октября сообщники протянули веревку через ров между Башней Крэда (Cradle Tower), в которой был заключен Герард, и Башней Уорф (Wharf Tower). Несмотря на то, что его руки сильно пострадали во время пыток, Герард каким-то чудом смог воспользоваться веревкой, чтобы покинуть ненавистную темницу, и был переправлен при помощи лодки по Темзе в безопасное место. Одним из тех, кто организовал побег, был будущий участник Порохового заговора Роберт Гэтсби. Удивительно, что, невзирая на все превратности судьбы, Герард сумел прожить довольно долгий век по тем временам: он умер в Риме в возрасте семидесяти двух лет.

И, наконец, самый романтический побег за всю историю Тауэра: шотландский лорд Нитсдейл, участник первого якобитского восстания, томился в Квинз Хаус в ожидании неминуемой смерти. Его супруга пыталась вымолить у короля помилование для мужа, забрасывая его петициями. В конце концов, будучи беременной, отправилась из Шотландии в Лондон, дабы добиться личной аудиенции у монарха и хлопотать свидание с мужем. Из-за начавшейся снежной бури и заносов ей пришлось оставить карету и половину долгого пути проскакать верхом на лошади по обледенелым дорогам. Заручившись поддержкой преданных ей друзей, графиня разработала план спасения любимого мужа. В ход было пущено все: деньги и хорошая выпивка для охранников, чтобы усыпить их бдительность, макияж, парик и женская одежда для супруга. 22 февраля накануне казни графиня с подругами отправилась на «последнее свидание», а несколько минут спустя вышла из камеры с мужем, загримированным под одну из ее спутниц под предлогом того, что проводит даму и вернется обратно. При этом попросила охранников некоторое

Отважная леди Нитсдейл

время не беспокоить лорда, якобы оставшегося в камере, и дать ему возможность спокойно помолиться перед предстоящим испытанием. Горничная графини, встретив их за пределами Тауэра, помогла лорду укрыться в безопасном месте. Леди же Нитсдейл возвратилась в пустую камеру и блестяще разыграла сцену прощания, имитируя голос мужа, а прежде чем уйти, закрыла дверь таким образом, что открыть ее можно было только изнутри. Несколько

дней лорд Нитсдейл тайно укрывался в Лондоне, после чего его, переодетого в слугу венецианского посла, удалось, наконец, переправить в порт Кале, а затем и на континент, где отважная пара, наконец, воссоединилась. Сама графиня умерла в 1749 году, но ее слава пережила свою хозяйку.

Надо признать, леди Нитсдейл откровенно повезло — ей удалось спасти и мужа, и себя — чего нельзя сказать о других, менее задачливых, узниках Тауэра, например, о Матильде Фицуолтер, «Прекрасной Мод» — первой женщине, попавшей в его мрачные застенки. Сластолюбивый и мстительный король Иоанн Безземельный пал жертвой ее красоты и попробовал соблазнить, однако получил решительный отказ. Тогда-то он и заточил Мод в одну из башен Тауэра, надеясь, что она «образумится» и примет его предложение. По всей видимости, король был ей настолько отвратителен, что и эта

суровая мера не помогла. И тогда взбешенный король не нашел ничего лучшего, чем послать ей отравленное яйцо. Жаль, что на его пути в свое время не попала Элис Вулф, которая вряд ли уступила бы королю по своему коварству, решительности и изворотливости.

Элис Вулф — единственная женщина, бежавшая из Тауэра

А теперь давайте перенесемся в далекий июль 1553 года. Приятная прохлада летнего вечера. По чернильной глади Темзы скользит лодка — всплески весел заглушаются звонким, как колокольчик, смехом женщины. Гребцы сосредоточены, а два пассажира, чьи одежды выдают в них богатых иностранцев, не могут оторвать своих глаз от ладной фигурки и смеющихся глаз своей спутницы. Река изгибается — впереди на берегу раскинулось одинокое большое дерево, женщина беспокойно заерзала на своем сиденье, и вдруг, к ужасу пассажиров, из-под небрежно брошенной на корме ветоши появляется мужчина с кинжалом в руке. Не успев даже вскрикнуть, один из них был мертв в мгновение ока. Второй молил о пощаде, но тщетно. Когда с бедолагами было покончено, а карманы их богатых камзолов вывернуты, убийца, гребцы и женщина связали несчастных иностранцев лицом к лицу и бросили их тела в реку, где, как они надеялись, они и останутся навечно. Главной добычей были ключи от заветных апартаментов, где хранились товары на сумму в 100 фунтов, — баснословная цифра по тем временам, если учесть, что Вильям Ворхэм, архидиакон Кентерберийский, после выхода на покой был удостоен пенсии размером всего в 80 фунтов в год!

К несчастью для убийц, тела были обнаружены буквально через несколько дней, а Джон Вулф — главное действующее лицо в этой драме — вскоре был взят вместе со своими со-

общниками. Одной из них, той самой сирене, заманившей богатые жертвы на речную прогулку, суждено будет войти в историю. Имя ее — Элис Вулф. И это единственная женщина, совершившая побег из Тауэра.

Судя по всему, Элис Танкервилль или Танкерфельд, была уроженкой Лондона, состоявшей в гражданском браке с Джоном Вулфом — купцом из Стилярда, района в Лондонском Сити рядом с современным Блэкфрайз. Впервые в документах Вулф фигурирует в 1531 году, когда прибывает в Лондон из Германии, — при этом упоминается он в связи с кражей 366 крон в городе Кельн. В 1532 году Вулф попадает в Лондонский Тауэр, а Элис на правах жены его регулярно посещает. В то время заключенным предоставляли только еду за счет государства и кучу соломы на полу. За все остальные удобства нужно было платить из собственного кармана — и кровать, и мебель, и одежда — все это доставлялось родными и друзьями и переправлялось в камеру. Тем не менее Вулфу повезло — его тюремщик, Джон Боуд, был добрым человеком, и за время заключения он, Вулф и Элис стали настоящими друзьями. Освободившись, Вулф бежал в Ирландию, а Элис оставил на попечение Боуда в свое отсутствие.

Элис же время даром не теряла, и, вернувшись через год, Вулф узнал, что она познакомилась с двумя богатыми иностранными купцами — Джеромом де Джорджем и Чарльзом Бенчем, более того, частенько бывала в их богатом доме. Слишком заманчивой была идея легких денег и слишком доверчивы и наивны иностранцы, чтобы этим не воспользоваться. Убийство, однако, было быстро раскрыто, а Вулф и Элис брошены в Тауэр. Узницу, прикованную наручниками к холодным и сырым стенам, поместили в Башне Колдхарбор (Coldharbour Tower) — власти особенно беспокоились о том, чтобы эта «дьявольская птичка» не упорхнула из своей клетки.

В конце января 1534 года судьба Вулфов была решена — за предумышленное убийство их приговорили к смертной казни, а поскольку злодеяние свое они вершили на воде, то в глазах закона считались пиратами, чья казнь была особо изощренной — во время отлива жертв приковывали цепями на дереве над Темзой таким образом, чтобы приливная волна неминуемо захлестнула и утопила их.

Перспектива стать утопленницей явно не подходила изобретательной и хитроумной миссис Вулф — со своим обаянием она изо всех сил пыталась вызвать жалость к себе. Заключенным в Тауэре, несмотря на всю строгость их содержания, все же давалась возможность периодически дышать свежим воздухом и совершать прогулки под специальным контролем — на крыше башни, либо же вокруг нее. Возможно, во время одной из таких прогулок Элис познакомилась с сердобольной дочерью коменданта Тауэра, жившего там вместе со своей семьей, и умолила ее убедить отца избавить пленницу от мучительных оков. А возможно, это был слуга коменданта, Уильям Денис, которому Элис так вскружила голову, что он был готов организовать для нее побег, рискуя собственной жизнью, и уговорил дочь своего хозяина испросить у отца послабление для такой очаровательной и так сильно страдающей миссис Вулф.

Как бы там ни было, но в начале 1534 года оковы пали с маленьких ручек Элис, и она смогла свободно передвигаться по камере. Но, увы, дружба Дениса с заключенной не прошла для него бесследно — комендант, узнав о том, что Денису известно о секретном ходе из Тауэра, уволил слугу, и эта ниточка на волю для Элис оборвалась.

Тем не менее у нее все еще был один очень влиятельный старый друг в Тауэре — тюремщик Джон Боуд. Элис умоляла

его помочь организовать ее побег, и бедный Джон не смог устоять перед горячими мольбами.

В среду 23 марта 1534 года Боуд и Элис решились привести их план в действие. Джон купил две волосяные веревки, а с наступлением темноты передал Элис через решетку мужскую одежду и ключ от внешней двери башни — внутренняя дверь камеры была на удивление легкодоступна. Кусок старой кости служил вместо щеколды в дверной скобе. Утром Элис удалось сделать небольшой подкоп под дверь, и, попеременно сотрясая дверь и упираясь палкой в кость, она выбила ее из скобы.

Затем, переодетая в мужскую одежду, она выбралась из камеры, покинула свою башню и, перебравшись на крышу соседней Башни Святого Томаса (как раз над печально известными «Воротами Предателей») направилась в сторону внешней стены Тауэра. Несколько шагов по стене, веревка — и только ров отделяет ее от заветной верфи, на противоположной стороне которой была Темза, а вместе с ней и свобода. Элис была еще на крыше башни, когда колокола по всему Лондону принялись отзванивать десять часов. На стене ее уже ждал верный Боуд, который перебросил через ров веревки с железным крюком на другую сторону верфи, по которым они соскользнули сразу в лодку. Осознание близкой свободы опьяняло и кружило голову. Боуд направил лодку в сторону доков Святой Катерины, к востоку от Тауэра. Недалеко от того места, где в наше время находится Тауэрский мост, они причалили и сошли на землю — и, хотя так и подмывало бежать, шли, сдерживая себя, как можно более уверенным шагом к докам, где в доме некоего Джеффри Гарисона их ждали две лошади. Они взобрались на холм — до заветного дома было рукой подать. Осталось только вскочить на лошадей, умчаться подальше от Тауэра, а потом и покинуть

страну — отплыть на корабле на Континент, где, возможно, удастся найти друзей Вулфа.

И вот тут вмешалось Провидение в лице одного из охранников Тауэра, старого друга Боуда по фамилии Гор — в этот момент он как раз спускался с Тауэрского Холма и, увидев приятеля в странной компании, окликнул его. Боуд постарался принять непринужденный вид, но, взглянув на его спутника повнимательнее, Гор обнаружил, что это была женщина — долг оказался превыше дружбы, и в мгновение ока оба были уже схвачены и препровождены обратно в Тауэр.

Элис вернулась в свою ненавистную камеру — на сей раз окончательно. Для Джона Боуда была приготовлена еще более незавидная участь — его поместили в крохотную темную каморку, где невозможно ни сесть, ни встать во весь рост, затем жестоко пытали, пытаясь выведать, кто стоял за этим побегом. Измученный Боуд механически отвечал, что действовал только из любви и своей глубокой привязанности к пленнице. Как только стало понятно, что ничего нового Боуд уже не скажет, его казнили.

Чета Вулфов вскоре последовала вслед за ним: оба они были повешены над Темзой, на пресловутом Дереве Турнунг — где и оставались довольно долго, и в приливах и в отливах, подвергаясь насмешкам и оскорблениям, до которых, им, мертвым, впрочем уже не было никакого дела. Так и закончился земной путь Элис Вулф — убийцы, женщины-пирата, возможно, проститутки — соблазнительной, ловкой и бесстрашной. Единственной женщины за всю долгую историю седого Тауэра, которая попыталась вырваться из его сырого и темного чрева.

Давно уже древние стены Тауэра не видели новых пленников, и слава Богу! Да и сам Тауэр уже давно не королевский замок, не монетный двор, не темница и не зверинец — однако

мало что изменилось в его внешнем суровом облике, разве, что ров, по которому бойко скользила лодочка Бойда, вот уже почти полтора века сухой и поросший травяной щетиной, как щека старика. А все дело в том, что система канализации в Тауэре изначально была далека от совершенства — уборные были расположены таким образом, что их содержимое напрямик направлялось в этот самый ров, а оттуда следовало в Темзу. Река покорно принимала эту горькую пилюлю на время, до наступления прилива, когда, отрывивала все это обратно в ров, делая жизнь обитателей Тауэра невыносимой из-за жестокого зловония. Проблемой занялся сам герцог Веллингтон, герой битвы при Ватерлоо, который за все свои заслуги был назначен Констеблем Тауэра в 1826 году. Для начала Железный Герцог, как его называли в народе, попытался было организовать фильтрацию воды и использовать ее нежелательное содержимое для удобрения местных

Тауэрский мост во время Олимпиады в Лондоне

садов и огородов. Сама по себе идея была вполне прогрессивная, но малоэффективная. После того как в 1841 году среди Тауэрского гарнизона разразилась вспышка холеры, герцог, невзирая на все возражения, повелел ров осушить, что и было сделано. Так что предшественники сегодняшних бифитеров — традиционные стражники Тауэра — должны были быть благодарны Железному Герцогу за возможность дышать полной грудью.

САМЫЕ ДРЕВНИЕ ОБИТАТЕЛИ ТАУЭРА

И, все же, невзирая на то, что на дворе уже XXI век, крепость продолжает жить по своим собственным законам: все те же бифитеры в красочной униформе, все те же ритуалы и традиции, все те же важные вороны — самые древние обитатели Тауэра, по-хозяйски разгуливающие по фирменным английским зеленым газонам.

Трудно сказать, когда эти крупные черные птицы довольно злоежщего вида стали неотъемлемым атрибутом Тауэра. Вполне вероятно, что появились они там по довольно-таки прозаической причине, привлеченные роскошными отходами с королевских кухонь. Обитатели Тауэра, в свою очередь, не имели ничего против соседства с добровольными санитарями, и вороны отлично прижились на его территории. Интересно, что, в отличие от многих других народов, англичане не испытывают суеверного страха перед воронами и не содрогаются от их злоежщего карканья. Более того, эти мудрые, степенные и важные птицы, некоторые из которых живут до сорока лет и больше, им даже импонируют.

Однако королевский астроном Карла II, Джон Флэмстид, первоначально занимавший Белую Башню в качестве обсерватории, придерживался другого мнения: пролетающие

мимо вороны мешали ему наблюдать за небом. Астролог пожаловался королю — но не успел Карл принять необходимых мер, как ему напомнили древнюю легенду, согласно которой Тауэр падет, если его оставят эти мистические птицы, а вслед за Тауэром падет и Британия... Король, поразмыслив, поступил довольно мудро: астролог вместе с обсерваторией был переведен в Гринвич, а вороны (не менее четырех, согласно королевскому указу) остались в Тауэре.

Более того, был издан специальный декрет, по которому эти древние обитатели крепости были взяты под королевскую охрану: их крылья подрезают, дабы они не улетели, а специальный стражник следит за их питанием. Правда, несмотря на подрезанные крылья некоторые из них все же умудряются улетать — ворона Грога, например, видели у паба в Ист-энде. Некоторых же приходится отправлять в отставку за недостойное поведение — например, ворона по имени Джордж, который любил жевать телевизионные антенны.

Вороны — хищные птицы, и для полноценного питания в их рацион включают свежее кроличье мясо с кусочками шерсти для улучшения пищеварения, а на десерт иногда балуют печеньем, которое обмакивают в свежей крови.

Можно сказать, вороны состоят на службе в Тауэре — совсем как и его охранники, знаменитые бифитеры — им присваивают имена и как на военнослужащих заводят карточки, в которых отмечают особенности характера и личные качества. Есть у воронов и свое персональное кладбище в районе сухого рва, окружающего крепость.

Сам Тауэр благополучно пережил две мировые войны и с честью выдержал неоднократные воздушные атаки: в ходе Второй мировой войны на территории крепости было зафиксировано пятнадцать прямых попаданий авиабомб, не говоря уже о бомбардировке зажигательными бомбами. Однако по-

Ворон и бифитер

тери исчислялись только погибшими воронами и разбитыми оконными стеклами. Был период, когда на территории крепости осталась всего одна птица. И все же Тауэр, а вместе с ним и Лондон, выстоял, и после войны было принято решение срочно возобновить поголовье легендарных птиц.

Птицы, проживающие в Тауэре в настоящее время, в основном родом из Шотландии, Уэльса и Корнуолла. Они родились на свободе и были доставлены в крепость, когда им еще не исполнилось и года. Среди воронов есть и самцы, и самочки, которые весной даже пытаются строить некое подобие гнезд, однако до сих пор еще не было случая, чтобы у тауэрских воронов заводилось потомство — в неволе они отказываются размножаться...

В 1235 году у тауэрских воронов появились новые соседи: король Генрих III основал в Тауэре зверинец, первыми обитателями которого стали три леопарда, подаренных королем императором Фридрихом II. В том же году в зверинец доста-

вили из Норвегии белого медведя: в государственных архивах упоминается, что медведь получал ежедневное довольствие на сумму в четыре пенса из денег, ассигнованных на личные расходы короля. При помощи длинной и крепкой веревки «смотритель белого медведя» держал животное на привязи, когда его отпускали половить рыбу в Темзе.

В правление Эдуарда III к прежним обитателям зверинца присоединился слон — подарок короля Франции Людовика IX, для которого по королевскому указу возвели отдельное строение размером сорок на двадцать футов. Король Яков I обожал свой зверинец и устраивал регулярные животные бои — жестокая практика продолжалась до 1609 года, пока в результате поединка между медведями случайно не погиб ребенок. Немногим позже в Тауэре появились львы, держать которых в королевском зверинце стало традицией. Один из львов был назван в честь правящего монарха и, согласно молве, чуть не умер от тоски после кончины короля-тезки. В 1704 году, согласно архивам, в тауэрском зверинце содержалось шесть львов, два леопарда, три орла, две огромные «шведские совы», две дикие «горные кошки» и шакал. Посетителям предписывалось не заигрывать с животными, после того, как орангутанг бросил в одного из них пушечное ядро и убил несчастного, а также не кормить страусов гвоздями, чтобы проверить глупый предрассудок о том, что страусиные желудки в состоянии переварить железо. Правда, не возбранялось напоить зебру пивом — она иногда сбегала из вольера в солдатскую столовую, чтобы «утолить жажду». В 1811 году компания «Хадсон Бэй» подарила гризли королю Георгу III — медведя назвали «старина Мартин», вместе с остальными он провел в Тауэре еще 23 года, после чего переехал в новый зоопарк в Риджентс-парк, где благополучно скончался в весьма преклонном возрасте в 1838 году.

СЕКРЕТЫ ТРАФАЛЬГАРСКОЙ ПЛОЩАДИ

Есть и еще одно знаменитое место в Лондоне, где можно увидеть львов — правда, застывших в камне. Согласно легенде, львы работы сэра Ландсира, как гордые и молчаливые сфинксы, охраняют сокровища — на сей раз, правда, не английской, а французской короны. До сих пор живо предание о том, что фаворитка Людовика XV мадам дю Барри, убегая из революционной Франции, закопала свои сокровища в том самом месте, где сейчас возвышается знаменитая колонна Нельсона. Дело в том, что в смутные времена ее роскошный особняк в Лувсьенне был безжалостно ограблен, однако спустя некоторое время ей сообщили: бриллианты найдены в Лондоне. Именно для их опознания и решения формальностей Жанна и ездила в Лондон несколько раз. Правда, есть версия, что она их все же вывезла с собой обратно во Францию и уже там закопала в Лувсьеннском парке вместе с отрубленной разъяренной толпой головой герцога де Бриссака, губернатора Парижа, своего последнего возлюбленного. Увы, гильотина все же настигла мадам дю Барри, и тайну сокровищ она унесла с собой в могилу. Однако лондонский музей Мадам Тюссо даровал красавице вторую жизнь — жемчужинной экспозиции является восковая фигура спящей мадам дю Барри — миниатюрная леди раскинулась на зеленом бархате кушетки, на щеках играет нежный румянец, упругая грудь вздымается под складками вечернего платья (это первая механическая фигура в экспозиции музея!). Кажется, вот-вот дрогнут пушистые ресницы и «спящая красавица» откроет изумленные глаза: «Ах, как же долго я спала!» И попросит принести ее сокровища...

Однако Трафальгарская площадь, на которой стоит та самая знаменитая колонна Нельсона, и сама овеяна легендами.

Начиная с XIII века, времени правления короля Эдуарда I, на месте сегодняшней Трафальгарской площади располагались Королевские конюшни и содержались птицы для охоты — здесь разводили ястребов и соколов. Во время гражданской войны конюшни были переоборудованы в бараки для солдат Кромвеля, а позднее использовались в качестве тюрьмы, где томились сторонники Карла I. В конце 1760-х Георг III решил переместить королевские конюшни на территорию Букингемского дворца, но, по всей видимости, лошади были против, потому как процесс перемещения затянулся более, чем на полвека — вплоть до 1820-х — как раз к тому самому моменту, когда уже был готов проект создания новой площади, которой суждено было стать сердцем Лондона. К сожалению, автор проекта, архитектор Джон Нэш, так и не увидел своей мечты, воплощенной в реальности, — после его смерти к делу подключился Чарльз Бэрри, который и завершил строительство площади, получившей имя Трафальгарская — в честь победы английского флота под командованием Нельсона в битве у мыса Трафальгар в 1805 году.

Вот уже более полутора веков легендарный адмирал величественно взирает на площадь и окрестности с 44-метровой гранитной колонны, установленной в 1843 году. Статуя Нельсона более чем в три раза по высоте превосходит самого адмирала (его рост был около 165 сантиметров), тем не менее с площади кажется практически миниатюрной. Несмотря на то, что члены Парламента проголосовали за выделение нескольких тысяч фунтов на возведение монумента, большая часть денег была собрана за счет индивидуальных спонсоров, которые жертвовали свои деньги в специально учрежденный

фонд. Мало кому известно, что сам российский император Николай I принял участие в проекте — внес практически четверть от общей стоимости работ, которая составила целых 47 тысяч фунтов стерлингов (примерно три миллиона в современном эквиваленте).

23 октября 1843 года четырнадцать рабочих, задачей которых было установить колонну, закончили свой доблестный труд и отметили это событие весьма своеобразно — устроили ланч в английском стиле на верхней площадке монумента на высоте 44 метров. Нашлось место даже для стола со стульями. После чего там установили 18-тонную статую Нельсона. Скульптор Эдвард Ходжес Бэйли увековечивал Нельсона поэтапно: сначала создал нижнюю часть скульптуры, затем верхнюю, а следом за ними левую руку, сжимающую внушительных размеров бронзовый меч. И даже слово «Нил», выгравированное на королевской медали на груди адмирала, до сих пор различимо и служит напоминанием о еще одной блистательной победе Нельсона в 1798 году.

Четыре бронзовых барельефа на основании колонны сделаны из переплавленных трофейных пушек с кораблей, захваченных адмиралом, и символизируют морские победы Нельсона: в битве у мыса Сент-Винсент, в Абукирском сражении, у Копенгагена и при Трафальгаре.

Двадцать пять лет спустя у основания колонны расположились четыре гигантских бронзовых льва работы художника и скульптора сэра Эдвина Лэндсира. Правда, скульптором ему пришлось заделаться по желанию королевы Виктории, которая обожала его шотландские пейзажи и неоднократно заказывала Лэндсиру портреты своих любимых домашних питомцев. Желание королевы — закон, и Лэндсир, никогда до этого момента не писавший и не ваявший львов, был вынужден подчиниться, потребовав при этом живую натуру в свою мастерскую. Точ-

нее было бы сказать, мертвую, потому как держать живого льва в студии было довольно проблематично. Ждать натуру пришлось целых полгода, когда, наконец, умер один из львов Лондонского зоопарка, и Лэндсир приступил, наконец, к работе. Однако жуткий запах делал невозможным длительное пребывание в мастерской, да и соседи вмешались — вызвали полицию, заподозрив неладное. Пришлось Лэндсиру заканчивать львов, любуясь на свою домашнюю кошечку.

Знаменитая колонна, под которой, согласно преданию, и были зарыты сокровища мадам дю Барри, — один из любимых монументов в Лондоне. «Встретимся у Нельсона» — расхожая фраза, и, действительно, сегодня трудно представить себе площадь без адмирала. И все же, хотя у истории и нет сослагательного наклонения, Нельсона на площади могло бы и не быть, если бы член Парламента полковник сэр Фредерик Вильям Тренч в первой половине XIX века сумел заручиться поддержкой нации и воплотить в жизнь свой проект. В центре площади вместо колонны предполагалось соорудить громадную двадцатидвухъярусную пирамиду, выше, чем собор Святого Павла, причем полковник заявлял, что нация вполне осилит расходы по ее возведению. Нация, однако, посчитала иначе, и пирамида осталась лишь на бумаге — в чертежах архитекторов Филиппа и Мэтью Коутс Вят.

Не менее грандиозными были и планы Гитлера, который намеревался переправить колонну Нельсона в Берлин после захвата Британии. В специальном плане операции, разработанной СС, отмечалось, что «колонна Нельсона символизирует мощь британского военного флота и мирового владычества. Было бы весьма впечатляюще подчеркнуть победу фашистской Германии, переправив колонну в Берлин».

Однако brave адмирал не пожелал менять порт приписки — Британия устояла, а вместе с ней и колонна. В про-

шлом в день празднования победы при Трафальгаре колонна Нельсона украшалась флагами, которые вкупе составляли собой девиз Нельсона: «Англия ожидает, что каждый мужчина будет исполнять свой долг». Поистине золотые слова... Жаль только, что эта церемония больше не практикуется. Зато в мае 2003 года профессиональный спортсмен совершил прыжок с парашютом с колонны Нельсона, протестуя таким образом против политики Китая в отношении Тибета.

Предполагается, что бравый адмирал смотрит с высоты своей знаменитой колонны в сторону моря, где некогда качалась на волнах его «Виктория». Что интересно — Нельсон действительно имеет неплохой шанс обозревать свой флот, правда, в миниатюре — в верхней части уличных фонарей Молла изображены все корабли флота адмирала, включая «Викторию», «Британию» и «Королевского Соверена».

Однако лондонские гиды частенько обращают внимание туристов на то, что именно в этой стороне находится и знаменитый лондонский паб «Ган» (Gun) или «Оружейный», что расположен неподалеку от Тауэрского моста — когда-то

Монумент Нельсону на Трафальгарской площади

в этом районе вниз по Темзе находился Оружейный двор, где отливали пушки, из которых стреляли на кораблях Нельсона в битвах на Ниле и при Трафальгаре, и в который раз пересказывают сентиментальную историю любви великого адмирала, такой же вечной и трагической, как мир. Именно в этом пабе частенько проходили тайные встречи адмирала и очаровательной большеглазой Эммы Гамильтон, волею судьбы занесенной в высокое лондонское общество из далекого городка Гаварден в Уэльсе, где ее мать, Мэри Кадоган, после смерти мужа подрабатывала то прачкой, то кухаркой, чтобы прокормить себя и дочь. Тем более головокружительным казалось ее восхождение по социальной лестнице — от борделя миссис Келли и содержанки юного баронета Гарри Фезерстоунхуфа до супруги престарелого и уважаемого Уильяма Гамильтона, британского посла в Неаполе. И, наконец, кульминация — «друг сердечный» и Муза самого Нельсона, вдохновительница его побед. Именно ей было адресовано последнее письмо Нельсона, на котором — безутешная неофициальная вдова сделала пророческую надпись: «О славный и счастливый Нельсон! О бедная, бедная Эмма!»

В архивах Национального морского музея сохранилось и письмо, написанное Эммой в день смерти Нельсона: «Сегодня весь день чувствовала себя ужасно — сердце мое разбито, голова непрестанно кружится... Не стало того, кого я любила больше жизни...»

Тело brave адмирала было доставлено в Лондон в бочке с бренди и с огромными почестями захоронено в соборе Святого Павла.

Предсмертную просьбу великого адмирала позаботиться о его «бедной Эмме» королевский двор не выполнил: Эмме было отказано в пенсии, а все имущество Нельсона, за исключением поместья Мертон-плейс, отошло к официальной

жене Фанни Нисбет и ее сыну. Эмма, привыкшая жить на широкую ногу, обожавшая азартные игры и частенько находившая утешение в спиртном, очень быстро погрязла в долгах — все, что можно было продать, ушло с молотка, а Муза провела в долговой тюрьме «Кингс-бенч» девять томительных месяцев. При помощи адвоката Смита, ранее служившего на «Виктории», Эмме с дочерью удалось бежать во Францию, где она поселилась в скромном Сант-Пьерре в двух милях от Кале и жила впроголодь, спасаясь подаванием английских моряков, изредка появлявшихся в Кале. Правда, слухам о том, что эта старая грузная женщина когда-то была любовницей великого адмирала, мало кто верил. 15 января 1815 года Эмма скончалась — по одной версии, от водянки, по другой — у нее отказала печень. На чердаке бедного дома, где это случилось, нашли портрет адмирала и связку его писем — только благодаря этому стало известно, как закончила свою жизнь знаменитая куртизанка и любимая женщина Нельсона: «Как она звала, как она ждала, как она пила виски...»

Вместе с другими вещами адмирала и леди Гамильтон предсмертное письмо Нельсона было продано на аукционе Сотби в 2002 году, вместе с его испачканным кровью шелковым кошельком с 21 монетой достоинством в одну гинею, полгинеи и треть гинеи. Хотя кровь на кошельке могла быть и не самого адмирала: когда Нельсон упал, сраженный пулей, вся палуба «Виктории» была залита кровью. Нашла своего нового владельца и брошь в виде якоря из золота и серебра, украшенная бриллиантами. Ее Нельсон подарил Эмме Гамильтон вскоре после рождения их дочери Горации. На броши вырезаны инициалы Г и Н.

И все же, кажется, что возвеличенный благодарной нацией, монументальный Нельсон никак не может до конца простить Британии того, что его последняя воля так и не была выполне-

на, и скучает там, под облаками, без своей верной Эммы, хотя компанию ему на площади и составили бронзовые бравые генералы Викторианской эпохи и военные лидеры прошлого века во главе с королем Британии Георгом IV, который горделиво восседает на лошади в римском одеянии, — правда, эта скульптура первоначально предназначалась для украшения Мраморной Арки и была установлена на площади «временно». Впрочем, для Британии полтора века — это совсем не долгий срок. Зато четвертый постамент в северо-западной части площади, предназначенный для конной статуи короля Вильгельма IV, так и остался без наездника. Вильям, неожиданно для себя получивший корону в преклонном возрасте, правил совсем недолго, так что воздвигнуть ему монумент на века просто не успели, впоследствии смысла в этом уже не было, и постамент пустовал до 1999 года, когда было принято решение выставлять на нем в качестве временной экспозиции работы современных скульпторов.

Непростая судьба и у конной статуи многострадального короля Карла I, расположенной в южной части площади: отлитая в 1633 году, она в процессе развязавшейся гражданской войны была конфискована войсками Кромвеля и продана местному меднику, господину Джону Риветту, при условии немедленной переплавки монумента. Риветту даже удалось сколотить небольшой капитал, продавая сувениры, отлитые якобы из королевской статуи, притом что сам памятник все это время хранился в подвалах церкви Святого Павла в районе Ковент-Гарден. После реставрации монархии предприимчивый Риветт перепродал статую, которая была установлена на площади на том самом месте, где в 1660 году были практически распотрошены восемь тел, принадлежащих тем, кто в свое время подписал смертный приговор королю, и откуда открывается вид на Банкетный зал резиденции Уайтхолл,

Церковь Святого Мартина-на-Полях

где Карл I и был обезглавлен. Маленький, но гордый король торжественно восседает на месте бывшего Креста — Черинг Крос, откуда принято измерять все расстояния в городе.

Черинг Крос был последним из двенадцати крестов, возведенных по приказу Эдуарда I в тех местах, где останавливалась похоронная процессия с телом его любимой супруги Элеоноры по пути из Ноттингемшира в Вестминстерское аббатство. Сам крест был снесен пуританами, но его реплика, сделанная в Викторианскую эпоху, была установлена напротив входа на станцию метро «Черинг Кросс», в начале улицы Стрэнд.

В северо-восточном углу Трафальгарской площади на месте ранее существовавшей здесь церкви стоит церковь Святого Мартина-на-Полях (St Martin-in-the Fields), построенная в 1726 году архитектором Джеймсом Гиббсом в стиле барокко. Этот храм с шестиколонным портиком и башней

со шпилем был свидетелем свадьбы Джона Констебля и крестин Карла II, здесь же покоится его любовница Нелл Гвин, а также знаменитый художник Уильям Хогарт и мебельный дизайнер Томас Чипендейл. Церковь считается официальной приходской церковью Букингемского дворца: слева от алтаря находятся сиденья для особ королевской крови, справа — для представителей адмиралтейства. А рождественские службы в церкви Святого Мартина-на-Полях проходят в особой атмосфере — за окнами храма — залитая огнями Трафальгарская площадь, на которой с 1947 года устанавливают самую главную Рождественскую ель в Лондоне — подарок народа Норвегии в благодарность за поддержку страны во Второй мировой войне. Как правило, это дерево выше 20 метров высотой, возраст которого примерно 50—60 лет, и выбирается оно за месяцы, а то и годы до очередного торжества. Норвежские лесничие, которые присматривают за пушистой красавицей, любовно называют ее «королевой леса». Ель красуется на Трафальгарской площади до 6 января, двенадцатой ночи Рождества, после чего отправляется на переработку.

Здесь, в самом сердце Лондона, такая концентрация знаменитых улиц, площадей и кварталов, что бедные лондонские гиды во время автобусных экскурсий не успевают рассказать очередную захватывающую историю «четвертого постамента» Трафальгарской площади, как за окном автобуса уже мелькают улицы Сохо, а впереди, хоть и зажатый в кольце машин, но все же парящий над толпой романтический символ столицы — Ангел Пиккадилли...

ЗАГАДОЧНЫЙ СОХО

Пожалуй, начать стоит с гимна Сохо — одному из самых противоречивых, ярких и эксцентричных районов Лондона. Кисть, которая нарисовала Лондон спокойным, мрачным и благовоспитанным, каким-то чудом его совсем не затронула: грациозная старая площадь, внутренние дворики, переулки, непредсказуемо врезающиеся между улиц. Незабываемо утро в Сохо, когда город еще только просыпается и все поет о жизни: распахиваются ставни, поливаются цветы, свежие булочки по дороге в рестораны наполняют воздух ароматом, официанты в своих белых фартучках подают турецкий кофе в кафешках на тротуарах, оживает Чайна-таун, шумит яркий рынок на Бервик-стрит вперемишку с кокни. Красочный и космополитический Сохо — это свободная гавань, которую должен иметь каждый город, самый горячий и самый холодный социальный котел Лондона. Это место очаровательных контрастов: уютная деревушка и квартал Красных фонарей, место работы и азартных игр, Китайский квартал и район театров, рай для гурманов и излюбленное место художников. Сегодня это олицетворение стиля; в 60-е Сохо был колыбелью британской поп-музыки; 100 лет назад — самой ужасной трущобой в городе, а еще раньше — средоточием аристократической жизни. Поистине, нет в мире места, подобного этому!

В давние времена на месте этого района расстилались зеленые поля — великолепное место для охоты. Когда охотник видел потенциальную добычу, он кричал другим охотникам и зычно звал собак: «So-ho!». Таким образом Сохо и получило свое название.

Впервые район Сохо был застроен в XVII веке — тогда проживать на улицах этого района считалось великой честью:

вокруг площадей Сохо и Лестер возводили свои особняки принцы, герцоги и графы. Постепенно Сохо становится центром ночной жизни высшего света — венецианская примадонна Тереза Корнелис устраивает здесь безумно роскошные маскарады: фейерверки, сотни карет, толпы зевак, веселье до упаду... Однако к XVIII веку буйное веселье в Сохо постепенно сходит на нет, богатые и сильные мира сего оставляют этот район, перебираясь в Мэйфэйр, гаснут огни рампы, и Сохо погружается в нищету, заселяясь иммигрантами и неимущими.

Именно о таком Сохо писал Голсуорси: «Грязно, пестро, полно греков, итальянцев, кошек, помидоров, ресторанов, органов, причудливых имен, людей, выглядывающих из окон верхних этажей...» Первой волной беженцев были французские гугеноты, бежавшие в Англию от преследований режима Людовика XIV, за ними последовали итальянцы, ирландцы и евреи. В послевоенные годы Сохо наводнили выходцы из Азии, в основном китайцы, разбившие здесь целую сеть ресторанчиков и магазинчиков, со временем разросшуюся в целый Китайский квартал — знаменитый Чайна-таун Лондона.

Именно здесь, в Сохо, на территории нынешнего Чайна-тауна, в 1764 году в кофейне «Туркс Хэд» («Голова Турка») основал свой клуб Джошуа Рейнолдс, где неоднократно выступал его друг доктор Джонсон. Томас де Куинчи оказался в Сохо в 1802 году, бежав из школы, и был буквально спасен от голодной смерти местной проституткой — реальный случай из биографии, вошедший впоследствии в его «Признания английского наркомана». Здесь, на улице Бродвик, был рожден поэт Вильям Блейк — свои лучшие поэмы он тоже напишет в Сохо, проживая со своей «любимой Кейт» на Полэнд-стрит.

Какое-то время здесь проживал и юный Шелли, а Каналетто имел студию на Бик-стрит. Вагнер в нищете проживал в районе Сохо в 1839 году, и Карл Маркс нашел здесь свое пристанище после провала революционных восстаний 1848 года. В 1850 году он проживал в доме под номером Дин-стрит, 64, прежде чем был выселен за неуплату и вынужден переехать в две «отвратительные, ужасные комнаты» на верхнем этаже дома под номером 28 с женой и горничной (обе в тот момент были беременны от него) и четырьмя детьми. Сейчас в этом доме находится ресторан — приветливые официанты могут показать гостям по их просьбе комнаты семейства Маркса.

Чуть дальше по улице находится знаменитый паб под названием Французский Дом (The French House), который во время Второй мировой войны часто посещали члены правительства Франции в ссылке, включая лидера французского Сопротивления Шарля де Голля — в этом пабе он частенько устраивал личные встречи и, по всей вероятности, написал свою самую известную речь «Да здравствует Франция!», копия которой и по сей день находится на стене паба. «Французский Дом» удивительным образом сохранил свой особенный французский дух — здешние официанты до сих пор отказываются мерить пиво английскими пинтами.

Сохо — место контрастов — может быть на удивление традиционным и авангардным одновременно. В 2009 году здесь, в качестве эксперимента, был на некоторое время открыт оригинальный бар «Alcoholic Architecture», где алкоголь употребляли через испарения — заплатив пять фунтов за час и надев защитный костюм поверх одежды, посетители попадали в зал, насыщенный парами джин-тоники, испускаемыми специальным генератором. Авторы столь смелого проекта утверждали, что эффект от дыхания парами джина

и тоника сравним с эффектом от употребления классического коктейля, атмосферу которого они и постарались создать, украсив интерьер огромными кусочками лайма и гигантской клубникой.

Сохо может по праву гордиться и своим званием «колыбели британской поп-музыки». С конца 50-х годов прошлого столетия Сохо становится излюбленным местом для встреч восходящих поп-звезд: знаменитые «Роллинг-стоунз» впервые встретились в пабе на Бродвик-стрит в 1962 году. Дэвид Боуи выступал здесь как Дэвид Джонс в 1965-м, за ним последовали Пинк Флойд и Лед Зеппелин, а Фил Коллинз работал здесь гардеробщиком в одном из пабов. В Школе искусств Св. Мартина на Черинг Кросс-роуд в ноябре 1975 года состоялось первое выступление «Секс Пистолз» — группа собиралась на репетиции в студии за музыкальными магазинами Денмарк-стрит, на которой записывали свои композиции знаменитые

Чайна-таун — Китайский квартал Сохо

«Роллинг-стоунз», а Элтон Джон стартовал здесь в качестве музыкального издателя в 1963 году.

Кажется, Сохо насквозь пропитан музыкальным духом — еще в далеком 1763 году на Грик-стрит останавливался семилетний Моцарт — маленький гений, вызвавший неподдельный восторг короля Георга III и высшего лондонского общества своими выступлениями. Здесь же в 1958 году был основан знаменитый лондонский джаз-клуб «Ронни Скоттс», существующий и поныне.

Район и теперь знаменит своими ресторанами, ночными клубами, а также очень современными книжными магазинчиками и одними из лучших в Лондоне магазинами звукозаписи. Крупнейшие кинокомпании имеют здесь свои офисы — самая длинная улица Сохо, Вордор-стрит, практически целиком отдана киноиндустрии, включая офис знаменитой Ворнер Бразерз.

Здесь же, в Сохо, находится и один из бывших культовых центров модной одежды Карнаби-стрит: в далекие 60-е название этой улицы служило синонимом моды и молодости. Здесь пели популярные группы, издавали модные журналы, а в переполненных модниками магазинчиках и кафе можно было запросто встретить Джаггера, Маккартни или Ашера.

Сегодня, как и некогда, Сохо — это излюбленное место лондонской богемы — здесь собираются писатели, критики, художники, артисты, кинозвезды, словом, люди искусства.

Порок и богема — слова, часто идущие в паре... Секс и наркотики, нетрадиционная сексуальная ориентация и проституция — все это тоже неотъемлемая часть Сохо. В XVII и XVIII веках услуги платных любовниц в Сохо пользовались большой популярностью: сюда и в соседний район Ковент-Гарден, где проживали знаменитые куртизанки того времени, неоднократно наведывались даже особы королев-

ской крови: широко известен был высокочеловеческий бордель под названием «Отель Хуперз» — завсегдатаем которого был сам принц Уэльский. В Викторианскую эпоху Сохо заклеивали как рассадник разврата и порока и предавали анафеме — именно в Сохо совершал свои знаменитые «крестовые походы» во спасение заблудших душ юных проституток премьер-министр Гладстоун, совмещая миссионерство с «явным удовольствием от симпатичных мордашек», как заметил один язвительный критик.

Ко времени Второй мировой войны громадная империя порока в Сохо контролировалась организованной преступностью — в частности скандально-известными братьями Мессина с Мальты, а впоследствии перешла в руки всемогущего Берни Силвера — «Крестного отца» Сохо, которого посадили еще в 1974 году. Совместными усилиями администрации Сохо и Совету округа Вестминстер на какое-то время удалось сократить количество заведений, торгующих секс-услугами, однако проблема далека от разрешения: по сей день в районе Сохо расположено приличное количество секс-шопов, стриптиз-баров, тайных публичных домов, гей-баров, кафе и клубов. Более того, появились уже и агентства недвижимости и финансовых консультаций специально для геев, а также новая услуга — гей-такси!

И все же удивительны повороты истории — некогда в примыкающем к Сохо районе Ковент-Гарден располагался монастырский сад, принадлежавший Вестминстерскому аббатству. И атмосфера в будущем месте бурных развлечений была удивительно благочестивая. После Реформации земля аббатства перешла в собственность монарха, в свою очередь подарившего ее первому графу Бедфорду. Его потомок, Фрэнсис Рассел, решил облагородить территорию, пригласив для этого известного архитектора Иниго Джонса,

поклонника итальянского стиля. Джонс решил разбить здесь первую в Лондоне площадь по регулярному плану, по образу и подобию площади в городе Ливорно. В XVIII веке здесь открыли овощной и фруктовый рынок — Бернард Шоу избрал это место для своей Элизы Дулиттл — продащицы цветов в «Пигмалионе». Альфред Хичкок сделал старый Ковент-Гарден гораздо более зловещим местом — на его территории разворачивается основное действие его предпоследнего фильма «Безумие», снятого великим мастером триллера в 1972 году в Лондоне. Фильм о поиске серийного убийцы Хичкок приехал снимать в родной город из Голливуда, куда переехал, будучи уже известным режиссером, утверждавшим, что для того, «чтобы сделать великий фильм, необходимы три вещи — сценарий, сценарий и еще раз сценарий».

Тринадцать последних лет в Лондоне до переезда в Америку Хичкок, сын владельца бакалейной лавки с Лейтонстоун-стрит, проживал со своей женой Альмой по адресу: Кромвель-роуд, 153, — сегодня на этом месте довольно скромная гостиничка для беженцев. Зато возле дома, где родился Хичкок, в 1993 году была установлена памятная табличка.

Лондонец по духу, Хичкок обессмертил родной город в своих творениях — многие из его фильмов 30-х годов сняты именно в Лондоне.

К столетию со дня рождения Хичкока в Лондоне на стенах станции метро «Лейтонстоун» были выложены 17 мозаик, в основном, представляющих собой фрагменты из его фильмов.

КОВЕНТ-ГАРДЕН — ТЕАТРАЛЬНЫЕ ДЕКОРАЦИИ ЛОНДОНА

...Ковент-Гарден. Летний вечер. Дождь как из ведра. Со всех сторон отчаянный рев автомобильных сирен. Прохожие бегут к рынку и к церкви Св. Павла, под портиком которой уже укрылось несколько человек, в том числе пожилая дама с дочерью, обе в вечерних туалетах. Все с досадой всматриваются в потоки дождя, и только один человек, стоящий спиной к остальным, по-видимому, совершенно поглощен какими-то отметками, которые он делает в записной книжке. Часы бьют четверть двенадцатого...

На сцене — первое действие знаменитой пьесы «Пигмалион» Бернарда Шоу: Элиза Дулиттл — продавщица цветов с рынка Ковент-Гарден и профессор Хиггинс. Нелепая замарашка с корзинкой фиалок и ужасным провинциальным акцентом и ее Пигмалион, который будет лепить свою Галатею. Но как далеко еще до ее чудесного превращения в утонченную герцогиню...

А ведь и сам Ковент-Гарден — ныне популярная туристическая достопримечательность, район магазинов и театров — за свою долгую жизнь не раз претерпевал подобные метаморфозы. Когда-то это были просто открытые поля между Лондонским Сити и деревушкой Чэринг Кросс. Со временем бенедиктинские монахи близлежащего Вестминстерского аббатства стали использовать территорию под свои сады и захоронения (отсюда и название — convent garden — монастырский сад). Первое официальное упоминание о Ковент-Гардене встречается на плане Лондона во время правления королевы Елизаветы I: небольшой

прямоугольник, обнесенный кирпичной стеной — с юга его ограничивал Стрэнд, а к северу поля, луга, фруктовые сады и пашни простирались вплоть до холмов Хэмпстеда и Хайгейта.

В 1539 году во время Реформации Аббатство было вынуждено обменивать Ковент-Гарден и другие лакомые кусочки своих владений на удаленные от Лондона земли распушченного Генрихом VIII монастыря Херли, однако спорить с «помазанником Божиим», объявившим себя главой англиканской церкви было себе дороже. В 1552 году земли Ковент-Гардена и еще семь акров земли (Лонг Акр) в придачу были подарены сыном Генриха Эдуардом VI Джону Расселу — первому графу Бедфордскому. Что и говорить, это был поистине королевский подарок! Семья Рассел, впоследствии продвинутая в своем пэрстве из графов в герцоги Бедфордские, владела землей с 1552 по 1918 год.

Будни Ковент-Гардена

Первое, что сделал граф на подаренной земле — построил особняк на месте нынешней Саутгемптон-стрит, а к северу от Бедфорд Хаус, как стали именовать новую резиденцию, разбил сады. Сам особняк, правда, был деревянным, потому и просуществовал только до 1704 года. Кроме постройки городской резиденции и нескольких низкокачественных квартирных домов для сдачи, Расселы долгое время ничего не делали с землей — еще в 1580 году Елизавета I, опасаясь слишком бурного роста метрополии, издала прокламацию о запрете строительства каких-либо домов, кроме богатых особняков придворной элиты, в пределах трех миль от Сити. Все изменилось при 4-м графе Бедфордском, Френсисе Расселе, предприимчивом и успешном бизнесмене. За взнос в £2000 ему удалось получить от короля Карла I лицензию на строительство «сколько удобного количества домов на его земле, как он сам подумает, оценит и решит».

ГЕНИЙ ИНИГО ДЖОНСА

Первым делом он приказал снести старые убогие постройки и в 1630 году поручил знаменитому архитектору Иниго Джонсу спроектировать и построить церковь Святого Павла и три террасы красивых домов вокруг большой площади или пьядды. Галатея нашла своего Пигмалиона... Поля и трупобы превратились в элегантные особняки в палладианском стиле, а знаменитая Пьяцца с аркадами стала первой в Лондоне площадью по регулярному плану, построенной по образу и подобию площади в городе Ливорно в Тоскани. Само итальянское название — пьядца, по-видимому, сильно импонировало лондонцам — такое ощущение, что вместе с ним в город попадал кусочек солнечной и яркой Италии. Во всяком случае, именно это имя часто давали подкидышам, оставленным у дверей

резиденции епископа Даремского, так кстати расположенной рядом с площадью. Вряд ли Его Преосвященство был рад заслужить титул «Отца всей нации», однако лондонские метрики того времени действительно изобилуют такими именами, как Питер, Мэри или Пол Пьяцца.

В 1668 году вся территория площади была покрыта гравием и обнесена перилами, а в центре была возведена мраморная колонна с позолоченными солнечными часами наверху. Колонна просуществовала какой-то период и была излюбленным местом для престарелых матрон, которые собирались у ее подножия и торговали молоком, овсяной кашей и густым супчиком для «поддержания бодрости духа и тела» прохожих молодцев.

К сожалению, первоначальный план Иниго Джонса окружить площадь аркадой со всех сторон так и не был претворен в жизнь. Архитектурные критики XVIII века отмечали, что будь площадь Ковент-Гарден построена по точному замыслу архитектора, она была бы одной из самых красивых во вселенной.

Так кем же все-таки был наш Пигмалион, волшебник, сотворивший уникальные декорации «Ковент-Гардена»? И это не просто аллюзия или игра слов на тему театр — Иниго Джонс действительно занимался разработкой костюмов и декораций к придворным представлениям или «маскам» при дворе Якова I и его супруги Анны Датской! Его «послужной список» впечатляет — с 1605 по 1640 год Джонс осуществил сценографию более чем 500 театральных представлений.

А все началось с того, что молодой Иниго — сын лондонского плотника — пройдя обучение в Италии и влюбившись в классические манеры венецианца Андреа Палладио, снискал покровительство датского короля Кристиана IV. Некоторое время он работал у него при дворе, а затем служил придвор-

ным художником и архитектором сестры Кристиана — Анны Датской, которая впоследствии стала королевой Шотландии и Англии. Именно при ней еще при шотландском дворе начали привечать поэтов и музыкантов, организовывать зажигательные балы и маскарады, ставить спектакли — и Анна, и ее венценосный супруг Яков I обожали театр.

На долгие 28 лет становится Джонс главным придворным архитектором Якова I и Карла I. Именно в своем излюбленном классическом стиле Иниго строит для Анны Датской ее резиденцию в Гринвиче — Куинс Хаус — «Домик королевы», а после пожара в Уайтхольском дворце в 1619 году с энтузиазмом переключается на Дом Банкетов (*Banqueting House*). С него он планировал начать полную и грандиозную перестройку старого тюдоровского дворца в Уайтхолле, но увы — у сына Якова и Анны, печально известного Карла I, катастрофически не хватало средств на завершение проекта. И пока грандиозные планы перестройки Уайтхолла откладывались, Джонс работал над капеллой Сент-Джеймского дворца, а в свободное время занимался перепланировкой Ковент-Гардена и Сомерсет Хауса.

Известно, что в 1634—1642 годы Иниго работал и над проектом по расширению еще старого, готического собора Св. Павла, однако эти чертежи погибли во время Великого лондонского пожара. Тем не менее существует версия, что Кристофер Рен, будучи знаком с этой работой, вдохновлялся ей при строительстве ныне существующего храма.

Разразившаяся в Англии гражданская война оставила Джонса без работы. На какое-то время он даже попал в плен к сторонникам Парламента, и все его имущество было конфисковано. Однако судьба была милостива к палладианскому кудеснику — получив помилование, он принял приглашение графа Пемброка и приступил к перестройке его загородно-

го поместья Уилтон Хаус. Увы, но и здесь он не успел осуществить задуманное — на сей раз ему помешала смерть. 21 июня 1652 года Джонса не стало, а работы в Уилтон-хаусе пришлось завершать его самому авторитетному ученику — Джону Уэббу.

Элегантные дома по проекту Иниго Джонса привлекли богатых жильцов, которые, еще до Великого лондонского пожара,

Иниго Джонс

начали постепенно покидать Сити, перемещаясь в более престижный к тому времени Вест-Энд. Такие улицы, как Друри-лейн, Грейт и Литл Квин-стрит, Линкольнс Инн Филдс, застроенные очаровательными кирпичными особнячками, стали ассоциироваться с лондонской элитой и богемой. Примечательно, что такой привычный и знакомый нам кирпич стал использоваться в качестве строительного материала для жилых домов именно при Иниго Джонсе. До этого времени кирпич использовали, в основном, для каминных труб и лишь иногда для дворцов или монастырей.

Итак, элегантные и элитные декорации построены — на сцене «Ковент-Гардена» появляются блистательные леди и джентльмены. В начале XVIII века это самый настоящий арт-салон, мекка модных и знаменитых художников-портретистов. Лучшие красавицы королевского двора Карла II зачастили на Ковент-Гарден в студии сэра Питера Лели, сэра Годфри Кнеллера и Ричарда Вилсона.

В то время при дворе в особом почете были мастера-иностранцы — в Англии, в частности, работали Ганс Гольбейн Младший и Антонис Ван Дейк. В 1641 году в Лондон приезжает двадцатитрехлетний Питер ван дер Фаес, ученик мало кому известного гарлемского живописца Питера де Греббера. Молодой художник начинает свою работу с картин на религиозные и мифологические сюжеты под псевдонимом Питер Лели — его отец, brave пехотный капитан, был известен как Капитан де Лис или Лели. Семейное предание гласит, что это прозвище он получил потому, что родился в парфюмерном магазине прямо напротив таблички «ландыш». Вскоре Питер, подражая Ван Дейку, переходит к портретам и приобретает на этом поприще огромную популярность — он поистине виртуозен в написании деталей дамских туалетов, фактур различных материалов, мастерски изображает сверкающие драгоценности, роскошные меха и мраморные обнаженные плечи прелестниц. Пожалуй, самой знаменитой его работой является галерея портретов «Виндзорские красавицы», которые до сих пор экспонируются во дворце Хэмптон Корт.

В Ковент-Гардене Лели жил на углу Пьяццы — на территории его бывшего дома и студии сейчас находится отель Тависток. Уже после реставрации монархии на седьмом десятке лет, будучи придворным художником Карла II, Питер Лели был удостоен дворянского звания и титула «сэр» — так и вошел в историю британского искусства.

Еще один знаменитый житель Ковент-Гардена — немецкий живописец-портретист Готфрид Кнеллер, ученик Фердинанда Боля из Амстердама, несколько лет провел в Венеции, изучая там работы Тициана и Тинторетто.

Перебравшись в Лондон в 1674 году, Готфрид так и остался там до конца жизни — переняв эстафету у Лели, состоял в должности королевского придворного живопис-

ца и исполнял заказы английской знати, которые сыпались на него, как из рога изобилия. Угодить всем и каждому и уложиться в срок — задача не из легких. Кнеллер, который, по словам современников, был одним из самых тщеславных людей на земле, решал эту проблему поистине гениально: он работал чрезвычайно быстро и писал только одни головы на портретах — остальное дописывали его ученики и помощники. В благодарность за достойную службу король Георг I пожаловал Кнеллеру достоинство баронета — обращение «сэр» чрезвычайно льстило его высокохудожественному самолюбию.

Одна из известных работ Кнеллера — портрет Петра Великого, написанный им в Кенсингтонском дворце во время первого путешествия русского царя за границу и его визита в Англию в 1698 году и не раз воспроизведенный в гравюрах. Оригинал картины и по сей день украшает южную стену Галереи Королевы в Кенсингтонском дворце, а копия работы Белли — в Эрмитаже. Там же есть и подлинная работа Кнеллера — портрет философа Локка.

Что же касается знаменитого рынка Ковент-Гарден, то первая запись о его существовании появилась в 1654 году, когда рыночные торговцы поставили свои прилавки в южной части площади. В 1670 году граф Бедфордский получил частную грамоту от Карла II на фруктовый и овощной рынок, разрешавшую ему и его наследникам открывать рынок каждый день, кроме воскресенья и Рождества. Однако шумный рынок и приличное общество оказались несовместимы — аристократия начала покидать Ковент-Гарден, а ее место занимали кофейни, таверны и публичные дома.

К XVIII веку Ковент-Гарден и вовсе стал известен как квартал Красных фонарей — описания жриц любви с адресами предоставлялись в «Списке Гарриса Леди Ковент-Гардена» —

«обязательном путеводителе по удовольствиям и аксессуарам любого серьезного джентльмена».

В 1669 году владения Бедфордов значительно расширились за счет включения района Блумсбери, благодаря удачной женитьбе Уильяма Рассела на одной из дочерей 4-го графа Саутемптонского.

В 1830 году, чтобы упорядочить хаотично растущий рынок, герцог Бедфордский заказывает Чарльзу Фаулеру спроектировать и построить неоклассическое рыночное здание, которое и по сей день является сердцем Ковент-Гардена. Позднее строятся и другие — Цветочный Зал, Арендный Рынок и, наконец, в 1904 году Юбилейный Рынок — специально для иностранных цветов.

В 1913 году Хербранд Рассел, одиннадцатый герцог Бедфордский соглашается продать Ковент-Гарден за £2 миллиона члену Парламента и земельному спекулянту Маллаби-Дили, который, в свою очередь, перепродает свое право на выкуп. По злой иронии судьбы, прибыль от продажи Ковент-Гардена 11-й герцог Бедфордский вложил в российские инвестиции, за что вскоре и поплатился — в 1917 году все их бесследно поглотила большевистская революция.

К концу 60-х годов прошлого века автомобильные пробки, создаваемые грузовым транспортом в районе рынка, стали большой проблемой, и в 1974 году рынок переезжает на юго-восток Лондона в район Найн Элмс (Девять Вязов). После чего Ковент-Гарден переживает свое второе рождение — в 80-е годы Центральное здание рынка открывается вновь — на сей раз в качестве торгового центра и становится излюбленной туристической достопримечательностью с кафе, пабами, маленькими магазинчиками, ремесленным и антикварными рынками в Яблочном и Юбилейном Холлах.

Сэр Питер Лели. Две дамы из семейства Блейк, около 1650 г.

Жемчужиной площади, однако, является церковь Святого Павла — домовая церковь графов Бедфордских, которая стала была первым храмом, построенным в Лондоне после Реформации. В 1631 году Френсис Рассел поручает Иниго Джонсу разработать макет церкви, выходящей на площадь, но не превышающей по своей стоимости бюджетные рамки, которые изначально были весьма узкими. Популярная версия гласит, что заказчик, желая сэкономить и понимая всю сложность этой задачи, попросил Джонса построить на эти деньги что угодно, хоть подобие сарая. На что архитектор ответил ему так: «Сэр, в таком случае у вас будет самый элегантный сарай в мире!» Через два года церковь была закончена — архитектор уложился в £4000, но вот освящена она была значительно позже — лишь в 1638 году. Причиной послужило необычное расположения алтаря в западной части церкви, поскольку на площадь выходил восточный фасад, и Джонс хотел сделать центральный вход со стороны пьядцо. Священнослужителей

переубедить не удалось, и церковь пришлось развернуть в другую сторону. В 1645 году Ковент-Гарден стал отдельной приходской общиной, а церковь была посвящена апостолу Павлу.

К сожалению, первоначальная церковь выгорела от пожара в сентябре 1795 года, однако была восстановлена и переосвящена три года спустя. В ней захоронены такие известные люди, как поэт Самюэль Батлер, знаменитый королевский резчик по дереву и камню Гринлинг Гиббонс, чьи деревянные кружева способны трепетать от ветра, королевский портретист сэр Питер Лели, Томас Арн — автор гимна «Правь, Британия», и знаменитые актрисы Элен Тери и Эдит Эванс. Есть здесь и мемориалы Чарли Чаплину, Вивьен Ли, Ноэлю Кауарду, Борису Карлоффу, за что Сент Пол в народе именуют «актерской церковью».

Здесь же крестили великого Тернера и драматурга Гилберта, а в 2002 году венчались знаменитые музыканты Гвен Стефани и Гэвин Росдейл...

От колыбели до могилы — так и катится колесо человеческого бытия... Как сказал некогда Уолтер Рейли — «все мы актеры до последних поз, вот только умираем мы всерьез».

ТРАДИЦИИ ГУРМАНОВ — КЛУБ БИФШТЕКСА И ЛУЧШИЕ УСТРИЦЫ ОТ ТОМАСА РУЛА

Как известно, театральная богема всегда отличалась экстравагантностью. Одной из парочек театралов-оригинов были Джон Рич, управляющий театром «Роял» на Ковент-Гарден, и Джордж Ламберт, декоратор, которые в 1735 году основали необычный Beefsteak club — Клуб Бифштекса. Правда, справедливости ради надо отметить, что, по сути,

они переняли эстафету у самого первого Клуба Бифштекса, основанного тридцатью годами ранее актером Ричардом Эсткортом, который был популярен среди артистической богемы и политиков и просуществовал 12 лет. Бифштекс — быстро обжаренный кусок говяжьей вырезки, вошедший в моду в Англии в начале XVIII века, очень скоро стал популярным блюдом в аристократических кругах и воспринимался как символ патриотизма и виговской концепции свободы и процветания.

Бифштекс и только бифштекс был единственным пунктом в меню, а сами члены клуба, число которых первоначально ограничивалось 24, называли себя «стейками». При этом они эксцентрично настаивали на том, чтобы ко всем официантам и даже официанткам обращаться исключительно по имени Чарльз. Среди «стейков» были известные актеры, художники и писатели, включая Уильяма Хогарта, Сэмюэля Джонсона, Редьярда Киплинга и Дэвида Гаррика. Со временем клуб приобрел большую популярность и к артистической богеме добавились королевские особы, аристократия, государственные и военные деятели: в 1785 году в общество вступает принц Уэльский, чуть позднее его братья герцоги Кларенский и Сассекский.

Собрания клуба проходили каждую субботу в 5 часов вечера с ноября по июнь, причем присутствующие должны были быть одеты строго по протоколу: синий френч, темно-желтый жилет с медными пуговицами, на которых изображалась решетка со словами «Говядина и свобода». Сами бифштексы подавались на горячих оловянных тарелках с печеным картофелем и луком в качестве гарнира и запивались портвейном или темным крепким пивом портер. Единственным возможным вторым блюдом были тосты с сыром. После трапезы со стола убирали скатерть, повар собирал деньги, и остаток вечера

посвящался бурным развлечениям. Клуб мигрировал между театром «Ковент-Гарден», кофейней «Бедфорд» и помещением в театре «Лайсеум», в то время как ужины начинались все позднее и позднее, подстраиваясь под викторианский уклад жизни, — в 1866 году бифштексы появлялись на столе не раньше 8 вечера. При всем этом членами клуба могли быть только мужчины. Исключение было сделано только для одной женщины — знаменитой ирландской актрисы Пег Вoffингтон за «редкостное для женщины понимание жизни». Более того, Пег была еще и президентом Клуба Бифштекса в Дублине, основанного знаменитым драматургом Томасом Шериданом в театре «Роял» в 1749 году.

Со временем численность членов клуба неуклонно сокращалась, и к 1867 году в нем состояло всего 18 человек, при этом в среднем на еженедельных ужинах присутствовало от силы двое. В итоге клуб закрылся, а его ценное имущество было распродано на аукционе Кристи за сумму чуть более 600 фунтов. С тех пор было предпринято несколько попыток его реинкарнации — сэр Генри Ирвинг, например, продолжал традицию в стенах театра «Лайсеум» с 1878 года до самой своей смерти в 1905 году. После длительного перерыва клуб был возрожден в 1966 году — его первые встречи проходили в Ирландском клубе на Итон-сквер, затем на Ирвинг-стрит № 9 (где по сей день находится его штаб-квартира), а в наши дни — в частном помещении в Белгравии и, раз в году, в клубе Уайтс на Сент-Джеймс-стрит, где можно поужинать за подлинными столами клуба XIX века и хранится настоящее Кресло Президента — подарок королевы Елизаветы II в 1969 году. Среди членов современного клуба — несколько прямых потомков тех, кто запивал за этими столами свои бифштексы пивом и портвейном полтора века назад, от них по наследству перешла и желто-голубая униформа эпохи

Регентства. При этом члены клуба не только аппетитно едят в старинном духе, но еще и поют, и сочиняют песни — традиции продолжаютс!

Есть и еще одно эксклюзивное местечко в районе Ковент-Гарден, которое лондонские гиды регулярно демонстрируют любопытным туристам, утверждая, что именно здесь, в старейшем ресторане Лондона, они могут отведать шедевры британской кухни, включая дичь, пироги и пуддинги, а также одни из лучших устриц в столице.

А все начиналось с того, что в 1798 году некий Томас Рул, который по молодости не отличался целомудренным поведением, нашел-таки в себе силы распрощаться с бурным прошлым, остепениться и открыть Устричный Бар на Ковент-Гарден (впоследствии ресторан «Рулз»), который со временем стал привлекать клиентуру высокого полета — творческая интеллигенция, денди и острословы, сливки теат-

Ресторан «Рулз»

рального общества по достоинству оценили портер, пироги и устрицы от Rule's.

Завсегдатаями ресторана были Чарльз Диккенс, Уильям Теккерей, Джон Голсуорси и Герберт Уэллс. Джон Бетъеман, британский поэт-лауреат, описывал интерьер нижнего этажа ресторана как «уникальное и незаменимое место, часть литературного и театрального Лондона».

Не остались в стороне и звезды кинематографа — свою толику славы «Рулз» получил от Генри Ирвинга, Лоуренса Оливье и Чарли Чаплина.

На первом этаже ресторана у решетчатого окна был самый знаменитый в Лондоне столик для двоих — это было любимое место встреч принца Уэльского, в будущем короля Эдуарда VII, и красавицы-актрисы Лили Лэнгтри.

Удивительно и то, что более чем за 200 лет своей истории, ресторан сменил всего трех владельцев. Потомок основателя Чарльз Рул как раз накануне Второй мировой войны задумался о том, чтобы переехать в Париж. По чистой случайности он встречает некоего Тома Белла, британца, который, как оказалось, был владельцем парижского ресторана «Альгамбра» — джентльмены решили поменяться ресторанами, и вопрос о переезде был решен. В 1984 году дочь Томаса Белла продает ресторан Джону Мейхью — нынешнему владельцу.

«Рулз» и по сей день продолжает баловать отлично приготовленной традиционной британской едой своих клиентов, которые в последнее время весьма активно обсуждают недавно появившийся здесь портрет Маргарет Тэтчер, изображенной в величественной позе Британии на фоне Фолклендских островов. И, конечно же, гордится тем, что имеет собственные угодья и хозяйство в Верхних Пеннинах — экологически чистом горном районе, так что о качестве мяса и птицы в «Рулз» можно не беспокоиться.

АНГЕЛ С ПЛОЩАДИ ПИККАДИЛЛИ

Ты помнишь: вечер на мосту,
Цветные огоньки на Темзе.
И в синем небе звездный вензель,
И Лондонскую пустоту?
Ты помнишь горькую любовь,
Признания на Пикадилли?
Страстной испанской сегидилли
Томила вздернутая бровь.

*Глеб Струве. Стихи о Лондоне.
Берлинский альманах № 1, 1923*

Хотя традиции и сохраняются, но на вечном холсте времени стираются лица, меняется облик улиц и зданий — обновленный Лондон живет своей жизнью. Некогда тихий монастырский сад Ковент-Гарден — впоследствии шумный рынок и пристанище знаменитых куртизанок, сегодня это уличные музыканты, Музей транспорта, антикварный рынок, магазины и кафе — шумно, весело и ярко. Некогда ангел христианского милосердия на площади Пиккадилли — сегодня знаменитый Эрос — символ отнюдь не христианской, а плотской любви...

Пиккадилли — одна из главных и старейших улиц города. Невольно всплывает в памяти: «Я вышла на Пиккадилли...» — хрипловатый голос Вайкуле манит и завораживает. Что же там такого особенного скрыто за яркими неоновыми рекламными щитами, заключившими маленькую площадь в свое огненное кольцо? Когда-то здесь и площади-то не было — лишь перекресток оживленных магистралей, который со временем приобрел элегантный контур круга.

Свое название площадь получила от слова «picadill»: так в XVII веке назывались модные накрахмаленные воротнички с жесткими зубчатыми краями — некогда неотъемлемая деталь гардероба лондонских денди, выбравших этот фешенебельный район для ежедневных променадов — недаром самые знаменитые клубы Лондона расположены именно в этом месте. Неподдалеку располагалась и модная по тем временам мастерская портного, воротнички которого шли нарасхват у местных щеголей.

В центре площади — фонтан с фигурой знаменитого Эроса — место встречи влюбленных. Парадоксально, но задумывался он изначально отнюдь не как символ плотской любви, а как Ангел христианского милосердия. Фигура Ангела из свинца (в первом варианте — бронза, покрытая позолотой) скульптора Артура Гилберта должна была, по идее, увековечить память о филантропе и общественном деятеле Викторианской эпохи лорде Эшли Шафтсбери (в честь которого, кстати, названа и прилегающая улица театров — Шафтсбери авеню). Граф снискал всеобщую любовь, выступая за улучшение условий труда рабочих, сокращение рабочего дня, лично внес законопроект о запрещении женского и детского труда в шахтах.

По замыслу архитектора, ангел должен был парить над огромным фонтаном, струи которого образуют водяной купол и стекают в большую чашу у основания. Размер основания в данном случае был немаловажен — фонтан задумывался как питьевой. Именно это обстоятельство и стало камнем преткновения между скульптором, мемориальным комитетом и городским советом, которые требовали уменьшить размер основания фонтана, невзирая на возражения автора. Тщетно пытался Гилберт объяснить, что бедная публика будет мокнуть под струями, пытаясь испить водицы, и даже

отказался присутствовать на церемонии открытия памятника в знак протеста.

В конце концов именно так все и получилось — причем именно Гилберта совершенно безосновательно обвинили в этом в первую очередь. Более того, викторианская публика, поборница высокой морали, была шокирована при виде обнаженного ангела, символизирующего христианскую добродетель графа — в течение первых же двух недель после открытия памятника в июне 1893 народная молва окрестила скульптуру «Эросом». Репутация Артура Гилберта серьезно пострадала. Вдобавок ко всем злоключениям скульптор оказался на грани банкротства: бронза, из которой был изготовлен памятник, оказалась по стоимости гораздо выше, чем та сумма, на которую он рассчитывал.

На площади Пиккадилли

Неудивительно, что скульптор был вынужден покинуть родные пенаты с тяжелым сердцем — много лет спустя он признавался, что памятник графу Шафтсбери испортил ему всю жизнь. Однако слава все же нашла своего героя — прошло время, улеглись страсти по «Эросу» и ангел, который, по словам Гилберта, представлял собой «бескорыстную, слепую любовь, посылающую стрелу добра», стал настоящим символом Лондона. Скульптор же получил титул рыцаря из королевских рук за подаренный городу шедевр.

И все же Гилберт оставил после себя загадку: первыми на это обратили внимание лингвисты. А не является ли статуя остроумным каламбуром, связанным с именем Шафтсбери (Shaftsbury)? Если присмотреться к ангелу повнимательнее, то можно заметить — его лук наклонен вниз, и в нем нет стрелы. Значит ли это, что стрела (arrow или shaft) была выпущена из лука вниз и лежит где-то в земле (buried in the ground)? Имел ли это в виду Гилберт или уж так оно само получилось — мы никогда не узнаем наверняка...

А маленький ангел все так же парит над площадью, зажатой в кольце машин, красных двухэтажных автобусов, вечно спешащих прохожих, залитой искусственным неоновым светом по ночам, и, может быть, только в самые ранние часы утра, когда в очередной раз схлынет людская толпа и первые лучи солнца начнут пробиваться сквозь каменные джунгли, он остается наедине со своим Лондоном — город-великан и маленький ангел, соединяющий сердца, который исправно служит своему Городу вот уже более века...

ЛОНДОН ДЕНДИ И ЭКСЦЕНТРИКОВ

«Человек, который может овладеть разговором за лондонским обедом, может овладеть всем миром. Будущее принадлежит денди».

Оскар Уайльд

ГЕНИАЛЬНАЯ ИДЕЯ ДЖОРДЖА КАВЕНДИША

В более чем сорокатысячной армии лондонских магазинов и торговых центров старинные торговые аркады Пиккадилли — оплот традиций и экстравагантности — стоят особняком. И, пожалуй, самая интересная из них — аркада Берлингтон, прильнувшая к стене знаменитого особняка Берлингтон Хаус. Этот дом был одним из первых среди громадных и величественных частных резиденций, позднее прописавшихся на северной стороне улицы Пиккадилли — тогда еще далеко не центральной и весьма скромной. Постройку особняка начал его первый владелец — поэт и придворный англо-ирландского происхождения Джон Денхем, возможно, он же и был архитектором своего жилища по совместительству. Положение Джона при дворе было довольно значительным — недаром свой последний приют он нашел в Вестминстерском аббатстве. Однако недостроенный дом вскоре нашел нового владельца — он был продан в 1667 году Ричарду Бойлу, 1-му графу Берлингтону, в честь которого и получил свое название. Берлингтон привлекал к строительству архитектора Хьюго Мэя, который и завершил постройку особняка.

В 1704 году дом переходит к десятилетнему Ричарду Бойлу, 3-му графу Берлингтону, который тоже серьезно увлекался архитектурой. Юный граф, особенно после нескольких визитов в Италию, становится яростным поклонником и адептом палладианского стиля — и вот уже на старом фундаменте архитектор Колин Кэмпбелл возводит палладианское чудо, а Вильям Кент создает роскошные интерьеры. После смерти Берлингтона в 1753 году домом завладели герцоги Девонширские, которые к тому моменту уже владели другим величественным особняком все на той же Пиккадилли.

В 1815 году младший сын 4-го герцога Девонширского лорд Джордж Кавендиш, влюбившись в особняк, выкупает его у своего племянника, искренне радуясь своей покупке. И вот тут-то его поджидал сюрприз — однажды, отдыхая в живописном саду у дома, лорд был весьма шокирован, когда на голову ему приземлилась устричная раковина. Дальше — больше: через забор, отделявший особняк от улицы, в сад периодически летели яблочные огрызки, пустые бутылки и даже дохлые коты. Не выдержав испытаний таким регулярным «артобстрелом», Кавендиш нашел гениальное решение проблемы: он решил построить перед домом «торговые ряды для всяких скобяных товаров, одежды и предметов, не оскорбляющих зрения и обоняния», а заодно и обеспечить рабочие места для «трудоспособного женского населения».

Крытая улица-галерея — ныне знаменитая Торговая аркада Берлингтона — была построена по заказу Кавендиша архитектором Сэмюэлом Уэйром в 1819 году. Правда, за почти два века существования торговый пассаж претерпел некоторые изменения: в 1906 году был надстроен второй этаж над магазинами, а вместо импозантного трехарочного входа в 1931 году возвели новый. Зато, нырнув в «китовую

пасть» аркады Берлингтона, и сегодня можно раствориться в ее сокровищах и ароматах — антикварные драгоценности от Мэтью Фостер, жемчужные кольца от Миллеперл, часы от Дэвида Даггана и перчатки Сермонета. А классика жанра — парфюмерный торговый дом «Пенхалигон» с его традиционными английскими ароматами: колокольчик, викторианская фиалка или бодрящий экстракт лайма.

Викторианскую тему продолжает паренек, который с блеском почистит вашу обувь со всеми надлежащими ваксами и кремами. И, словно вышедшие прямо из XIX века, привратники в ливреях (из здесь называют *beadles*), которые и по сей день поддерживают некогда заведенный здесь порядок: в аркаде не разрешается бегать, петь, играть на музыкальных инструментах, свистеть и даже открывать зонтики. Правда, некоторые правила все же были упразднены — коммерческие интересы превыше всего! Так, в наше время женщинам дозволяется появляться в аркаде без сопровождения мужчины,

Берлингтон Хаус в 1863 г.

можно заходить сюда и с детскими колясками и даже большими пакетами!

Что же касается самого особняка, то в 1854 году Берлингтон Хаус был продан Британскому правительству за 140 000 фунтов стерлингов. Причем первоначально планировалось снести уникальное здание и отдать это место под территорию Лондонского университета. К счастью, оппозиция отстояла особняк, и в 1867 году основной корпус был передан Королевской академии искусств в аренду на 999 лет с ежегодной выплатой 1 фунта стерлинга в качестве арендной платы.

Внутренний двор Берлингтон Хауса можно свободно посетить в течение дня. Два крыла, пристроенных к особняку в XIX веке, где проходят временные экспозиции, большого архитектурного интереса не представляют, чего нельзя сказать о парадных комнатах основного блока, реставрация которых завершилась в 2004 году. Здесь же находятся и основные шедевры постоянной коллекции Академии искусств. Восточное, западное и крыло Пиккадилли закрыты для посещения — их и по сей день занимают различные научные общества.

ДЖЕНТЛЬМЕН В ГОЛУБОМ ФРАКЕ

Как денди лондонский одет...

В 2002 году на углу аркады Пиккадилли и улицы Джермин-стрит (Jermyn Street) прописался новый жилец — знаменитый английский денди XVIII века Джордж Брайан Браммел, статуя работы скульптора Ирены Седлецки. «Красавчик Браммел» — как называли его современники — был героем пьес и оперетт, афоризмов и карикатур, о нем писали Бальзак, Конан Дойл и Байрон. Впрочем, и всем нам он известен

со школьной скамьи благодаря знаменитому пушкинскому «как денди лондонский одет»...

Выпускник Итона и Оксфорда, щеголь и фат, обладатель безупречного вкуса, законодатель мод, звезда светских салонов, наконец, друг принца-регента, будущего короля Георга IV — Браммел, помимо умения лихо спускать отцовское наследство, внес свою немалую лепту в историю мужской моды XVIII века. Даже современным деловым черным костюмом с галстуком, по большому счету, мы обязаны именно ему.

Конечно же, им восхищались, его костюмам и манерам подражали, а харизма была настолько сильной, что даже лорд Байрон однажды заметил, что скорее предпочел бы родиться Браммелом, нежели Наполеоном. Его безупречный вкус, вероятно, был врожденным, а искусством вести витиеватые светские беседы Браммел овладел еще в детстве — в доме его отца, первого шерифа Беркшира, собирались известные политики, драматурги и ораторы.

В 1794 году Браммел покинул Оксфорд и был зачислен корнетом в 10-й гусарский полк, которым командовал принц Уэльский, будущий король Георг IV, мнивший себя эталоном манер и изящества, скупавший тоннами косметику и духи и выбрасывающий колоссальные суммы на свои экстравагантные и эпатажные наряды — на одни только шюртуки уходило до 10 тысяч фунтов в год.

32-летнему, порядком обрюзгшему от непомерных возлияний принцу представили Браммела, которому тогда исполнилось всего шестнадцать, — находчивый и дерзкий, ослепительно юный, но в то же время мудрый не по годам и почтительный, Браммел сразил Принни. Как писал один из биографов Браммела: «Принц, со своей лимфатической и застывшей красотой, которую он старался одушевить нарядной одеждой, оживить огненной игрой алмазов, имея душу столь

же золотушную, как и тело, но храня, однако, природную грацию, эту последнюю добродетель придворных, признал в Браммеле часть самого себя, ту часть, которая оставалась доброй и светлой».

Принц вводит Браммела в лондонские салоны, где он сразу чувствует себя звездой на сцене, освещенной софитами, в ярких лучах которых выгодно высвечиваются все изыски в его одежде, — мало того, что в ней нет ничего случайного, но и каждая деталь — сама по себе произведение искусства.

Памятник Джорджу Брайану Браммелу

Однажды он поразил общество, появившись в перчатках, облегающих руки так, что были видны очертания ногтей. Оказалось, что над ними колдовали четыре художника: три специалиста по кисти руки и один — по большому пальцу. Сам же он, по словам его биографов, «был ни красив, ни дурен, но было во всем его существе выражение утонченности и сосредоточенной иронии, а в глазах — невероятная проницательность».

Что касается его военной карьеры, то и здесь трудно было желать лучшего. И хотя нельзя сказать, что это была природная стезя Браммела, очарованный принц делает все, чтобы она стремительно развивалась — через три года он уже капитан от кавалерии. Однако, узнав о том, что полк решено перевести в Манчестер, Браммел подает в отставку — денди вне Лондона — что может быть абсурднее?

Балы, приемы, светские рауты, любимец поэтов и карикатуристов — его образ проступает и в байроновском «Дон-Жуане», и в пушкинском — «как денди лондонский одет».

Где и когда он потерял свое природное чутье и благообразие, что позволил собственной славе ослепить самого себя? Слишком уверился в собственной незаменимости, что позволил себе несколько насмешливых выражений в адрес самого принца — расплывающимся с годами в нечто бесформенное, но все еще мнящего себя первым красавцем и щеголем, за что и получил насмешливое прозвище — Prince of Whales — Принц Китов. Стареющий, обидчивый и мстительный, Принни не стерпел насмешек от своего протеже и решил наказать, отдалив от себя.

Размолвка с принцем, к несчастью, совпадает с финансовыми затруднениями — сказалась любовь к роскошной жизни. Но главная проблема была в другом — Браммел был азартным игроком в карты, играл много и страстно, проигры-

вал бешено. И вот уже осминожки щупальца кредиторов тянутся к его безукоризненно сшитому голубому фракку.

Он мог бы обратиться за помощью к принцу, но это значило бы опустить себя в глазах общества, которое жадно следило за поединком двух самолюбий. Браммел обратился к ростовщикам и проиграл. Причем проиграл, прежде всего, самого себя. В нем появился цинизм, высокомерие, ему впервые стал изменять безупречный вкус. Неумолимый итог — долговая тюрьма в 1835 году, откуда он, к счастью, был выкуплен друзьями.

Звезда стремительно блекнет, и Браммел не стал дожидаться развязки. 18 мая он навсегда покидает Англию: имущество идет с молотка, и пути к отступлению отрезаны.

Кале, Париж, ломаный французский, не позволявший блистать светским остроумием. Высокомерие тоже не идет на пользу — светская элита Франции не пала жертвой обаяния стареющего поблекшего денди, а новых знакомых он откровенно стыдился.

Однажды местный буржуа, накануне пригласивший Браммела на обед, приветствовал его, идущего с кем-то из знакомых по улице. Браммел невозмутимо обратился к собеседнику: «Кто это с вами поздоровался?»

Увы, блеск ума и бриллиантов сменился лихорадочным блеском в безумных глазах — после нескольких апоплексических ударов он медленно угасал в психиатрической больнице — нищий и умалишенный. Иногда вдруг возбуждался — приказывал прислуге убрать комнаты по-праздничному, надевал свой голубой фрак с золотыми пуговицами, пикейный жилет, черные обтягивающие панталоны — так и застывал во всем этом облачении в ожидании призрачных гостей. Чудилось, что дверь распахнется, и они войдут к нему — принц Уэльский и другие именитые светские львы. Он суетился,

судорожно приветствовал, громко выкрикивая их имена, беседовал с ними часами. Когда же разум возвращался, то падал в кресло и заливался слезами. И, быть может, был бы не столь безутешен, если бы знал, что ему еще доведется красоваться на самой ностальгической джентльменской улице Лондона — излюбленного города денди и эксцентриков.

Что и говорить, кого только великий город не повидал на своем долгом — размахом в два тысячелетия — веку. Кто-то мнил себя великим изобретателем или чародеем, кто-то предпочитал путешествовать во времени, а кто-то, как барон Ротшильд, катил по Лондону на своей коляске, запряженной парочкой экзотических зебр.

СКРУДЖ ИЗ САУТВОРКА

Воистину, Лондон — город парадоксов... Чтобы убедиться в этом, давайте прогуляемся по южному берегу Темзы, где расположен район Саутворк — удивительное переплетение эпох, легенд и преданий. Римский Саутворк с его артефактами, Лондонский мост, предшественник которого был продан американскому миллионеру, рынок разносолов «Бороу» с клубничным пивом и страусятиной, тюрьма Клинк и «Золотая лань» Френсиса Дрейка, галерея Тейт-модерн в кирпичном здании бывшей электростанции и шекспировский театр «Глобус» в реинкарнации XX века. Добавим к этому мост Миллениум, устремленный в будущее, и, как во времена Чосера, шумные компании в оживленных тавернах, которыми просто усеяна вся набережная. Но самое главное и самое старинное здание здесь — это собор Саутворк, в истории которого тоже не обошлось без парадоксов.

Предполагают, что первоначально на этом месте была церковь, построенная святым Свитином, епископом Вин-

честерским, примерно в 852 году нашей эры. Старинная деревянная церковь несколько раз страдала от пожаров, пока, наконец, не была перестроена в камне.

В Средние века церковь была частью прихода Святой Марии Овери (St. Mary Overie), что означает «за рекой» или «на реке», который управлялся монахами-августинцами. Давным-давно, еще до строительства Лондонского моста, попасть на этот берег Темзы можно было только с помощью парома, потому, как гласит легенда, паромщик Джон Овери смог на этом заработать приличные деньги и приобрести обширное поместье на южном берегу реки. Но чем больше копилось денег, тем скареднее становился паромщик — однажды он решил симитировать собственную смерть, чтобы сэкономить на дневной провизии для слуг и домочадцев, наивно полагая, что они будут поститься, скорбя по усопшему, однако жестоко просчитался. Известие

Собор Саутворк

о смерти жадного хозяина вызвало такую радость у его слуг, что они немедленно принялись праздновать это событие, устроив небывалый пир рядом с якобы усопшим хозяином и веселясь от всего сердца. В разгар пирушки Джон не выдержал и в гневе выпрыгнул из кровати к ужасу собственных слуг — один из них решил, что это сам дьявол явился с того света в теле усопшего и, взяв весло, со всего размаху ударил Джона по голове, проломив ему череп. Мэри, дочь паромщика, узнав о реальной смерти отца, послала за своим возлюбленным, надеясь на его помощь, однако тот так спешил заявить претензии на ее наследство, что упал с лошади во время бешеной скачки и сломал шею. Потрясенная человеческой жадностью, девушка передала все свое богатство на строительство монастыря, где и провела всю свою последующую жизнь в молитвах и служении Богу.

После разорения монастырей Генрихом VIII монастырская церковь стала приходской церковью Христа-Спасителя. В 1905 году церковь стала собором Саутворка. По иронии судьбы, у стен именно этого собора, призванного воплощать собой победу над человеческой корыстью и скупостью, покоится один из самых знаменитых скряг Лондона Джон Элвз, урожденный Меггот — прообраз знаменитого Скруджа из «Рождественской истории» Чарльза Диккенса.

Джон появился на свет в Саутворке 7 апреля 1714 года в обеспеченной и уважаемой английской семье — его отец, Роберт Меггот, был пивоваром, а дед, сэр Джордж Меггот, членом Парламента от округа Саутворк. Скарედность досталась ему в наследство по материнской линии — его бабушка леди Изабелла Хервей отличалась феноменальной скупостью, а матушка Эми, унаследовав

после смерти мужа 100 000 фунтов стерлингов (примерно 8 миллионов в наши дни), так боялась их растратить, что фактически уморила себя голодом и скончалась. Так Джон остался сиротой в возрасте четырех лет и унаследовал деньги отца и семейные поместья в Беркишире. Получив хорошее образование в Вестминстерской школе, он отправился в Женеvu изучать мастерство верховой езды и прослыл щеголем и лучшим наездником в Европе.

За неимением отца, Джон привязался к дядюшке, феноменальному скряге, и частенько навещал старика, каждый раз перед визитом к нему облачаясь в какое-нибудь старье, чтобы не вызвать его негодования. Так и коротали они вечера за камином, в котором вяло потрескивало одно хилое поленище, в полной темноте, чтобы не тратиться на свечи, за одним стаканом вина на двоих, обсуждая излишества, которые себе позволяют остальные. После смерти дядюшки Элвз унаследовал не только его поместье и состояние, но и семейный вирус скупердяйства: вдруг перестал прилично одеваться — годами мог ходить в поношенной и протертой до дыр одежде, не гнушаясь носить парик, брошенный в канаву каким-то нищим. Мог пройти из одного конца Лондона в другой пешком под проливным дождем, лишь бы не потратить шесть пенсов на извозчика, и при этом не позволял себе разжечь огонь в камине, чтобы хотя бы просушить мокрую одежду. Если ему все же приходилось выезжать из Лондона на пару дней, Джон непременно брал с собой пару яиц, чтобы не тратиться на еду в трактирах, а спал прямо под открытым небом. Что касается гастрономических пристрастий, то здесь Джону не было равных — ел

протухшее и прогорклое, с плесенью и всяческой живностью в придачу, однажды полакомился выпью, которую крыса вытащила из реки. При этом, конечно же, не доверял никаким врачам, считая, что их главная задача — выудить из пациента как можно больше денег. Однажды он порезал обе ноги, возвращаясь домой в полной темноте, при этом аптекарю позволил лечить только одну, заключив пари: если оставшаяся без лечения нога заживет быстрее, то аптекарь должен будет отказаться от денег. Удивительно, но пари он выиграл — нелеченная рана затянулась чуть ли не на две недели раньше.

Единственной роскошью, которую Элвз, заядлый охотник, мог себе позволить, была парочка отличных борзых для охоты на лис. Рассказывают, как однажды он охотился со знакомым, который был отчаянно плохим стрелком — стреляя через ветки, попал в щеку Джона, на что тот отреагировал весьма своеобразно: «Дорогой сэр, я поздравляю вас, — сказал он горе-охотнику, — вы определенно делаете успехи».

В 1772 году Элвз был избран в Парламент, где честно прослужил три срока, при этом во время заседаний, на которые он ходил в одном и том же пиджаке, он садился то с одной, то с другой партией, в зависимости от настроения. Выйдя в отставку, Джон честно посвятил себя скупердьяйству — несмотря на то, что он владел несколькими особняками в городе и за городом, не позволяя себе потратить ни пенни, чтобы привести их в божеский вид — в домах редко топили, а в окнах зачастую не было стекол. Однажды близкий родственник Элвза ночевал в одном из его домов и проснулся ночью от того, что на голову капала дождевая

вода — крыша нещадно протекала. Тицетно пытаюсь найти колокольчик для слуг, бедняга был вынужден полночи двигать свою кровать, чтобы остаться сухим. Утром, услышав эту историю, хозяин лишь недоуменно пожал плечами: «Какая ерунда! Я не обращаю на это внимание — всегда найдется хоть какой-нибудь сухой уголок». И даже в самые холодные дни зимы Элвз трапезничал, не разводя огня в камине, частенько со своими слугами на кухне, утверждая, что «поглощение пищи — сам по себе разогревающий физический процесс».

Как истинный эксцентрик, он был гением парадоксов: утверждал, что птицы обирают его, унося солому, чтобы построить свои гнезда, и при всем этом мог просидеть целую ночь в элитном клубе, проигрывая тысячи, с самыми известными и блестящими людьми своего времени, в роскошных комнатах, на позолоченных диванах, с услужливыми официантами, готовыми бежать по первому зову. А потом выйти в серую мглистость зябкого утра, чтобы лично погнать свой скот на рынок, либо стоять под промозглым дождем и торговаться за какой-нибудь шиллинг. В то же время мог ссудить приличную сумму денег коллегам, забывая возвращать свои долги, ибо искренне считал, что ни при каких обстоятельствах неприлично напоминать джентльмену про деньги, чем, безусловно, многие и пользовались.

Ближе к концу жизни Элвз стал суетливым и беспокойным — прятал деньги в разных местах, постоянно перепроверял свои тайники, чтобы убедиться, что с ними все в порядке, начал страдать от галлюцинаций. Ночью можно было слышать, как он кричал

невидимым грабителям: «Оставьте мои деньги, не грабьте меня! Только не грабьте меня!»

Была у него и еще одна странная привычка — он мог лечь спать прямо в одежде. Однажды утром его так и нашли в кровати — в поношенных ботинках, порванной шляпе и с тросточкой в руке. Семейный доктор, за которым сразу же послали, глядя на умирающего

Джон Элвз — прототип Скруджа в «Рождественской истории» Диккенса

семидесятипятилетнего Элвза вынес свой вердикт: «Этот человек, здоровый от природы, с его умеренностью в еде и отсутствием вредных пристрастий, мог бы прожить еще как минимум двадцать лет, если бы не постоянное беспокойство о деньгах». И даже его адвокат, который составлял завещание на 800 тысяч фунтов стерлингов, был вынужден сидеть у постели Элвза и писать при тусклых отблесках огня в камине — Элвз не мог допустить расходов на свечу и в самый последний свой час. Так и ушел в мир иной, верный своим принципам и причудам, 28 ноября 1789 года.

При том, что он никогда не был женат, Элвз все же имел двоих внебрачных сыновей, Джорджа и Джона, которым он, однако, не дал никакого образования, ибо верил в то, что «вкладывать что-либо в головы

людей — это верный способ вынимать деньги из их карманов». Тем не менее именно сыновьи карманы Элвз и наполнил — прожив практически всю свою жизнь на один фунт 50 пенсов в год, он оставил сыновьям половину миллиона в наследство. Остальное было отписано его племяннику.

Его друг и биограф мистер Тофам так писал про знаменитого эксцентрика: «В своей частной жизни Элвз был врагом по отношению к самому себе. Что касается окружающих — он был безупречен. Другим одалживал много, себе — отказывал во всем. Если не принимать во внимание его патологической привязанности к деньгам, я не могу вспомнить ни одного недоброго или бесчестного поступка, который он когда-либо совершил».

Недаром Самуил Маршак был особенного мнения о местных жителях: «Люблю англичан — каждый третий из них чудак». Да что там говорить, если даже сам Лондон — эксцентрик по своей сути! Город из двух городов, двуглавый орел, яйцо с двумя желтками — как только не величали лондонский дуэт Сити и Вестминстера. В каком еще городе есть сразу два мэра, а также древние традиции и обычаи в каждой из его частей, свято соблюдаемые? Например, согласно древнему закону, который определяет дорогу как шоссе без каких-либо жилых домов по сторонам, в Сити ни одна дорога до сих пор не может быть названа дорогой — все они либо улицы, либо аллеи и проспекты. А улица Стрэнд в Вестминстере выделяется тем, что до сих пор не приняла универсальную систему нумерации домов — четные с одной стороны, нечетные — с другой. На Стрэнде же дома пронумерованы один за другим вверх по одной стороне улицы и вниз по другой — и ведь

тоже логично! Мало того, Стрэнд — еще и единственная во всей Великобритании улица, где разрешено движение по правой стороне.

ТАЙНЫ ОТЕЛЯ «САВОЙ»

Неудивительно, что и знаменитый отель «Савой», который стоит на этой неординарной улице, вот уже второй век приращивает богатых и экстравагантных чудаков и эксцентриков.

Крестным отцом отеля можно смело считать оперного и театрального импресарио Ричарда Д'Ойли-Карта, построившего его на доходы от комических опер драматурга Уильяма Гильберта и композитора Артура Салливана, которые он с большим успехом ставил в своем театре «Савой», построенном 8 годами ранее. Свое название и театр, и отель получили от средневекового Дворца Савой, возведенного по приказу друга Генриха III графа Петра Савойского в 1264 году. Говорят, что внутренний двор перед нынешним отелем повторяет очертания бывшего дворца.

Отель открылся 6 августа 1889 года и был первым звеном в дорогой цепочке отелей и ресторанов группы «Савой». Своих богатых и знаменитых клиентов «Савой» баловал такими роскошествами, как электрическое освещение, лифты, ванные комнаты с горячей и холодной водой в изысканно обставленных номерах.

В 1892 году французский шеф-повар отеля Август Эскофье изобрел здесь знаменитый десерт *Peach Melba* (Персик Мельба) для австралийской оперной дивы Нелли Мельба. Заезжая звезда блистала в опере Вагнера «Лоэнгрин» в «Ковент-Гардене», а герцог Орлеанский давал в «Савое» званый обед в честь ее триумфального выступления. Тут-то Эскофье и подал изумленным гостям ледяную скульптуру лебедя, фигури-

ровавшего в опере, а на ней — нежные персики под сахарной ватой на подложке из ванильного мороженого.

Уинстон Черчилль, признанный знаток и ценитель хорошей кухни, частенько приглашал своих коллег в «Савой» на ланч. Кулинарные изыски дополнялись теплой атмосферой и музыкальными удовольствиями — перед гостями выступали Гершвин, Синатра, Лена Хорн и Нозль Кауэрд. Поистине, «Савой» служил изысканной оправой для таких бриллиантов, как Энрико Карузо, Чарли Чаплин, Джуди Гарленд, Гарри

Мэрилин Монро и Лоуренс Оливье в отеле «Савой» в 1956 г.

Трумэн, Лоуренс Оливье, Мэрилин Монро, Элизабет Тейлор, Барбара Стрейзанд, Боб Дилан и легендарные «Битлз». И это далеко не полный список звездных гостей отеля, отмеченного и королевской благосклонностью — его постояльцем являлся сын королевы Виктории, гурман и любитель красивых женщин Эдуард VII. Художники Клод Моне и Джеймс Уистлер любили останавливаться в отеле и писать виды Темзы из окон своих номеров.

Звездно, роскошно и благопристойно... Как полагается, не обошлось и без щепотки скандала — «Савой» фигурировал в судебных материалах по делу Оскара Уайльда, который встречался со своим молодым сердечным другом Бози — лордом Альфредом Дугласом в номерах отеля.

Тем не менее главный принцип «Савоя» и по сей день остается прежним — мириться со всем, если гость — важная, богатая или знаменитая персона. Были в истории отеля постояльцы с ручными крокодильчиками, мартышками и попугаями. Было дело, великий скрипач Яша Хайфец брал уроки игры на волынке на крыше отеля. Персонал и бровью не повел.

Любят здесь рассказывать и о том, как два американских постояльца, по-видимому, заядлых рыбака, на полном серьезе поспорили, возможно ли забросить нахлыстовую мушку с крыши отеля так, чтобы она пролетела над садами и оживленной Набережной и все-таки попала в Темзу. Со своим вопросом разгоряченные спорщики отправились в контору Hardy Brothers, изготовителей рыболовных спиннингов, а те, в свою очередь, обратились за помощью к известному рыбаку и писателю Эсмонду Друри, который согласился провести эксперимент при условии, что его крепко привяжут к каминной трубе на крыше отеля. Ранним воскресным утром при помощи полицейского, который перекрыл на время все

движение на Набережной, Эсмонд умудрился проделать все эти хитроумные манипуляции со спиннингом и доказал, что это было возможным — спор был разрешен.

ЗНАМЕНИТЫЙ КОТ ОТЕЛЯ «САВОЙ»

Любой каприз за ваши деньги — таков принцип работы отеля. Главное, чтобы клиент был доволен, а если за столом вдруг собралось целых тринадцать клиентов? Число тринадцать издревле имеет плохую славу — на многих лондонских улицах нет домов под тринадцатым номером — в число таких улиц входят Флит-стрит, Парк-лейн, Оксфорд-стрит, Прейд-стрит, Сент-Джеймс-стрит, Хеймаркет и Гроувенор-стрит.

Тем более плохая примета, если за столом собирается тринадцать человек — тому, кто первый встанет из-за такого стола, грозит несчастье. Что подтверждает цитата из книги Людвиг Бемельманса «Мадлен в Лондоне», опубликованной в 1961 году: «В конце концов, — вздохнула Мадлен, — мы же можем усесться и так, чтобы нас не оказалось тринадцать за столом».

Вот тогда на помощь приходит знаменитый кот отеля «Савой» по имени Каспар — из черного дерева, высотой в три фута — дело рук скульптора Базиля Ионидиса. Каспар официально приписан к отелю, где выполняет почетную миссию: если вдруг за столом во время официального обеда собирается тринадцать человек, официант выносит Каспара и сажает в качестве четырнадцатого гостя — причем коту повязывают салфетку на шею и ставят все блюда по очереди.

Легенда отеля «Савой» гласит, что однажды в далеком 1898 году хозяин одной из вечеринок был застрелен насмерть после того, как за ужином за его столом собралось тринадцать человек, после чего таких несчастливых совпадений начали

целенаправленно избегать. Поначалу к числу гостей присоединялся кто-либо из персонала, но как только появился Каспар, он стал гораздо более привлекательной альтернативой в качестве четырнадцатого гостя для посетителей отеля: во-первых, деревянный кот не ест дорогие кушанья, во-вторых, он не будет сплетничать о том, что услышал за столом.

Что же касается распространенного в России предубеждения к черным котам, в Лондоне отношение к ним прямо противоположное: здесь, как и повсеместно в Британии, считают, что черный кот приносит удачу. Зато, как и в России, в старину здесь существовало поверье о том, что при вселении в новый дом первой следует запустить кошку. Сообщалось также и о «кошачьих захоронениях» в стенах некоторых домов, видимо, в качестве жертвоприношения при строительстве.

В ГОСТЯХ У РИТЦЕВ

Конкуренцию экставагантному отелю «Савой» может составить разве что роскошный и импозантный «Ритц» на Пиккадилли, который Ноэль Кауэд обессмертил в своей песне «Дети Ритца».

Построенный на месте бывшего постоялого двора The Old White Horse Cellar (Погреб Старой Белой Лошади), он и по сей день украшает собой улицу Пиккадилли. Средоточие роскоши и элегантности, с интерьерами в стиле французских шато Людовика XVI, за свою долгую историю «Ритц» повидал немало знаменитых и экстравагантных постояльцев. В его роскошном ресторане, потолок которого пришлось укреплять дополнительно, чтобы он не рухнул под тяжестью десятков хрустальных люстр, ужинали британский король Эдуард VII, испанский король Альфонсо, королева Амелия Португаль-

ская, Ага Хан и Пол Гетти. Русская прима-балерина Анна Павлова танцевала здесь, а Чарли Чаплина во время его пребывания в «Ритце» сопровождало сорок полицейских, чтобы он смог пробраться сквозь толпу фанатов. Американская актриса Таллула Бэнкхед, звезда пятидесятых, отличилась тем, что пила здесь шампанское из своей туфельки во время одной из пресс-конференций, а во время Второй мировой войны номер-люкс «Мария Антуанетта» послужил местом для проведения саммита, на котором присутствовали Черчилль, Шарль де Голль и Эйзенхауэр.

Совсем недавно, 8 апреля 2013 года, в одном из номеров отеля скончалась баронесса Маргарет Тэтчер — самый знаменитый премьер-министр Британии со времен Черчилля. После перенесенной операции пожилая леди стала очень слаба и последние месяцы своей жизни решила провести не дома, а в отеле, где за ней трогательно ухаживал персонал «Ритца». Эдриан Барклай, чья семья владеет отелем, заявил, что для «Ритца» было большой честью сыграть хотя бы небольшую роль в жизни этой удивительной женщины — единственной за всю историю Британии, занимавшей пост премьер-министра на протяжении целых 20 лет. Когда Маргарет провожали в последний путь, заставили замолчать даже знаменитый Биг-Бен — в последний раз такой чести был удостоен Уинстон Черчилль в 1965 году.

Железная Леди обладала уникальным качеством — имела свое, весьма четкое мнение обо всем и о каждом. Ее высказывания — порой резкие, как отточенный клинок — всегда точно достигали своей цели. Дочь владельца бакалейной лавки из Грэнтхэма, ставшая баронессой, Маргарет так определяла для себя, что значит быть настоящей леди: «Быть могущественной — это как быть настоящей леди. Если вам приходится напоминать людям, что вы ею являетесь, то вы ею

не являетесь точно». По поводу же мужчин она высказалась безапелляционно: «Все мужчины слабые, но слабее всех — джентльмены». А, быть может, их слабость — это просто позерство, игра? Как умело подчеркивал свою изнеженность знаменитый Оскар Уайльд, превращая ее в эффектную само-рекламу, когда на вопрос одной из поклонниц, почему он выглядит столь утомленным, отвечал, что безумно устал, поливая цветов. И тем не менее решительно сделал свой последний шаг навстречу трагическому концу, хотя мог бы избежать и позорного суда, и последующего заключения. И пусть Уайльда неоднократно обвиняли в том, что он позволил своим страстям взять над собой верх и предал главное, чем дорожил, — Искусство, нам остались его гениальные пьесы и мелодичные стихи, его юмор и бессмертные афоризмы, его Лондон — Олимп и Голгофа, чей образ он навеки запечатлел в своих строках. Его классический образ лондонского денди и строчки из путеводителей: здесь он жил, здесь блистал остроумием, здесь он ждал своего ареста, а вот здесь, в уютной табачной лавке покупал свои фирменные сигареты... А где же нынешние потомки тех самых лондонских денди, что когда-то задавали тон всему модному европейскому миру, покупают свои сигареты и жилеты, «бабочки» и цилиндры? Что пьют, что курят и чем закусывают?

ТОРГОВЫЙ РАЙ ЛОНДОНА

Элегантная улица Сент-Джеймс, бегущая вниз от Пикадилли прямо к Тюдоровским Воротам Сент-Джеймского дворца, когда-то была заполнена маленькими уютными магазинчиками, прежде чем богатые и знаменитые оккупировали этот район и построили здесь свои помпезные дома и клубы. По счастливой случайности, несколько таких магазинчиков уцелели и до наших дней.

В ЦАРСТВЕ БАХУСА

Один из них, Berry Bros & Rudd, начал торговать здесь спиртными напитками уже в конце XVII века, и, по правде говоря, мало, что изменилось за прошедшие 300 лет: все те же скрипучие старинные полы, неровные стены, все тот же семейный бизнес, лучшей рекламой которому служат имена его знаменитых клиентов. Здесь покупали вино Байрон и Нельсон, герцог Веллингтон и актер Лоуренс Оливье. Более того, Berry Bros & Rudd — официальный поставщик королевского двора со времен короля Георга III.

Однако история историей, а компания тем временем смело шагает в ногу со временем — в 1995 году Berry Bros & Rudd стал первым в мире винным магазином онлайн, и буквально за первые 60 дней было продано 11 тысяч бутылок. И это еще не предел мечтаний — компания занимается прогнозами на отдаленное будущее — в мае 2008 года команда специалистов из Berry Bros & Rudd составила документ, в котором обрисовала возможные перспективы винной индустрии через 50 лет. Среди различных предсказаний на 2058 год есть и предположение о том, Китай может стать

одним из крупнейших в мире производителей вина, что виноград будут выращивать по гидропонной системе в плавающих офшорных виноградниках, а пчел обучат определять винные дефекты.

В сторону от магазина уходит вниз старинный переулок, который упирается в крошечный внутренний дворик, — когда-то весь Лондон представлял собой паутину из таких переулочков и уютных двориков. Со временем современные постройки, как ненасытные монстры, поглотили их один за другим. Этот, однако, остался цел и по сей день окружен очаровательными домами начала XVIII века, что интересно, построенными неким Уильямом Пикерингом, родственником братьев Берри.

Витрина магазина Berry Bros & Rudd

В ГОСТЯХ У ШЛЯПНИКА

Буквально в паре шагов от винного рая, по адресу Сейнт-Джеймс-стрит, 6, находится еще один старинный магазинчик — шляпная лавка Lock & Co, поселившаяся на этом самом месте в далеком 1764 году. На скрипучих старинных полках выставлены шляпы всех сортов и размеров, и магазин до сих пор пользуется старомодным приспособлением для того, чтобы измерить голову каждого клиента. Так называемый «конформатор» выявляет каждую выпуклость или углубление, и все эти детали скрупулезно заносятся в специальные файлы, которые хранятся в магазине на случай, если клиент, будучи на другом конце света, захочет заказать шляпу от Lock & Co. И, также как и его сосед, магазин может гордиться своими знаменитыми клиентами — здесь покупали шляпы Оскар Уайльд и Наполеон, Уинстон Черчилль и Чарли Чаплин, Фрэнк Синатра и Джонни Депп. Постоянным и благодарным клиентом магазина был и легендарный адмирал Нельсон, который сделал здесь свое первое приобретение из бобрового меха с черной шелковой кокардой в 1800 году. Потом последовали новые заказы, среди которых — черная шелковая шляпка для возлюбленной Эммы Гамильтон. В 1803 году он обратился к магазину с необычной просьбой — яркий солнечный свет в открытом море и клубы дыма во время сражений негативно сказывались на его единственном здоровом глазу и, опасаясь потерять зрение совсем, Нельсон заказал шляпу со встроенным козырьком. Lock & Co сделали ему целых две таких шляпы, проект которых до сих пор хранится в архивах магазина.

Здесь же в 1850 году была изобретена знаменитая шляпакотелок, которая со временем стала неизменным атрибутом всех офисных работников Сити. Самое интересное, что

дизайн этой шляпы был разработан по заказу невероятно богатого Уильяма Коука, фермера из Норфолка — ему нужен был защитный головной убор для своих егере́й, которые периодически подвергались нападению браконьеров, а также постоянно уворачивались от нависающих ветвей, пробираясь сквозь лесные чащобы. Томас и Уильям Баулер, шляпники из Саутворка, предложили оригинальную форму котелка, укрепленного шеллаком и крепко сидящего на голове, чтобы не сдуло ветром или не сорвало зацепившейся веткой. Новинку тестировал сам Уильям Коук — прыгнув на шляпу и убедившись, что она осталась в целности и сохранности, он купил ее. Непонятно только то, как и почему головной убор егере́й так приглянулся офисным работникам Лондонского Сити, что стал их неизменным атрибутом на долгое время.

Неизменным же атрибутом лондонского денди на долгие годы стал знаменитый черный цилиндр — молва приписывает его изобретение лондонскому торговцу шляпами Джону Гетерингтону. 25 января 1797 года Джон появился на улицах британской столицы в необычном головном уборе — черный, блестящий, высокий — он так напугал прохожих, что «многие женщины, увидев этот странный предмет, теряли сознание, дети кричали, а одного парня, который как раз возвращался от мыловара с покупками, сбили в пробке, и он сломал себе руку. Поэтому господину Гетерингтону пришлось вчера отвечать перед лордом-председателем, к которому его привел отряд вооруженной полиции, и заплатить штраф в размере 500 фунтов» — так писала об этом событии одна из лондонских газет.

На самом деле, прообразом цилиндра стала круглая шляпа с высокой тульей и полями, появившаяся в мужской моде XV века в Испании. В 1789 году такие шляпы надели члены французского Национального собрания, а российский

император Павел I даже издал указ, запрещающий ношение круглых шляп, с целью исключения вторжения революционного духа в Россию. Тем не менее к 1820 году цилиндр становится повседневным головным убором среди представителей среднего класса в Европе и Америке, а в 1823 году появляется первый «шапокляк» (от французского «chapeau claqué» — шлепающая, то есть складывающаяся шляпа), особенностью которого являлся встроенный механизм с пружиной, позволяющий складывать цилиндр в вертикальном направлении. Непременный атрибут всех торжеств и деловых встреч, «высокая шляпа для джентльменов, имеющих высокие цели», по меткому выражению английских денди. Хотя носили его и люди определенных профессий — почтальоны, трубочисты, лондонские полицейские, для которых, как ни странно, цилиндры были элементом униформы до 1860-х годов. Высота цилиндра могла достигать 30 см, что делало его весьма вместительным — например, 16-й президент США Авраам Линкольн, обожавший высокие цилиндры, помещал внутри письма, финансовые бумаги и законопроекты.

Первоначально цилиндры делались из дорогого и редкого бобрового фетра, а потому были дороги и доступны, в основном, для аристократии. Знаменитая фраза «безумный шляпник» имела под собой полное основание — для выделки бобрового фетра шляпные мастера применяли препараты ртути, которые могли вызывать хроническое отравление, зачастую приводившее к слабоумию. Однако почти полное истребление бобров к середине XIX века привело к тому, что цилиндры стали изготавливать из других материалов, в частности, из мягкого шелкового плюша на жесткой основе из нескольких слоев марли, проклеенной шеллаком, — тогда-то цилиндр и приобрел свой характерный блеск. Более дешевые версии цилиндра, которые часто носились почтальонами,

трубочистами и полицейскими, обычно делались из войлока или клеенки.

Однако к концу XIX века цилиндры стали выходить из моды, постепенно сменяясь на котелки, во-первых, более удобные для городской жизни, а во-вторых, более доступные из-за массового производства — цилиндры же, в отличие от них, были ручной работой опытных шляпных мастеров.

После Первой мировой войны цилиндр практически полностью вышел из повседневного употребления, однако еще до конца 1930-х годов оставался элементом туалета крупной буржуазии и политиков Западной Европы, в то время как дипломатический этикет регламентировал ношение цилиндра вплоть до 1970-х годов. Нашлось место цилиндру и в наше время — и не только в цирке, где из него вытаскивает кролика иллюзионист — в Англии он обязателен при посещении скачек в Аскоте в королевские дни.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПАРИКА

Да что там цилиндр, в XVII и большей части XVIII века ни один уважающий себя джентльмен не посмел бы даже выйти за пределы своего дома без парика — щедро посыпанный пудрой, он был неотъемлемой частью элегантной одежды. Мода на парики, как и на многое другое, пришла в Европу из Франции — их с особым шиком носил и Людовик XIII, лишившийся волос из-за венерической болезни, и Людовик XIV, унаследовавший от отца редкие волосы. Был даже издан специальный королевский указ, который запрещал носить парики из светлых женских волос всем, кроме лиц королевской крови. Плетением париков занимались специальные ремесленники, которые принадлежали к корпорации «цирюльников, банщиков и парильщиков».

При «короле-солнце» существовало до 45 видов различных париков, а каждый уважающий себя человек имел их как минимум три: черный для утра, каштановый для дня и светлый для вечера. Простой же люд мастерил парики из овечьей шерсти, собачьих и конских хвостов, водорослей, волокон конопли и кукурузы, в дело шли даже волосы казненных преступников.

В XVII веке появились маленькие белые пудренные парички, с буклями на висках и «хвостом» или косичкой сзади — его носили как молодые, так и старые придворные. Женщины же надевали куафюры — каркасные парики. К XIX веку, однако, мода на парики постепенно сошла на нет, однако они остались необходимым атрибутом для представителей юридической профессии. Что удивительно, традиции и технологии изготовления париков в наши дни практически такие же, какими они были в XVII веке. Одна единственная компания по изготовлению париков по старинной технологии до сих пор существует в Британии — это знаменитая фирма Ede and Ravenscroft. Все началось в 1726 году, когда Томас Равенскрофт, изготовитель париков из Шропшира, переезжает в Лондон и начинает продавать свой товар церковнослужителям и юристам, а его сын, Хамфри, изобретает так называемый перманентный «судебный паричок», которыми пользуются и в наши дни, — он отличается от своих предшественников тем, что не требует постоянной завивки и припудривания.

Первоначально Равенскрофт торговал в Лондоне на улице Серл-стрит, однако в 1890-х годах, после того как наследница семейного дела Роза выходит замуж за Джозефа Иде, сына известного изготовителя церемониальных мантий, рождается новая совместная компания, разместившаяся в самом сердце юридического Лондона — на улице Чэнсери-лейн, 93.

Каждый парик и в наши дни изготавливается по индивидуальному заказу только из конского волоса — до 1000 париков для адвокатов в год, примерно 120 для судей и около 100 так называемых «алонжевых» (от французского «удлинённый»), с завитыми локонами длиной до плеч, который могут носить только судьи по особо торжественным случаям. Для каждого парика используется своя деревянная заготовка по форме головы. Работники плетут конский волос, который потом вшивается в специальную сетку на шелковой основе аккуратными, тесно прилегающими друг к другу упругими прядями. Затем парик завивается нагретыми на огне старомодными щипцами — в среднем на один парик уходит от трех до четырех недель, из них только 24 часа на то, чтобы сплести достаточное количество конского волоса, зато служат они потом своему хозяину всю жизнь.

В оригинальной старинной витрине магазина выставлены не только парики, но и мантии — по сути, с 1689 года все коронационные мантии в Британии изготавливались только мастерами компании Ede and Ravenscroft.

ОТ ПАРАСОЛЬКИ ДО «РОБИНЗОНА»

Город Лондон прекрасен, особенно в дождь.
Ни жезл для него не преграда,
ни кепка или корона.
Лишь у тех, кто зонты производит, есть
в этом климате шансы захвата трона.

И. Бродский

Что и говорить, мода — дама капризная и изменчивая. Нынешние джентльмены оставили такую привилегию, как ношение париков, адвокатам и судьям, но и сегодня немыс-

лимо представить себе настоящего лондонского денди без тросточки и зонта. И это не просто дань моде и элегантности, учитывая капризную лондонскую погоду.

Первым, кто появился на улицах Лондона в середине XVIII века с зонтом от дождя, был англичанин Джонас Ганвей (Jonas Hanwey) — путешественник, купец, филантроп и меценат. Зрелище это было довольно непривычное и вызывало немалую долю насмешек, особенно со стороны кэбменов, окликавших Ганвея: «Эй, француз, француз! Почему бы тебе

Карикатура на Джонаса Ганвея

не взять экипаж? » Зонты или «переносные крыши» были на тот момент уже привычным зрелищем в Париже и все еще диковинкой в Англии, несмотря на то, что предшественник зонта, солнцезащитный парасоль, уже много лет считался признаком элегантности и высокого положения в обществе. Даниэль Дефо первым заставил своего Робинзона Крузо соорудить парасоль из шкур, чтобы защищаться и от палящих лучей солнца, и от дождя, что положило традицию называть тяжелые зонты «робинзонами», причем как в Англии, так и во Франции. Делались они из промасленной материи или кожи, натянутой на пластины из китового уса, и весили почти десять фунтов (примерно 5 килограмм) — чтобы удержать такую конструкцию над головой под порывами ветра, требовалась недюжинная физическая подготовка.

Ганвей, в свою очередь, позаимствовал идею использовать зонт во время путешествия в Персию, где были в большом почете шелковые китайские зонтики. Всеми возможными способами он защищался от английской непогоды: надевал несколько пар чулок, носил фланелевое нижнее белье, заботясь о здоровье все семьдесят четыре года своей насыщенной событиями жизни.

Родившись в Портсмуте, свое первоначальное образование Ганвей получил в Лондоне, куда перебралась его мать после ранней смерти отца. В 1743 году Джонас становится компаньоном торгового дома Динглей в Петербурге и переселяется в Россию, откуда отправляется в насыщенное опасностями и приключениями путешествие в Персию с караваном шерстяного товара. В 1750 году, получив приличное наследство, Ганвей возвращается в Лондон, где занимается подготовкой к печати своего самого известного труда — описания путешествия в Персию, по России и Северной Европе. Энергии и активности Ганвею было не занимать — он с головой уходит

в меценатство, борется за улучшение условий труда и жизни мальчишек-трубочистов, основывает госпиталь Святой Магдалины для раскаявшихся проституток, бичует в своих письмах и выступлениях пагубную, как он считал, привычку давать чаевые слугам, считая, что тем самым работодатели оправдывают их мизерное жалованье. Вместе с художниками Уильямом Хогартом и Томасом Гейнсборо Ганвей занимается судьбой детей-сирот из Госпиталя Подкидышей (Foundling Hospital) в районе Блумсбери, вице-президентом которого он становится в 1772 году. Ныне это весьма необычный и интересный музей рядом со станцией метро «Рассел Сквер» (Russel Square).

Однако был у Ганвея и свой обязательный пункт, как и положено классическому лондонскому эксцентрику. Он был яростным противником чая, который как раз входил в моду в Англии в середине XVIII века, считался напитком аристократов и роскошью для простолюдинов, утверждая, что этот «ужасный» напиток сокращает продолжительность жизни, уменьшает рождаемость, вызывает нервные расстройства, плохое пищеварение, депрессию и меланхолию. Его самым знаменитым оппонентом был доктор Самюэль Джонсон, большой поклонник чая, который вступил с ним в яростную эпистолярную схватку «Джонсон против Джонаса» и нещадно его высмеивал.

Тем не менее после своей смерти в 1786 году Ганвей, хотя и был похоронен в предместье Лондона, был удостоен памятника в Вестминстерском аббатстве — первого в истории Лондона, поставленного филантропу. А также подарил свое имя улице Ганвей-стрит (Hanway Street), расположенной между Оксфорд-стрит и Тоттенхэм Корт-роуд.

По иронии судьбы, рядом с этой самой улицей в 1830 году Джеймс Смит основал свою знаменитую семейную фирму

по изготовлению зонтов, где впервые начал использовать в производстве стальной каркас, изобретенный Самюэлем Фоксом в 1848 году. Помимо зонтов Смит специализировался на изготовлении тростей и военных жезлов, а также церемониальных жезлов для вождей племен из Южной Африки и Нигерии.

Несколько лет спустя его сын, Джеймс Младший, открыл магазин на улице Нью Оксфорд-стрит, 53, в лучших традициях викторианских магазинов Вест-Энда высшего класса — черное с золотом, бронзовые вывески, витрины из красного дерева, в которых красуются самые разнообразные зонты и трости, многие из которых и по сей день производятся в мастерской тут же, на месте. Джеймс Смит и Сыновья (James Smith & Sons) на сегодняшний день является самым крупным и старейшим в Европе магазином зонтов, а его витрина и интерьер одной из достопримечательностей центрального Лондона.

ЗА ПОНЮШКУ ТАБАКА...

Вряд ли подлежит сомнению тот факт, что Англия держит одно из первых мест в мире по числу эксцентриков на душу населения. Причем здесь приходится удивляться не столько неожиданным формам чудачества, сколько терпимости, с которой окружающие к ним относятся.

Но где, как не в английских клубах, следует искать самых знаменитых эксцентриков? Где еще заключаются нелепые пари и можно молча дремать в компании интереснейших людей, платя за эту привилегию несколько сотен фунтов в год? И даже пресловутые правила викторианских клубов порой сами являлись воплощением эксцентрики: в одном было принято проглаживать горячим утюгом страницы

газеты «Таймс», в другом существовал обычай мыть монеты, полученные от должников.

И хотя принято считать, что эксцентричность — удел джентльменов, а в большинство элитных клубов доступ дамам запрещен и поныне, в летописи лондонских чудачеств можно отыскать и страницы, героинями которых были представительницы прекрасного пола. Одной из таких эксцентричных богатых дам была миссис Маргарет Томсон, страстная поклонница модного в те времена нюхательного табака, которая жила в начале XIX века на Эссекс-стрит в Лондоне. Маргарет оставила уникальное в своем роде завещание, в котором в деталях расписала сценарий своих похорон: прежде всего, полагалось обложить ее всеми платками из-под табака, которые найдут непостиженными на момент смерти, а также обсыпать этим ароматным зельем. Шестерым самым заядлым «нюхателям табака» в приходе, на головах которых

Магазин табака James J Fox

должны были красоваться шляпы табачного цвета, предписывалось нести ее гроб, а шестерым девушкам-плакальщицам следовать за процессией с коробочками нюхательного табака и использовать его время от времени для поддержания себя в тонусе. Священнику, который должен был вести службу, миссис Томсон отписала пять гиней при условии, что во время службы он будет периодически нюхать табак, а слугам предстояло идти перед процессией и посыпать землю и толпу зевак по обеим сторонам дороги табаком. Само собой разумеется, что на протяжении всего дня табак должен был щедро раздаваться всем, кто хоть каким-то образом принимал участие во всем этом весьма неординарном процессе.

Вполне возможно, что любимое зелье дама покупала в одной из старейших в Лондоне табачных лавок Джеймс Джи Фокс (James J Fox) на Сент-Джеймс, 19, завсегдатаями которой были майор Уолтер Уингфилд — изобретатель игры «лаун-теннис» и Оскар Уайльд, заказывавший специальные сигареты, на которых красовалось его имя красными буквами. На протяжении 60 лет заходил сюда и Уинстон Черчилль — известный гурман и эстет, причем в первый раз по рекомендации своей матушки, питавшей особую страсть к фирменным сигаретам ручной работы Александра Балкан, которые она курила через янтарный мундштук. Магазин, сохранивший всю классическую атрибутику викторианской табачной лавки, включая деревянную фигуру индейца и курительную для клиентов, продолжает предлагать 18 марок гаванских сигар в 350 различных формах и размерах. А на цокольном этаже расположился музейчик забавных тематических вещей — таких, как самая старая коробка для сигар в мире, кресло Черчилля, Бристольская трубка из выдувного стекла 1787 года, хьюмидор Эдуарда VIII и многочисленные послания от знаменитых и благодарных клиентов.

ИМПЕРИЯ ХЭРРОДСА

Неоспоримо очарование маленьких, уютных, семейных магазинчиков из прошлого — словно антикварные медальоны изысканной и дорогой работы, они украшают грудь своего Лондона. Однако удержаться на бурных волнах истории удалось единицам, а если не просто удержаться, а со временем превратиться в настоящую торговую империю, как это произошло с «Хэрродсом»? Один из самых роскошных и дорогих магазинов в мире, он вальяжно расположился на своих 4-х с половиной акрах в престижном районе Найтсбридж. На семи этажах — товары на любой вкус и кошелек — от эксклюзивной мебели и бриллиантовых колец до спортивной одежды, сувенирных сумочек и шариковых ручек. Девиз магазина — «*Omnia Omnibus Ubique*» (все, всем, всюду) был оставлен в наследство Чарльзом Дигби Хэрродсом, сыном бакалейщика, чей магазинчик, открывшийся в 1834 году, он дальновидно превратил в торговый центр. Но вряд ли он имел хотя бы смутное представление о будущем размахе своего предприятия — 5 тысяч персонала, более чем 50 разных национальностей, 330 торговых отделов, которые посещают до 300 тысяч клиентов в день, а парк из 50 автомобилей осуществляет до 225 тыс. доставок в год. Бизнес уже давно перестал быть семейным, но фирменное название остается неизменным по сей день.

Визитная карточка «Хэрродса» — темно-зеленый цвет его навесов и фирменных пакетов, а также фасад в ночное время, освещаемый 11 с половиной тысячей лампочек, которые прописывают сказочный силуэт на темном фоне лондонского неба. По сути, это солнечное сплетение торгового Найтсбриджа, в котором есть не только одежда, украшения, товары для дома, продуктовый супермаркет и отдельный винный

магазин, но и 28 ресторанов, как с традиционной для пабов едой, так и с высокой кухней для гурманов. Есть свой портной, ремонт часов, рецептурная аптека, роскошный салон красоты и даже банк, где можно хранить сбережения или инвестировать средства в золото. Здесь можно заказать не только корзины с провизией для пикника или свадебный торт, но и персональные духи. До 1916 года Хэрродс продавал кокаин для широкой публики в качестве лекарства или просто для личного пользования, а во время Второй мировой войны решил отставить в сторону торговлю предметами роскоши и перешел на униформы и парашюты. Когда-то в «Хэрродсе» можно было купить даже самолет — самый первый, например, был продан в 1919 году. Сейчас самолеты не продают, но охотно предоставляют напрокат, как, впрочем, и вертолеты.

«Всем, все и везде» — это не голословное утверждение, а выражение «от булавки до слона» в «Хэрродсе» можно понимать буквально. Так, например, в 1967 году здесь был куплен слоненок Джерти и отправлен Рональду Рейгану в качестве подарка от коронованного принца Албании. Расстроженный Рейган отправил слоненка в зоопарк Сакраменто. А пару лет спустя два любителя экзотики прикупили львенка по имени Кристиан. Уже взрослым лев был выпущен на волю в африканские джунгли, а когда через пару лет приятели приехали его навестить, то не смогли сдержать сентиментальных слез: Кристиан не только узнал их, но и не стеснялся показывать бурную радость от встречи.

Дополняет картину джунглей настоящий аллигатор, который был куплен в «Хэрродсе» в качестве подарка Ноэлю Кауэрду. Но, пожалуй, самым оригинальным подарком оказался вонючка-скунс, которого некий господин заказал для своей бывшей жены. К счастью, Хэрродс прекратил торговлю живым товаром в 1970 году, хотя за 2,5 тысячи

фунтов стерлингов все еще можно приобрести крошечного мальтийского терьера. А еще лучше очаровательного мишку Тедди — еще один культовый символ «Хэрродса». Одному из таких тедди в 1921 году посчастливилось стать игрушкой сына писателя Алана Александра Милна, Кристофера Робина. Плюшевого медвежонка фирмы «Альфа Фарнелл» Милн купил сыну в универмаге «Хэрродс» на его первый день рождения, а назвали его в честь реальной медведицы Виннипег, проживавшей в то время в Лондонском зоопарке, с которой маленький Кристофер познакомился, когда ему было четыре года. Под пером писателя Виннипег стал Винни-Пухом, однако и другие герои — Пятачок, ослик Иа-Иа без хвоста, Кенга, Ру и Тигра — существовали на самом деле в детской сына писателя. Выдуманными были только Сова и Кролик.

Кристофер Робин, имя которого стало известно во всем мире благодаря плюшевому мишке, в 1981 году открыл в Лондонском зоопарке памятник медведице Виннипег в натуральную величину.

Кстати, «Хэрродс» остался единственным универмагом в Британии, где еще можно купить изделия из настоящего меха. Все попытки гринписовцев запретить продажу настоящих мехов в этом знаменитом месте ни к чему не привели.

Хэрродс по праву может гордиться тем, что всегда шел в ногу с техническим прогрессом — именно здесь был установлен самый первый эскалатор в 1898 году, который был просто кожаной конвейерной лентой без ступеней. Для викторианского общества это было невиданной диковиной, покупатели охали и ахали, прежде чем решиться на такую поездку, зато всех смельчаков ожидала награда — специальные служащие предлагали джентльменам бренди, а леди — нюхательные соли как компенсацию за полученный стресс.

Спустя сто лет бывший скандально известный владелец «Хэрродса» египтянин Мохаммед Аль Файед установил роскошный эскалатор за 20 миллионов фунтов стерлингов, украшенный позолоченными фигурками фараонов и иероглифами. Как эскалатор, так и знаменитый Египетский зал универмага с позолоченным сфинксом занесены в книгу уникального наследия Британии.

Однако самое трогательное место в «Хэрродсе» — это мемориал, которым Мохаммед Аль Файед увековечил память принцессы Дианы и своего сына Доди Аль Файеда, установив статую «Невинные жертвы», изображающую Диану танцующей с Доди под парящим альбатросом — символом Святого Духа. В подвале «Хэрродса» печально знаменитой паре посвящена целая комната, где можно увидеть бокал, из которого принцесса пила вино в роковой вечер своей смерти с остатками ее помады на тонком стекле.

Универмаг «Хэрродс»

Есть в «Хэрродсе» и другой мемориал — памятная доска, посвященная шести жертвам взрыва бомбы, брошенной экстремистами около универмага в 1983 году.

В 2010 году «Хэрродс» фигурировал в сделке века — Мохаммед Аль Файед продал магазин королевскому семейству Катары за один с половиной миллиард фунтов стерлингов. Меняются хозяева, но правила остаются прежними — еще в 1989-м в магазине был принят дресс-код, согласно которому всем желающим отправиться на шопинг в резиновых шлепанцах, шортах или футболках с провокационными надписями вход в универмаг преграждают охранники в традиционных фраках. Ну и, конечно, «Хэрродс» по-прежнему знаменит своими заоблачными ценами на эксклюзивные предметы роскоши, начиная от яхты (самая дорогая стоит 102 миллиона фунтов) и кончая коробкой шоколада, обернутого в индийский шелк, со стразами от Сваровски (все-то за 10 тысяч). Конечно же, подавать такой шоколад надо к самому изысканному чаю, который тоже продается в «Хэрродсе» — Ambootia Snowmist, 4900 фунтов стерлингов за килограмм — самый лучший чай с плантаций Дарджилинг у подножия Гималаев. Собирают Амботию очень рано, на рассвете, с чайных кустов, подрезанных зимой, отсюда и такое снежное название. Тонкий аромат и изумительная цветочная нотка в букете — не удивлюсь, если пить его будет леди в туфельках от «Хэрродс» с рубинами в 120 карат в обрамлении чистой платины в обтянутых атласом каблучках. Туфельки предназначались для участия в цермонии вручения Оскара в 2003 году, но так и не выполнили свою миссию. Зато они вдоволь покрасовались в витрине под пуленепробиваемым стеклом и круглосуточной охраной и ушли к своей новой обладательнице за 1,6 миллиона фунтов стерлингов. Ну и, конечно же, у нашей дамы должен быть достойный спутник — настоящий джентльмен

с иголки, на котором самая дорогая мужская сорочка «Хэрродса» — от шведских дизайнеров, из белоснежного египетского хлопка, украшенная бриллиантами, стоимостью около 40 тысяч фунтов стерлингов. Правда, деньги от нее все же поступили не в бездонный карман Хэрродса, а в благотворительный фонд помощи детям.

«СЕЛФРИДЖЕС» — ВТОРОЙ ИЛИ ЛУЧШИЙ?

Второй по величине после «Хэрродса» магазин «Селфриджес» (Selfridges), нависающий над Оксфорд-стрит своим неоклассическим фасадом, практически вдвое меньше. Творение американского архитектора Даниэля Бернхэма, «Селфриджес» может похвастаться не только своими гигантскими ионическими колоннами, огромными часами над главным входом, увенчанными фигурой «Королевы Времени» в два человеческих роста. Здесь вы найдете и самые престижные марки женской, мужской и детской одежды, и ювелирные изделия, и мебель с предметами интерьера, а также спа-салоны и рестораны. Более того, согласно опросам покупателей, именно этот магазин признан одним из лучших в мире! Один из самых оживленных магазинов Лондона был основан в 1909 году американцем Гарри Гордоном Селфриджем, которому приписывают знаменитую фразу «покупатель всегда прав». Его основатель справедливо считал, что «шопинг должен быть удовольствием», и этому правилу следуют в «Селфриджесе» и по сей день. Более того, покупателя стоит не только удовлетворять, но и удивлять — именно поэтому дальновидный Селфридж заплатил Джону Барду — изобретателю первого телевизора, чтобы тот лично продемонстрировал новинку будущим покупателям. Многие лондонцы видели здесь же и первый аэроплан — тысячи

отстояли огромную очередь всю ночь, чтобы полюбоваться 70-метровым монопланом Луи Блери, на котором он впервые перелетел через пролив из Франции в Англию, и который был собран из деревянного винта, колес от велосипеда и двигателя мощностью 25 лошадиных сил.

Правда, сам Селфридж, хоть и был американцем, не остался в стороне от лондонских чудаков-эксцентриков — какое-то время он был одержим идеей построить собственный мавзолей на крыше магазина, а также переименовать ближайшую станцию метро «Бонд-стрит» в «Селфриджес Стейшн» и проложить тоннель для поездов прямо до универмага. И несмотря на то, что сам он довольно плохо кончил (экстравагантный плейбой, Селфридж был в итоге смещен со своей должности в совете директоров и умер в нищете), магазин и по сей день носит его имя и идет в ногу со временем. И если гордый «Хэрродс», невзирая на протесты защитников животных, продолжает торговать мехами, то «Селфриджес» проявил себя более демократичным и лояльным: в ноябре 2009 года универмаг согласился прекратить продажу фуа-гра — деликатеса из печени насильственно откормленной утки или гуся, и, более того, уволил из своего продовольственного отдела знаменитого мясника, который продолжал продавать фуа-гра под кодовым названием «французское филе».

FORTNUM & MASON — ТАНЦУЕМ ОТ СВЕЧКИ

Еще одним соперником «Хэрродса», правда, не по размерам торговой территории, заоблачным ценам и размаху, а по элитности, избранности и традициям можно считать старый добрый гастроном или, как его любовно называют жители британской столицы, «Британский Гастрономиче-

ский Дом» — «Фортнум и Мейсон» на Пиккадилли-стрит. Но если «Хэрродс» был исключен из списка поставщиков британского королевского двора после печально-скандальной истории с Доди Аль Файедом и принцессой Дианой, то «Фортнум и Мейсон» как был при королеве Виктории «магазином номер один», так им и остался для ее потомков на троне.

Все началось, однако, еще до Виктории, в далеком 1707 году в эпоху правления королевы Анны Стюарт. Дружили два товарища — Уильям Фортнум, лакей при королевском дворе, и владелец маленького магазинчика на площади Сент-Джеймс Хью Мейсон. Одной из обязанностей лакея Фортнума было следить за тем, чтобы сгоревшие свечи во дворце вовремя заменялись на новые — при этом огарки старых свечей ему позволялось оставлять себе, и, продавая их беднякам, Уильям неплохо зарабатывал. Более того, будучи человеком наблюдательным, он подмечал, в каких именно товарах регулярно нуждается королевский двор и, выйдя в отставку, предложил своему другу Мейсону открыть совместный магазин для знати и двора. Друзья, по сути, открыли для себя золотую жилу — дела пошли настолько хорошо, что вскоре Мейсон уже основал конную доставку заказов.

К 1761 году магазин на Пиккадилли, который первоначально специализировался на колониальных товарах с Востока, стал популярнейшим магазином среди лондонской аристократии.

В XVIII веке в Британию пришла мода на чай — дорогой и престижный, он был роскошью даже в богатых домах — элитный чай «Фортнума и Мейсона» прославил гастроном на весь мир, а традиционные чайные коробочки с выгравированными на крышке инициалами F&M можно было увидеть и в королевских дворцах, и в домах аристократов.

А вот появлением «продовольственных корзин» Fortnum & Mason обязан многочисленным войнам и экспедициям XIX века — во время Крымской войны королева Виктория лично посылает на фронт в госпитали Флоренс Найтингейл запасы так называемого «мясного чая» — крепкого концентрированного бульона, а исследователь и, по совместительству, контр-адмирал Уильям Эдвард Парри в 1819 году отправляется на поиски Северо-Западного пути с внушительными запасами какао-порошка от «Фортнум и Мейсон».

Уже в середине XIX века этот торговый дом выпускал уникальные мясные таблетки, предназначенные для спортсменов, которые содержали лошадиную дозу белков и протеинов. Говорят, что во время особо длительных и утомительных заседаний этими таблетками не гнушались пользоваться даже члены британского Парламента, которым строгий

В одном из залов магазина «Фортнум и Мейсон»

этикет запрещает перекусы во время работы. А вот участники похода на Эверест 1922-го года оказались настоящими сибаритами — не желая довольствоваться мясными таблетками с какао, они увезли с собой четыре дюжины бутылок шампанского и шестьдесят банок фирменного фуа-гра от F&M. Ходили слухи, что нечто подобным магазин снабдил и скандально известную экспедицию, изучавшую пирамиду Тутанхамона, да и сам оказался косвенно замешанным в нем — по возвращении в Англию египетская таможенная служба обнаружила у археолога Ховарда Картера неучтенную статую в виде головы ребенка, которая была аккуратно упакована в пустой винный ящик Fortnum & Mason, обвинив его в попытке присвоить себе историческую находку. Картер же пытался оправдаться тем, что использовал ящик в связи с особой хрупкостью экземпляра.

К сожалению, очаровательное старое здание магазина «Фортнум и Мейсон» было перестроено в двадцатых годах прошлого века, но знаменитые часы, изготовленные для его фасада в 1960-х, выполнены в георгианском стиле — под их перезвон из бирюзовых башенок с вензелями, резьбой и позолотой каждый час появляются две колоритные фигурки в камзолах — мистер Фортнум и мистер Мейсон — и кланяются друг другу. Фигура с канделябром в руках в красном камзоле (цвет королевского двора) — это Фортнум, в зеленом с серебряным чайничком на подносе — Мейсон. Как и в старые добрые времена самым популярным товаром в Fortnum & Mason по-прежнему считаются его фирменные чайные купажи. Приобщиться же к традиционному английскому чаепитию можно на четвертом этаже легендарного магазина — чай сервируется в тонких чашечках костяного фарфора, а на серебряных подносах подаются изысканные закуски — мини-сэндвичи со свежим огурцом, соленые орешки,

теплые булочки-сконы с маслом и джемом. Главное — никуда не спешить — чайная церемония не терпит суеты! Правда, и заказывать такое чаепитие нужно заблаговременно.

МАЛЕНЬКАЯ ЧАЙНАЯ ИМПЕРИЯ TWININGS

Но что делать, если на долгую и изысканную церемонию у вас нет времени, а хочется сделать глоток-другой и чая, и истории? В таком случае — добро пожаловать в самый старый чайный магазин в Лондоне — маленькую чайную империю компании «Твайнингз» на улице Стрэнд в лондонском Сити — по сути, коммерческий призрак XVIII века, переживший и войну, и новую застройку района. При всем этом Твайнингз был и остается весьма успешным семейным бизнесом, во главе которого, по традиции, стоит очередной мистер Твайнинг — старший сын предыдущего хозяина — в наше время уже десятый. Основателем магазина был Томас Твайнинг, бывший ткач, затем коммерсант, который одно время работал в Восточно-Индийской компании, а в 1706 году купил небольшую кофейную лавку по адресу Стрэнд, 216. В 1717 году Томас добавил к своему хозяйству еще три соседних дома и значительно расширил магазин, а к 1734 году стал специализироваться исключительно на чае, популярность которого в то время была необычайной. Высокие налоги в XVIII веке привели к тому, что цены на чай зашкаливали — 100 грамм китайского зеленого «Пороха» продавали за бешеную сумму в 160 фунтов! В результате процветала чайная контрабанда, а денежки продолжали обтекать карманы государства. Согласно одной из версий, именно мистер Твайнинг посоветовал премьер-министру Уильяму Питту, когда тот обратился к нему за советом, снизить грабительский налог в десять раз, что помогло бы задушить

контрабанду на корню и увеличить доходы государства за счет легальных денежных поступлений. Мудрый Питт внял совету профессионала и не прогадал — прибыли возросли, а чай стал любимым напитком всех слоев населения. И только церковь негодовала — как и все новое, чаепития предавались анафеме и считались греховным занятием.

И пусть вас не обманет миниатюрный фасад магазина с двумя алебастровыми фигурами китайцев над входом (их поместили сюда в 1780-х годах) — в узком, но длинном помещении со старинными портретами на стенах, похожем на библиотеку, на аккуратных полках вместо книг — всевоз-

«Твайнингз» — старейшая чайная компания в мире.
Рекламный плакат

можные баночки с чаем, включая гордость «Твайнингз» — черный листовой китайский чай «Леди Грей» с маслом бергамота, цедрой лимона и апельсина. Есть и его вариации с апельсиновым цветом, лавандой и мятой, лепестками розы... Есть у магазина и уютная комната для бесплатных дегустаций и даже устроен небольшой музей, который знакомит покупателей с историей успешного трехсотлетнего бизнеса.

Что и говорить, Лондон — настоящий торговый рай... Здесь найдется местечко по душе и гурману, и эстету, и взрослому, и ребенку — знаменитый «Хэмлис» (Hamleys), крупнейший в мире магазин игрушек и поставщик королевского двора, радует детишек и их родителей с 1790 года. Шесть этажей счастья, пять миллионов посетителей в год — волшебство, да и только! По магазинам Лондона вполне можно изучать и историю, и литературу. Хотите знать, например, где покупал профессор Хиггинс одежду для Элизы Дулиттл, превращая неграмотную продавщицу цветов с рынка Ковент-Гарден в элегантную герцогиню? Конечно же, в универмаге «Уайтлис» (Whiteleys), что в районе Бейсвотер, который и по сей день носит имя своего основателя, короля всех лондонских коммерсантов конца XIX века, Уильяма Уайтли. Сметливый паренек из Йоркшира, обладая острым коммерческим чутьем, по сути, создал прообраз первого в мире супермаркета, нажил громадное состояние и кучу врагов, разоряя своих конкурентов и держа свой шеститысячный персонал в черном теле. Мало того, что ученики продавцов не получали никакого жалованья в течение первого года работы — все сотрудники должны были жить в общежитиях, соблюдая 176 драконовских законов, которые им предписывал Уайтли, и при этом работать с 7 утра до 11 ночи шесть дней в неделю! Себе же Уайтли в удовольствиях не отказывал — водилась за ним привычка соблазнять хорошеньких девушек, обещая им рай

на земле, и увозить их в Париж на несколько деньков. Собственно говоря, за что и поплатился — 24 января 1907 года Уайтли был убит в собственном магазине молодым человеком по имени Горацио Рейнор, который явился к нему требовать денег на учебу в Америке, утверждая, что является его внебрачным сыном. Отказ стоил Уайтли жизни. И все-таки он умудрился купить себе бессмертие. И это даже не имя его магазина, которое и по сей день украшает фасад элегантного многоэтажного здания со стеклянным куполом рядом со станцией метро «Бейсвотер». И не фраза из знаменитой пьесы «Пигмалион» Бернарда Шоу. Это окруженная лесами небольшая деревушка для бедных пенсионеров в графстве Суррей, которую он завещал построить на деньги из своей воли, с нехарактерной для него щедростью выделив для этой цели целый миллион фунтов стерлингов. Называется эта деревушка, конечно же, Уайтли, а в центре ее возвышается памятник королю лондонских коммерсантов, когда-то простому йоркширскому пареньку...

ТАЙНЫЙ МИР ЛОНДОНСКИХ ТЕАТРОВ

Сколько же людей на протяжении 20 веков родились, любили и ненавидели, радовались, страдали и умирали в этом огромном древнем мегаполисе... Сколько тайн и загадок, причудливых судеб — весь этот огромный океан людской энергии просто не мог исчезнуть бесследно. Все, что когда-то было, и все, кто когда-то жил, остаются навсегда. Просто мы с ними существуем в разных временных измерениях: ходим по одним и тем же улицам, невидимые друг для друга, проходим сквозь них, а за стеклянными фасадами современных строений проступают очертания некогда стоявших здесь домов. Как, например, знаменитого некогда театра «Сент-Джеймс» на Кинг-стрит — любимого детища Лоуренса Оливье и Вивьен Ли, который в 1957 году, несмотря на отчаянные попытки, которые Вивьен Ли принимала для его спасения, был закрыт и снесен.

Но если «Сейт-Джеймс» в наши дни и сам стал призраком, то королевский Театр «Роял» на Друри-лейн, который по праву считают самым старым действующим лондонским театром, приютил гостей из прошлого в своих стенах. Сами стены, правда, не могут похвастаться большой древностью — несмотря на то, что датой основания театра считают 1663 год, нынешнее здание датируется 1812 годом.

В свое время театр стал свидетелем сценического дебюта легендарного Дэвида Гаррика, а также первой постановки «Школы злословия» Шеридана. При этом дважды горел, был свидетелем народных бунтов и покушений на жизнь двух Георгов, I и III.

Однако вернемся к гостям из прошлого. Если вдруг вы почувствовали в воздухе характерный шлейф лавандового

аромата, найдите — где-то рядом Дан Лено, викторианский актер, который в прошлом имел одну деликатную проблему, а именно страдал от хронического недержания, что и пытался замаскировать огромным количеством лавандовой воды.

Другой фантом — это некто «Человек в сером». Любопытно, что его появление не сопровождается внезапным чувством леденящего страха и мурашками по коже — наоборот, продюсеры ему всегда рады, так как замечено: джентльмен в сером обычно появляется во время спектаклей, которых ждет успех. Свое прозвище он получил из-за серого френча, в котором является, как правило, только во время дневных спектаклей, а однажды его высокие сапоги, белоснежная рубашка, богато украшенная кружевами, напудренный парик и шляпа-треуголка довольно четко прорисовались прямо перед зрительской аудиторией. Неизменно материализуясь в конце ряда D, джентльмен в сером, прихрамывая, движется вдоль рядов бельэтажа, минует бар и исчезает в стене, при этом не одобряет вмешательства в свою личную жизнь: стоит попробовать подойти к нему поближе, как его очертания начинают расплываться, тускнеть и он исчезает. Интересно, что фантом заметно тяготеет к мюзикалам: его часто встречают во время таких спектаклей, как «Король и Я» и «Оклахома».

Так кто же этот бесстрашный любитель театральных хитов, которого однажды при всем параде заметили во время одного из воздушных налетов Второй мировой? В прошлом веке рабочие во время ремонта в театре обнаружили полый кусок стены, в котором был замурован скелет мужчины с кинжалом между ребер и кусочками истлевшей богатой материи, висящей на костях. Ходили слухи, что несчастный был заезжим богачом в Лондоне времен королевы Анны, который имел неосторожность увлечься одной из актрис, по всей вероятности, ответившей ему взаимностью. В результате

чего джентльмен и был заколот ее предыдущим любовником, а тело его оставалось замурованным на протяжении целых полсотни лет. Трудно сказать, так ли это было на самом деле, но одно можно утверждать наверняка: и сегодня найдется немало продюсеров и актеров, горящих желанием увидеть джентльмена в сером во время первого прогона спектакля — ибо у фантомного театрального любителя безупречный вкус, и всех их в таком случае ждет неременный успех!

Еще один лондонский театр, «Хеймаркет», чье роскошное здание было построено в 1821 году по проекту королевского архитектора Джона Нэша, может похвастаться привидением, которое тоже предвещает успешное шоу. На сей раз это довольно известная в лондонских театральных кругах личность: Джон Бакстоун, близкий друг Чарльза Диккенса и театральный менеджер «Хеймаркета» с 1853 по 1876 год.

*Театр Ее Величества, где уже более четверти века идет легендарный
«Призрак Оперы»*

Бакстоун имел замечательное чутье на театральные хиты: в его театре шли мелодраматические пьесы и фарсы, имевшие оглушительный успех в свое время — «Хеймаркет» не знал, что такое полупустой зал, пока Бакстоун был жив. Вероятно, желание отследить какой-нибудь очередной хит и заставляет легендарного Джона возвращаться в родные стены: несколько раз видели, как он наблюдает за представлением из королевской ложи, а иногда его голос слышится из старой гримерной.

Но если Бакстоун и после жизни все же занимается своим делом, то легендарный комик театра «Сэдлерз Уэллз» (Sadlers Wells) Джозеф Гримальди, столько лет смешивший публику на сцене, теперь все чаще ее пугает. Родившись в итальянской семье в Лондоне в 1778 году, Джозеф пришел в театр еще мальчишкой, изображая карликов в пантомимах, а позднее создал целое направление в клоунаде, сочетая буффонаду и драму. Гримальди блистал и на самых лучших сценах — в «Друри-лейн» и в королевском «Ковент-Гардене» — однако, скончавшись в 1837 году, Гримальди практически сразу же решил вернуться в свой первый родной театр. Его характерное лицо клоуна вдруг начало появляться то в одной, то в другой ложе во время представлений, пугая актеров, которые хорошо были с ним знакомы. Может быть, потому Гримальди так пытливо всматривается в новые лица на сцене, что пытается понять — смогли ли все же найти ему достойную замену в театре «Сэдлерз Уэллз»?

Мурашки бегут по спине и при встрече с привидением театра «Аделфи», хотя на сей раз это статный красавец в белых перчатках, однако на удивление скромный — долгое время никому не удавалось близко рассмотреть загадочного джентльмена, который начал появляться в стенах театра в начале прошлого века, во время правления Эдуарда VII, и его

происхождение оставалось неизвестным. Тайну удалось раскрыть только в 1950 году, когда одной из сотрудниц театра удалось повстречаться в коридоре лицом к лицу с местным привидением. Черты лица загадочного джентльмена отчетливо запечатлелись в памяти напуганной дамы — когда подняли архивы театра с фотографиями бывших актеров, она сразу же узнала одного из них — это был Вильям Террисс, знаменитый драматический актер Викторианской эпохи, который погиб от руки своего коллеги, психически неуравновешенного актера второго плана Ричарда Артура Принса. Успешный Вильям, любимец викторианской публики, блистал в пьесе «Секретная служба» вместе с Джесси Милвард.

Его роль была главной — все цветы и аплодисменты, признания в любви и нежные вздохи женской половины зрительного зала неизменно доставались ему, что вызывало бешеную зависть актера Принса, которому приходилось до-

Театр «Аделфи»

вольствоваться ролью второго плана. 16 декабря 1897 года Террис, как обычно, прибыл в театр на вечернее представление «Секретной службы». В тот момент, когда он открывал дверь, сзади к нему подскочил Принс и дважды ударил ножом в спину. Когда Террис обернулся и увидел нападающего, Принс ударил его ножом в грудь, попав прямо в сердце. Нечаянные свидетели трагедии, по ошибке принявшие первые два удара за дружеское похлопывание по спине, бросились на помощь Террису, но было уже поздно — спустя некоторое время актер скончался на руках своей партнерши по спектаклю Джесси Милвард. Услышав о его смерти, актриса Эллен Терри не удержалась от поистине театрального комментария: «Бедный милый Террис — я очень надеюсь, что он успел осознать, что был убит. Как бы ему это понравилось!» Принс же, в свою очередь, предстал перед судом, однако был признан сумасшедшим и, спустя 40 лет, умер в тюрьме «Бродмор».

Фантом Терриса можно повстречать и в районе лондонской станции метро «Ковент-Гарден» — именно этой станцией актер пользовался каждый день, добираясь таким образом до родного театра.

Компанию призрачным джентльменам составляет и красавица актриса XVIII века Сара Сиддонс, что жила на Бейкер-стрит, 228. В отличие от своих коллег, которые, как истинные мужчины, предпочитали работу дому, Сара, как истинная женщина, предпочитает появляться на том месте, где некогда находился ее дом, который, по-видимому, был ей очень дорог.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЛОНДОН

УАЙТХОЛЛ — ДВОРЕЦ-ПРИЗРАК

Воистину, дома и улицы Лондона буквально пропитаны воспоминаниями и полны призраков прошлого. Как никакой другой мегаполис, Лондон умеет сделать это самое прошлое зримым и осязуемым, а сам переход из прошлого в будущее почти незаметным, соединяя их в одно непротиворечивое целое. Наверное, во всем мире нет другого такого города, в котором было бы столько пересекающихся жизней.

Вот и улица Уайтхолл, соединившая Вестминстер и Трафальгарскую площадь, что сегодня известна своими правительственными учреждениями, когда-то гордилась роскошным дворцом Уайтхолл — основной резиденцией королевских династий Тюдоров и Стюартов.

А началось все в середине XIII века, когда архиепископ Йоркский, Вальтер де Грей, решил основать свою резиденцию в Лондоне между королевским дворцом в Вестминстере и Темзой. Йорк Плейс (York Place), так ее стали называть, разрасталась и становилась все краше и величественнее с каждым веком. Последним архиепископом, занимавшим резиденцию во времена Генриха VIII, был кардинал Уолси, отличавшийся экстравагантностью и обожавший роскошь. Посол Венеции в Лондоне отмечал в одном из своих посланий, что дворец архиепископа «имел окна на каждой стороне, выходящие на сады и реку... потолок великолепной работы, сделанный из камня с позолотой, а стены были украшены деревянными панелями с прекрасно вырезанными фигурами». Гордостью хозяина был и знаменитый винный погреб — оча-

ровательная комнатка со сводчатым 6-метровым потолком и четырьмя небольшими колоннами. В одном конце погребов некогда был грот, украшенный ракушками. Сейчас этот погреб находится на территории здания Министерства обороны — было время, когда его можно было увидеть и посетить, однако из соображений безопасности доступ к бывшему «винному раю» перекрыли.

Над погребом, по замыслу архитектора, располагался парадный зал: в 1529 году Йорк Плейс был одним из самых элегантных городских особняков в Европе, что не могло не привлечь внимания и не вызвать ревности Генриха VIII, все королевские резиденции которого казались карликами по сравнению с этим великаном. Еще до падения Уолси и печального завершения его политической и религиозной карьеры, Генрих положил глаз на Йорк Плейс, намереваясь превратить его в королевский дворец и создать резиденцию из двух частей, разделенных улицей Кинг-стрит (впоследствии Уайтхолл). Дворец на Набережной Темзы должен был выполнять функции апартаментов короля, в то время как территория к западу от дороги была отдана под спортивные сооружения и место для развлечений.

Еще юношей Генрих пристрастился к игре в теннис, любовь к которому унаследовал от своего отца, Генриха VII, в свое время построившего теннисные корты в шести своих дворцах, включая Виндзор. Сын пошел еще дальше — в одном только Уайтхолле приказал возвести четыре крытых теннисных корта: великолепные окна практически во всю стену, черное покрытие, на котором с удовольствием упражнялся сам Генрих в белой рубашке или черном бархатном френче, который сшили специально по его заказу. Придворные наблюдали за ходом матчей со специальной галереи, расположенной по периметру здания.

Рядом располагалась и аллея для боулинга, и плац для рыцарских турниров, и крытая арена для петушиных боев, так называемый Кокпит (Cockpit), к которой вела специальная галерея — ее кирпичные стены, некогда украшенные гобеленами, прекрасно сохранились и по сегодняшний день. Однако знаменитые теннисные корты сохранились лишь частично, да и зазорного стука мечей они не слышали вот уже более трех веков. В XVII веке король Яков I приказал перестроить два из них под резиденцию для своей дочери Елизаветы, а в 1663 году Большой Корт был превращен в резиденцию Джеймса, герцога Монмутского, незаконнорожденного сына Карла II. Правда, все, что осталось от резиденции сегодня — секция огромной стены бывшего корта и одна из четырех башен, которые некогда, как молчаливые стражи, обрамляли здание по краям, а также часть кухонь и подсобных помещений. Малые же теннисные корты, уцелевшие после пожара 1698 года, целых тридцать лет выполняли функцию Палаты Королевского Совета и Государственного Казначейства, пока в 1773 году на месте четырехэтажного особняка, возведенного по приказу Карла II для домашних спектаклей вместо бывшей арены для петушиных боев, не было построено новое, серебристо-серое здание по проекту архитектора Вильяма Кента. Сегодня на месте былых развлечений по адресу: Уайтхолл, 70, находится вполне серьезное учреждение — Cabinet Office, строительство которого началось в 1820-х годах.

Дворец Уайтхолл был некогда любимейшей резиденцией английских монархов. Именно здесь Генрих VIII увлеченно играл в теннис и раздавал милостыню беднякам на Страстной неделе, здесь он венчался с Анной Болейн, а их единственная общая дочь — королева-девственница Елизавета I — принимала многочисленных послов: увешанная драгоценностями, в платье с большим декольте, как носили все незамужние

Антониус Ван Дейк. Карл I с трех сторон

женщины, в рыжем парике, величественная, обожавшая лесть и восхваления. Здесь проводились дорогостоящие и эффектные представления только для знати, и преемник Елизаветы, шотландский король Яков I, предпочитал смотреть на акробатов и шутов, в то время как его жена, Анна Датская, обожала театр масок. Пожалуй, самым любимым ее спектаклем была «Маска ночи», в котором сама королева и одиннадцать красавиц-аристократок появлялись на сцене, сидя в огромной золотой раковине в роскошных одеяниях. При этом их лица и руки были покрыты черной краской, как у негритянок.

Их сын, Карл I, и его супруга Генриетта Мария продолжили семейную традицию. Среди тех поэтов, что писали стихи к постановкам в Уайтхолле, был сам Джонатан Мильтон, а знаменитый Иниго Джонс занимался декорациями и спецэффектами. Во время представлений использовалось

так много свечей, что король, беспокоясь за свою бесценную коллекцию живописи, приказал возвести отдельную постройку для проведения спектаклей, которая получила название Карнавального дома.

Самыми доступными для публики из всего, что осталось от некогда грандиозного дворца после того злополучного пожара 1698 года, когда одна из голландских прачек короля Вильгельма повесила сушить белье слишком близко к открытому камину и роскошный дворец был стерт с лица земли всего за одну ночь, являются так называемые Ступени королевы Марии, супруги Вильгельма Оранского, которые можно увидеть на территории Министерства обороны на Набережной Темзы. В 1691 году по приказу королевы к огромной стене дворца, выходившей на набережную, была пристроена терраса 70 футов шириной и 280 футов длиной с крытой галереей, к которой прямо с набережной вели ступени. Это позволяло королеве выходить из королевского катера и подниматься в свои апартаменты, не замочив при этом ноги.

Однако основной постройкой, некогда бывшей частью беспорядочного лабиринта внутренних двориков и зданий, составлявших дворец Уайтхолл и уцелевшей во время пожара, является Банкетный Зал (Banqueting House), примыкающий в настоящее время к зданию все того же Министерства обороны. Пожалуй, после Вестминстерского дворца Банкетинг Хаус можно назвать одним из самых красивых лондонских сооружений: великолепный фасад, отделанный портлендским известняком и потолки, расписанные великим Рубенсом.

Правда, сюжет росписи довольно своеобразный — художник динамично и с размахом изобразил встречу Якова I с древними богами античности. Здесь и богиня Минерва, и Геракл, и наследный принц Чарльз, будущий король Карл I, в виде маленького херувима, которого поддерживают могучие

аллегорические персонажи, в то время как его отец, Яков I, восседая на троне, указывает на него покровительственным жестом. По жестокой иронии судьбы этот маленький херувимчик, ставший впоследствии королем Британии, будет втянут в войну с Парламентом, проиграет решающую битву Оливеру Кромвелю и студеным январским днем шагнет на эшафот, возведенный на уровне нижних окон Банкетного Зала, через окно северной стены, как сквозь амбразуру.

Холодное утро 30 января 1649 года стало последним в жизни этого маленького, худенького, но невероятно упрямого английского монарха, твердо убежденного в том, что король — Божий помазанник и потому имеет полное право управлять государством без помощи какого бы то ни было парламента. В полдень он, приговоренный к смерти, вошел в пиршественную залу своего любимого некогда дворца Уайтхолл — совсем недавно она еще была полна веселья и смеха, льющейся музыки и грациозных силуэтов дам и кавалеров, кружащихся в танце. Теперь же по обеим сторонам ее в два ряда стояли мрачные, словно окаменевшие, солдаты парламентской армии. За стенами Уайтхолла вздымались волны народного моря — желающим посмотреть на казнь короля в Лондоне не было числа. Карл был готов умереть — он лишь боялся, что на январском морозце его проберет дрожь, и потому предусмотрительно попросил вторую рубаху — народ не должен был видеть своего короля дрожащим! И еще он хотел сам распорядиться собственной казнью: стоя у эшафота, король попросил полковника Геккера: «Позаботьтесь, чтобы мне не причинили боли», палачу же он сказал: «Я произнесу короткую молитву и разведу руки в стороны». Епископ Джаксон протянул королю белый атласный капюшон, под который он убрал свои длинные выющиеся волосы, обнажив тонкую белую шею. Вручив

Джаксону свой плащ и орден Святого Георгия с груди, Карл со словами «Помните...» опустился на колено, положил голову на плаху и обнял колоду руками. Палач зорко следил за движениями своей жертвы: короткая молитва — и Карл развел руки. Палач хорошо знал свое дело — несчастный король умер почти мгновенно. С тех пор на часах Уайтхолла появилась черная метка напротив цифры 2 — именно в это время скатилась на плаху голова короля.

По традиции, палач поднял в руке за волосы окровавленную голову очередного «государственного изменника», чтобы показать ее толпе — с той лишь только разницей, что на сей раз это была голова короля — помазанника Божия... Толпа, содрогнувшись, отозвалась глухим стоном — прорвав оцепление, многие бросились к подножию эшафота, чтобы омочить платки в еще теплой крови короля-мученика — именно так стали в народе называть Карла после казни. В день его похорон (король, которому пришили голову, нашел свое последнее пристанище в усыпальнице монархов в Виндзоре) пошел снег — для Лондона в конце зимы явление не слишком частое. Белые хлопья покрывали собой черный бархат катафалка, укрепляя веру очевидцев в том, что Карл был воистину невиновен: король-мученик, король — Святой, и его убийц настигнет кара Божия!

Интересные факты

Карл I подарил своему палачу золотую зубочистку, надеясь на быстрый исход дела — как бы там ни было, но палач дело свое знал — голова короля слетела с плеч с одного удара.

До сих пор точно неизвестно, кто был палачом короля, так как лицо его было скрыто капюшоном. Есть три версии:

Ричард Брэндон, лондонский палач — первоначально отказывался, но есть слухи, что признался в этом на смертном одре;

Уильям Хьюлетт, чья подпись стояла на смертном приговоре королю — был казнен после реставрации монарха;

Генри Вокер, торговец скобяными изделиями, позднее ставший писателем и журналистом и описавший казнь в своих заметках.

— На смертном приговоре королю стояло 59 подписей.

— Шейный позвонок Карла I, рассеченный топором палача, исчез с плахи и объявился несколько веков спустя, когда королева Виктория, к своему ужасу, обнаружила, что его использует в качестве солонки ее придворный хирург сэр Генри Хэлфолд.

И действительно, все в этом мире преходяще — пройдет десять лет и умрет его главный обвинитель и убийца Оливер Кромвель, с помпой провозгласивший себя Лордом Протектором и въехавший во дворец Уайтхолл в 1654 году. После смерти Кромвеля коронуют, как короля, и выставят на прощание на целых три месяца, однако мало кто в славном городе Лондоне проронит скупую слезу в день его похорон. Сын — его преемник — окажется еще более непопулярен, чем отец, и народ, истосковавшийся по монархии, призовет на царствие Карла II Стюарта, сына казненного короля, что войдет в историю как «Веселый монарх», несмотря на Великую чуму и Великий лондонский пожар, случившиеся во время его правления. Однако ничто не могло огорчить оптимистично настроенного Карла — ни отсутствие денег в казне, ни законных детей в браке с Катериной де Браганза — зато

Лондон был полон слухов о его любовницах, да подрастала армия бастардов — наполовину королевской крови. И вновь оживет Уайтхолл как семейное (и не только) гнездышко короля: знаменитый мемуарист Лондона Самюэль Пепис отметит в своем дневнике, что углядел во дворцовом саду повешенное сушиться нижнее белье одной из любовниц Карла — леди Кастлмейн (во дворце, по милости любвеобильного монарха, помимо его законной супруги проживали и две его любовницы, а также функционировал черный выход, ведущий прямо к реке — для куртизанок). Однако покорная

Памятник Оливеру Кромвелю у стен Парламента

жена прощала «невинные» шалости венценосного супруга, страдая от того, что сама она была не в состоянии подарить трону законного наследника. Но как бы беспечен и любвеобилен ни был «Веселый монарх», он не мог простить убийц своего отца.

И настал день отмщения — злополучного Кромвеля не оставили покоиться с миром. Ровно через 12 лет после того дня, когда душа Карла I вознеслась на небеса, оставив на эшафоте у Уайтхолла обезглавленное тело, Оливер — вернее то, что от него осталось, — был отправлен на свою казнь. Как предателя, его провезли задом наперед в телеге до Тайберна, где казнили через повешение, а затем расчленили — при этом голову окунули в смолу, чтобы выставить ее над Вестминстером, где она устрасала прохожих до тех пор, пока не была снесена сильным порывом ветра. Ходили слухи, что череп бывшего лорда-протектора подобрал некий солдат, спрятавший его в углу камина в собственном доме.

Тем не менее, спустя много лет, статуя лорда-протектора нашла свое почетное место у стен Парламента — идею отметить таким образом 300-ю годовщину со дня рождения Кромвеля высказал в 1890-х годах либеральный премьер-министр Лорд Розберри. Предложение это, однако, было встречено в штыки — против высказались ирландцы — в свое время Кромвель был к ним довольно беспощаден. Их поддержали английские коллеги — члены Парламента, припомнив Кромвелю казнь Карла I. В итоге лорду Розберри пришлось финансировать скульптуру самому: Кромвель стоит с мечом в руках и Библией, задумчиво склонив голову. Предполагают, что таким образом он пытается избежать обвиняющего взгляда Карла I, чей бюст взирает на него печальными глазами мученика с церкви Святой Маргарет напротив.

После смерти Карла I действительно начали официально почитать Мучеником — с самого момента реставрации монархии вплоть до 1859 года день его смерти 30 января считался днем соблюдения строгого поста, а традиция отмечать последнее воскресенье января парадом роялистского крыла Общества гражданской войны у бывшего дворца Уайтхолл сохранилась и по сегодняшний день.

История, мудрая дама, все рано или поздно расставляет по своим местам — всему есть место под солнцем — и Кромвель у стен Парламента, и бронзовый Карл I на Трафальгарской площади. Что символично — его памятник стоит на месте бывшего мемориального креста королевы Элеоноры и считается самой центральной точкой Лондона — от него, от Карла, начинается отсчет всех расстояний...

А над дворцом Уайтхолл все те же звезды в лондонском небе...

Небеса в сумрак ночи одеты,
И звездных дорожек вязь,
Вздыхают протяжно ветры,
Под крышей Уайтхолла ютятся.

Величественно молчанье —
Грозит поглотить меня,
И самого из печальных —
Раскоренованного короля.

Уверен теперь и спокоен —
В седле, как-никак, на века —
И ветры ночные треплют
Коня за крутые бока.

И нет ни толпы, и ни плахи,
От которой не убежать —
Ни второй, знаменитой рубахи,
Чтоб от холода не дрожать.

Ни двора с его пышным чином,
И ни дам с их кокетливым смехом,
И в печальных глазах — кручина,
Один на коне, в доспехах.

Ночь склонилась пред ним в реверансе,
Звезды блещут — ну чем не корона?
Горделивый упрямец, правитель
Роковой, без главы и без трона.

И все-таки триумфально
Над Лондоном он восседает:
Жертва, мученик или святой?
Лишь Господь это точно знает...

(перевод автора)

Дворец со всей его богатой и жутковатой историей, пополнивший ряды зданий-призраков сегодняшнего Лондона, тем не менее дал свое имя улице, на которую некогда выходил, — причем именно на Уайтхолле сосредоточены важнейшие правительственные учреждения: здесь находятся здания Адмиралтейства, Казначейства, Министерства здравоохранения, внутренних и иностранных дел, обороны, причем большинство из них располагаются в исторических зданиях с богатым прошлым.

Самым старым из государственных офисов, сгрудившихся на Уайтхолле, по праву можно признать здание Адмирал-

тейства. Построенное в 1726 году, оно выглядит похожим на частный особняк, хотя и возводилось целенаправленно для нужд Адмиралтейства на месте предыдущей постройки 1690-х годов — считается, что от нее в новом Адмиралтействе сохранилось лишь внутреннее убранство центральной комнаты для заседаний (Боард-рум): деревянные панели в стиле XVII века, солидная мебель, напольные часы, отделанные шпоном дерева грецкого ореха (все еще в прекрасном рабочем состоянии!), огромный красного дерева стол для заседаний необычной формы: один из его концов имеет вырез в виде полукруглой ниши. Вполне вероятно, что первоначально ниша предназначалась для секретаря, ведущего протоколы заседаний, однако в самом Адмиралтействе поговаривают, что ниша была вырезана в столе в 1870-х годах специально для сэра Джорджа Ханта, в то время исполнявшего обязанности Первого Лорда Адмиралтейства — дело в том, что господин Хант отличался животом довольно внушительного размера.

ДАУНИНГ-СТРИТ. В ГОСТЯХ У ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА

И все же особая достопримечательность района Уайтхолл — маленькая улица Даунинг-стрит, известная прежде всего тем, что на ней, в доме № 10, с середины XVIII века располагается резиденция и рабочий кабинет премьер-министра Великобритании. Интересно, что свое название знаменитая улица получила в честь господина Джорджа Даунинга — дипломата, шпиона и землевладельца, которого, по сути, можно считать американцем. Ребенком Джордж был вывезен родителями, недовольными слишком авторитарной властью монарха, в штат Массачусетс и был одним из первых студентов, окончивших Гарвардский университет. Однако

после того как Оливер Кромвель захватил власть, Даунинг решил вернуться на историческую родину и сделал неплохую политическую карьеру — он стал главным шпионом Кромвеля на Континенте в 1640-х и 1650-х годах. Однако каким-то образом в нужный момент он умудрился перевернуться на сторону опального короля и даже получить в награду титул рыцаря, а также право на аренду земельного участка вдоль южной стены королевского дворца Уайтхолл. После реставрации монархии Даунинг, объявив себя яррым роялистом, принялся усиленно застраивать свою землю сразу после того, как скончалась последняя жительница, занимавшая один из жилых домов на его территории.

К 1684 году, когда и самому Даунингу пришла пора отправиться к праотцам, на его земельном наделе было построено уже 15 домов. Когда, несколько лет спустя, сгорел

Дом № 10 по Даунинг-стрит...

дворец Уайтхолл, некоторые из этих домов были задействованы в качестве офисов, включая и знаменитый дом под номером 10. В 1732 году король Георг II предоставил просторный дом позади дома № 10, некогда построенный Карлом II для его незаконнорожденного сына графа Личфильда, в распоряжение Первого Лорда Казначейства. Сей высокий титул на тот момент принадлежал сэру Роберту Волполу, который, используя свое чрезвычайно сильное влияние на политической арене, и создал офис премьер-министра. С тех пор дом № 10, соединенный со своим соседом — ныне официальной резиденцией Канцлера Казначейства (министра финансов) посредством длинного коридора, стал ассоциироваться с премьер-министром (который, кстати, до сих пор официально именуется Первым Лордом Казначейства), а с 1877 года этот дом еще и выступает в качестве резиденции господина премьер-министра.

Интересные факты

— Знаменитая дверь Даунинг-стрит, 10, не всегда была черной — с 1908 по 1916 год она была выкрашена в темно-зеленый цвет.

— Старая деревянная георгианская дверь была заменена в 1991 году на пуле-бомбонепробиваемую металлическую дверь, которая выглядит, как деревянная.

— По традиции на дверь наносят пять слоев краски.

— Подлинная деревянная дверь хранится в музее Черчилля в Военных комнатах Черчилля.

— 53 премьер-министра проходили через эту дверь.

— Существуют две идентичные двери — на случай замены во время ремонта.

— В двери нет замочной скважины.

Узкий фасад скрывает 60 комнат — Комната Кабинета на первом этаже и парадные комнаты, где проходят банкеты и официальные приемы, этажом выше. Уайтхолл живет своей жизнью, на улице, нашпигованной государственными учреждениями, казалось бы все так официально и помпезно. И все же, в туманный и серый лондонский денек, нет-нет да и возникнет на тротуаре тень величественного некогда королевского дворца, с его домашним театром, садами, турнирными площадками и теннисными кортами, словно отзвук полузабытой мелодии из прошлого.

ЛОНДОН КОРОЛЕВСКИЙ

А что же современный Лондон, где до сих пор на улицах можно увидеть золоченую карету с королевой, принцем или принцессой? Где и чем живут сегодня особы голубых кровей? Давайте же попробуем ощутить дух королевского Лондона, окунуться в его официальную помпезность и парадную роскошь, щедро сдобренные леденящими кровь историями из бурного прошлого английской монархии.

ТАЙНЫ БУКИНГЕМСКОГО ДВОРЦА

Начнем, конечно же, с самой главной резиденции британской монархии — знаменитого Букингемского дворца в Вестминстере, известного в народе как «Бак Хаус», совсем неподалеку от Уайтхолла. В теплый летний денек одно удовольствие прогуляться к нему через знаменитый королевский парк Сент Джеймс с его очаровательными пеликанами, утками и гусями, озерами и плакучими ивами и удивительным спокойствием, разлитым в воздухе. Букингемский дворец едва ли можно назвать одним из красивейших замков, принадлежавших королевской семье. В нем нет ни величественности Виндзорского замка, ни романтичности викторианского Балморала, ни домашнего уюта Сандригема, словом, этот дворец далеко не самый впечатляющий. Однако для королевского рода Букингемский дворец стал местом, где вершились многие судьбы. Интересно, что многие обстоятельства складывались так, будто сам дворец был против того, чтобы на нем развевался королевский флаг.

Правда, изначально это был вовсе не дворец, а обычный особняк, построенный Джоном Шеффилдом, герцогом

Букингемский дворец

Букингемским во времена правления королевы Анны, причем свою городскую резиденцию герцог выстроил на месте бывшего публичного дома, пользовавшегося дурной славой. Впоследствии особняк чем-то очень приглянулся Георгу III (да и располагался он удобно — рядом с прежней официальной резиденцией — Сент-Джеймским дворцом), который и купил его за 28 000 фунтов у сына герцога для своей супруги королевы Шарлотты. Таким образом, в 1762 году дворец перешел в собственность королевской семьи и стал именоваться Домом Королевы — четырнадцать из пятнадцати детей Георга III появились на свет в его стенах. Но если Георг III был весьма неприспособлен к быту и равнодушен к роскоши и помпезности, то его старшего сына и наследника, экстравагантного Георга IV, простой и лаконичный внешний вид особняка совсем не устраивал. Он задумал превратить его во дворец, достойный своих богатых фантазий, которые

имели тенденцию слишком часто меняться, — придворный архитектор Джон Нэш, занимающийся реконструкцией дворца, по несколько раз переделывал свой проект. То Мраморная Арка, установленная при въезде на Молл, показалась Георгу слишком маленькой и непрезентабельной, и ее пришлось перенести на угол Оксфорд-стрит, то еще что-либо: в итоге Нэш под экстравагантным руководством Георга IV потратил на переустройство и реставрацию 600 000 фунтов стерлингов (примерно 50 миллионов по сегодняшним меркам), а основное здание Букингемского дворца получило еще два дополнительных крыла.

Сам Георг IV так и не успел с комфортом пожить во дворце из-за постоянного ремонта, а его брат Вильгельм IV, унаследовавший трон, говорил, что вообще ненавидит этот дворец, несмотря на то, что сам он родился в его стенах. Однако для того, чтобы отказаться от родового имения, нужен был благовидный предлог. И такая возможность представилась — в 1834 году в здании Парламента случился довольно сильный пожар, и Вильгельм решил предложить для заседаний Парламента свой дворец. Однако парламентарии отказались от этого подарка, во многом потому, что уже слышали о многочисленных недостатках дворца. В итоге благовидной причины избавиться от дворца не оказалось. Через три года король умирает, и огромный, неуклюжий, как белый слон, Букингемский дворец переходит во владение преемницы Вильгельма — его племянницы Виктории.

Как ни странно, очаровательная восемнадцатилетняя королева не имела ничего против того, чтобы жить во дворце. Кенсингтонский дворец, где она родилась и провела свое детство, казался ей мрачным и тесным, более того, ее мать, герцогиня Кентская, держала Викторию в ежовых рукавицах и делила с ней спальню чуть ли не до самой

коронации. Практически первое распоряжение, которое Виктория отдала по поводу переезда во дворец, касалось ее матери — ей отводились комнаты в противоположном крыле дворца.

После того как королева вышла замуж, дворец стал ее семейным гнездышком — большинство ее светлых воспоминаний было связано именно с Букингемским дворцом. Правда, по мере того как семейство королевы росло (Виктория родила Альберту девятирех детей), становилось все более и более очевидным, что в старом дворце явно не хватало места, например, для новых детских или гостевых комнат. Единственным решением проблемы было передвинуть Мраморную Арку, которая представляла собой парадный вход во дворец, и построить еще одно здание — четвертое крыло дворца, создав, таким образом, прямоугольник.

Переустройством дворца для королевы и ее семьи занялся любимый архитектор Виктории Томас Кубит. Сын корабельного плотника, который удачно вложил свои доходы от индийского вояжа в создание крупнейшего строительного бизнеса в Англии, он застраивает большую часть таких лондонских районов, как Блумсбери, Пимлико и Хайбери, превращая болотистые земли в элитные жилые кварталы. На его счету и строительство летней резиденции Осборн Хаус на острове Уайт для королевы Виктории и ее семьи. После его смерти благодарная королева писала, что «не было на земле еще лучшего, более добросердечного и простого человека, чем Томас Кубит». Архитектор вошел в историю и как автор самого длинного из когда-либо составленных завещаний, которое насчитывает целых 386 страниц! Интересно, что часть его состояния перешла по наследству и к одной из его прямых наследниц в XX веке — Камилле Паркер Боулз, супруге принца Чарльза и герцогине Корнуольской.

Интересные факты из жизни Букингемского дворца

— По приказу королевы Виктории в Букингемском дворце был построен Бальный зал: 36 метров в длину и 18 метров в ширину — самое большое на тот момент помещение во всем Лондоне.

— Королева Виктория имела обыкновение надевать фартук, занимаясь домашними делами во дворце, а также любила выводить свои инициалы VRI (*Victoria Regina I*) на пыли на мебели.

— Будучи рачительной хозяйкой и ради экономии бюджета в 1892 году королева Виктория распорядилась заменить туалетную бумагу в дворцовых уборных на простые газеты.

Тем не менее все еще было далеко до того, чтобы неуклюжую громадину дворца превратить в надежный и удобный для проживания королевский дом. В самом начале правления Виктории и речи не было о каком-то особом обеспечении королевской безопасности во дворце, не говоря уже о телохранителях.

Доходило до абсурда — четырнадцатилетний паренек по имени Эдвард Джонс три раза умудрялся проникнуть в Букингемский дворец и побродить по личным апартаментам королевы. Первый раз Эдварду удалось посидеть на троне, спрятаться под диваном в туалетной комнате королевы и прихватить в качестве трофея несколько вещичек из ее нижнего белья. Обнаружили его совершенно случайно. Представ перед судьей, Эдвард изо всех сил пытался убедить его, что хотел «только взглянуть на дворец, а потом написать о нем книжку». На его счастье, судья попался добрый, а адво-

кат умный, и мальчонку отпустили на свободу. Однако вскоре после этого Эдвард повторил свой «подвиг» — на сей раз его отправили в колонию на три месяца исправительных работ. Трудно объяснить логику его поступков, но и после такого наказания Джонса снова неумолимо потянуло во дворец — его поймали в картинной галерее, аппетитно поедающего холодное мясо и картошку, которые он стащил из королевской кухни. На сей раз приговор был более суров — три месяца тюремного заключения.

Пресса захлебывалась в предположениях — каким образом необразованный мальчуган мог проникать во дворец в любое время, когда ему хотелось, по его собственному выражению, «навесить Королеву»? Сам же парнишка утверждал, что с легкостью проникал во дворец через открытое окно нижнего этажа — причем иногда его принимали за трубочиста — то ли он так маскировался, то ли действительно не мылся.

После третьего визита Джонса власти всерьез обеспокоились — что, если и после трех месяцев заключения Эдвард продолжит свои подвиги? А дальше все было, как в плохом детективе: было решено похитить странного парнишку и переправить на борту какого-нибудь корабля подальше от Британии, в экзотическую Бразилию. Однако Джонсу удалось сбежать от подосланных агентов. Вторая попытка все-таки увенчалась успехом: Джонса заставили служить моряком в Королевском Военно-морском флоте — два раза он предпринимал попытки удрать, и каждый раз его возвращали на место, увеличив срок службы до 6 лет. Наконец, в 1848 году, Эдвард оказался на свободе, но упорно продолжал нарушать закон — в очередной раз пробравшись в чужой дом, он был пойман и отправлен как можно дальше от Британии — на сей раз в Австралию, где на какое-то время он и успокоился,

подрабатывая продавцом пирожков, и, наконец, нашел себе дело по душе — стал городским глашатаем в городе Перте.

Что самое интересное — в XX веке у Эдварда появился конкурент. В 1982 году ныне правящая королева Елизавета II проснулась в своей спальне ранним утром, почувствовав чье-то присутствие, — к своему ужасу, она обнаружила сидящего на ее кровати тридцатидвухлетнего безработного Майкла Фагана, уникальным образом проникнувшего во дворец и решившего пожаловаться королеве на свою горькую судьбину. Женщина удивительной выдержки и самообладания, королева занимала его разговорами и усиленно жала тайком на кнопку сигнализации до тех пор, пока не прибыла охрана.

Днем и ночью Букингемский дворец, как и другие королевские резиденции, охраняет Британская гвардейская дивизия, в которую входят два конных и пять пехотных полков. Все гвардейцы-пехотинцы носят красные мундиры и высокие медвежьи шапки из меха североамериканского медведя гризли, которые переходят от демобилизующихся солдат молодым призывникам и служат чуть ли не целый век, не представляя, таким образом, большую угрозу поголовью медведей. Тем не менее, по требованию защитников животных, Министерство обороны Британии регулярно пытается внедрить шапки из искусственного меха, правда, пока безуспешно — то слишком неопрятно выглядят эти шапки после дождя, то слишком жарко в них бедным солдатам. Да и канадское правительство, которое ежегодно выдает лицензии на отстрел 25 тысяч медведей, против перехода на синтетику — поголовье медведей-гризли в стране достигает нескольких сотен тысяч.

Охотятся на них и выделывают иктуры, в основном, канадские индейцы, которые тоже не горят желанием лишиться хорошего заработка.

Но вернемся все же в XIX век, к ее прапрабабушке королеве Виктории — после смерти принца-консорта Букингемский дворец казался ей пустой и мрачной клеткой, оставаться там стало для нее невыносимым, и королева все реже и реже стала приезжать в некогда любимый дворец...

22 января 2001 года, побив все рекорды как самый долго-правящий монарх, Виктория умирает в одной из своих самых любимых резиденций Осборн Хаус на острове Уайт, точнее сказать, «тонет, как огромный трехпалубный корабль», по меткому выражению своего старшего сына и наследника престола Берти, который становится королем Эдуардом VII. Прождавший трон большую часть своей жизни, постаревший

Гвардейцы возле дворца

Берти с энтузиазмом принимается за реформы — за десять лет своего правления он максимально меняет атмосферу дворца — первоначальный георгианский интерьер из искусственного мрамора, синего и розового ляписа уступил место кремовым и золотым тонам в стиле французской Belle Époque, которую Эдуард просто боготворил. Некоторые приемные покои были обставлены в китайском стиле мебелью из королевского павильона в Брайтоне и из Карлтон Хауса. В королевской же уборной по распоряжению короля были установлены целых три раковины в ряд — для мытья рук, для лица и для чистки зубов.

Однако король-бонвиван слишком любил жизнь во всех ее проявлениях и большую часть времени проводил вне официальных стен. Тем не менее 6 мая 1910 года он умирает именно в Букингемском дворце — единственный король, который и родился, и умер в этой резиденции.

К счастью, Букингемский дворец может гордиться рождением еще двоих королевских отпрысков в своих стенах: это наследный принц Чарльз и его брат принц Эндрю — дети ныне правящей королевы Елизаветы II. Более того, крестили принцев тоже во дворце — церемония была совершена архиепископом Кентерберийским в Музыкальной Комнате.

В настоящее время дворец явно не испытывает нехватки помещений: в распоряжении королевской семьи 775 комнат, включая 19 парадных апартаментов, 52 королевские и гостевые спальни, 188 комнат для персонала, 92 офиса и 72 ванный комнаты. Во дворце есть собственная почта, бассейн, столовая для персонала, кабинет врача и даже кинотеатр. Безусловно, все это великолепие требует большого внимания — во дворце проживают свыше 800 человек обслуживающего персонала — начиная от дворецких и экономок и заканчивая садов-

никами и почтальонами. Здесь можно встретить и кузнеца-специалиста по каминным решеткам, и часовых дел мастера, и портниху, которая по традиции штопает королевское белье, и двое служащих, которые каждую неделю заводят и поддерживают в порядке 350 часов во дворце. Однако мало кто знает, что под улицами Лондона тянутся секретные туннели, ведущие от Букингемского дворца к Вестминстерскому дворцу — ныне зданию Парламента.

А как же все-таки можно простому смертному увидеть королеву в неофициальной обстановке, если ты не Эдвард Джонс или Майкл Фаган? По правде говоря, для этого надо быть довольно богатым человеком — не каждый может позволить себе номер-люкс в отеле Хилтон неподалеку от дворца на 27 этаже за 4800 долларов в сутки. Зато из этого номера открывается прекрасный вид на частные сады Букингема площадью 17 гектаров. Есть здесь и площадка для вертолета, и искусственный пруд, и теннисный корт, а также 30 разных видов птиц и более чем 350 сортов цветов и кустарников. Настоящий оазис в суетном городе, где королева любит прогуляться со своими корги.

И недаром Ее Величество Елизавета II во время своего единственного официального визита в Москву привезла с собой шкатулку с семенами редких растений из Букингемских садов. Шкатулка предназначалась для подарка Наине Иосифовне, супруге президента Ельцина — видимо, кто-то из окружения королевы шепнул ей, что русские люди очень любят свои дачи.

— Если королева находится во дворце, над ним развевается королевский штандарт, если нет — поднимают британский флаг «Юнион Джек».

Знаменитые «приемы в саду» впервые состоялись во время правления королевы Виктории в 1860 году.

Каждый год в садах Букингемского дворца проходит три «приема», которые посещают около 10 тысяч приглашенных. На каждом приеме гостям предлагают 27 000 чашек чая, 20 000 сэндвичей и 20 000 кусков торта.

Все кусочки масла, подаваемые за завтраком в Букингемском дворце, отмечены королевскими инициалами.

В свою очередь, Букингемский дворец в качестве гостей посещают, согласно статистике, около 50 тысяч человек ежегодно. Счастливики удостоиваются чести быть приглашенными на официальные банкеты, ланчи и фуршеты, в том числе и на так называемые «садовые приемы». Во время официальных государственных визитов в самый первый день устраивается парадный банкет в Бальном зале, куда гости проходят через Восточную галерею. Среди 150 гостей за королевским столом — члены королевской семьи, политические лидеры, послы и дипломаты, выдающиеся люди. За свою долгую жизнь стены дворца повидали немало знаменитостей — начиная с музыкальных и литературных гениев и заканчивая политиками и звездами кино и эстрады.

В далеком 1764 году слышали они и игру восьмилетнего Вольфганга Амадея Моцарта — Георг III и его девятнадцатилетняя королева Шарлотта София радушно принимали у себя семейство Моцартов во время их гранд-турне по Европе. По словам Леопольда, отца Моцарта, «невозможно

было описать ту благожелательность, с которой Их Величества отнеслись к маленькому гению, — они были настолько непринужденны и дружелюбны в общении, что заставляли забывать о том, что перед вами Король и Королева Англии». Музикмейстер королевы, композитор Иоганн Христиан Бах, сразу оценил огромный талант ребенка и отнесся к нему по-отечески тепло, став и другом и наставником. Он мог беседовать с ним часами о музыке, либо же, посадив Вольфганга на колени, исполнял вместе с ним на клавишине сонаты: они играли по очереди по несколько тактов, и делали это с такой точностью, что создавалось впечатление, будто играет один музыкант. Вдохновленный Бахом, Моцарт сочинил в Лондоне свои первые симфонии, а королеве Шарлотте в январе 1765 года был преподнесен подарок — посвященные ей сонаты для скрипки, флейты и виолончели.

Бывали во дворце и Феликс Мендельсон с Иоганном Штраусом Младшим, и Чарльз Диккенс с Альфредом Лордом Теннисоном, и Джон Ф. Кеннеди, и Нельсон Мандела, и Нил Армстронг, и Лоуренс Оливье. Говорят, что Махатма Ганди в сандалиях и набедренной повязке чаевничал во дворце с королем Георгом V.

Однако тем, кого пока еще не пригласили на чай с Королевой, не стоит расстраиваться — к счастью, посетить парадные апартаменты дворца и полюбоваться шедеврами Рембрандта и Рубенса, северским фарфором, французской и английской эксклюзивной мебелью можно в течение нескольких недель августа и сентября, когда Ее Величество отбывает в законный отпуск в свою любимую шотландскую резиденцию Балморал. Елизавета II, хотя и проводит в Букингемском дворце

большую часть своего времени по долгу службы, каждые выходные с радостью покидает его стены ради загородного Виндзора, а в отпуске наслаждается цветущими вересковыми пустошами, чистейшим воздухом и родниковой водой горной Шотландии. Любит ее, пожалуй, так же сильно, как и ее прапрабабушка Виктория. А вот на Рождество все королевское семейство по традиции покидает Лондон и отправляется во дворец Сандригем, любимое детище короля Эдуарда VII. Может быть для того, чтобы случайно не повстречаться с печальным монахом в цепях — одним из привидений Букингемского дворца, который появляется здесь только раз в году — прямо в Рождество.

Дворец Сент-Джеймс

Скорее всего, привидение это совсем древнего происхождения, еще с тех самых времен, когда территория, на которой стоит дворец, принадлежала монастырю. Силуэт монаха не один раз видели на территории дворца. Он бродит по главной террасе, гремя цепями, и печально взирает на сад, расстилающийся внизу... Должно быть, при жизни монах был по каким-то причинам заточен в келье и от своих оков не может освободиться до сих пор. Законы Средневековья были настолько жестоки, что у осужденных не было даже возможности просить о пощаде — в те темные времена было практически невозможно добиться помилования. Возможно, монах, чья неуспокоенная душа бродит по замку, умер в одиночестве и мучениях много веков назад в день, в который теперь отмечается светлый праздник Рождества...

Второе привидение Букингемского дворца относительно недавнего происхождения, известно даже его имя — это майор Джон Гвинн, личный секретарь короля Эдуарда VII. Этот несчастный оказался замешанным в громком разводе, став практически изгоем в светском обществе, вдобавок его еще и отстранили от занимаемой должности. Бедняга не выдержал всех этих бед и застрелился. С тех пор из кабинета, где произошло самоубийство, время от времени слышатся хлопки, напоминающие выстрел револьвера.

СЕНТ-ДЖЕЙМСКИЙ ДВОРЕЦ ЗАЯВЛЯЕТ...

Еще один дворец был построен королем Генрихом VIII неподалеку от Букингемского на месте бывшего лепрозория — дворец Сент-Джеймс. Он абсолютно соответствует вкусу монарха — Генрих VIII ценил сочетание красоты, лаконичности, и, что самое важное, удобства. Более того, король самолично руководил строительством главного особняка.

Правда, в нынешнем дворце мало что напоминает об эпохе Тюдоров — разве что Главная надвратная башня из красного кирпича, выходящая на Сент-Джеймс-стрит да Придворная часовня, сооруженная в ознаменование краткого супружества Генриха и Анны Клевской с ее потолком, украшенным переплетающимся позолоченным орнаментом и расписанным инициалами членов королевской семьи — строительство часовни закончилось в 1540 году.

Именно в этой церкви Карл I в утро перед казнью принимал святое причастие — он предпочел провести последнюю ночь в Сент-Джеймском дворце, чтобы не слышать звука топоров работников, возводящих эшафот в Уайтхолле. Здесь же венчались Вильгельм III Оранский и Мария II, Георг III и королева Шарлотта, королева Виктория и принц Альберт, Георг V и королева Мария. Вокруг дворца был разбит один из самых красивых садов в Лондоне — парк Св. Джеймса. И так как Генрих VIII увлекался охотой, в парке даже разводили оленей.

— Сент-Джеймский дворец — это официальный адрес монархии. Все сообщения от королевской семьи начинаются со слов: «Сент-Джеймский дворец заявляет...»

Послы всех держав в Великобритании приписаны к Сент-Джеймскому дворцу, где их и принимает монарх.

Каждый день экипаж, запряженный лошадьми, доставляет почту из Сент-Джеймского дворца в Букингемский.

Сердце Марии Тюдор (Кровавой) погребено под хорами во дворцовой часовне, в то время, как ее тело покоится в Вестминстерском аббатстве

в одной усыпальнице со своей сводной сестрой, Елизаветой I.

Королева Елизавета I молилась в часовне дворца перед вторжением Испанской Армады в 1588 году — как известно, молитвы ее были услышаны.

10 февраля 1840 года в часовне Сент-Джеймского дворца венчались королева Виктория и принц Альберт. В Букингемском дворце до сих пор хранятся кусочки 136-килограммового свадебного торта со дня этой церемонии — экспонат представляет собой две маленькие коробочки из картона и серебра с надписью: «Букингемский дворец, 10 февраля 1840 года». В те времена обычай раздавать кусочки торта гостям в салфетках или коробках только входил в моду.

В наши дни во дворце, который, к сожалению, закрыт для публики, располагается резиденция герцога и герцогини Кентских, а также офисы других членов королевской семьи и лорда-гофмейстера, а к юго-западному крылу дворца примыкает уютный Кларенс Хаус, построенный в 1825 году для герцога Кларенского, будущего короля Вильгельма IV. Впоследствии он стал домом для матери королевы Виктории, герцогини Кентской, но наибольшую известность приобрел во второй половине XX века в качестве официальной резиденции Королевы матери Елизаветы — любимой бабушки всей британской нации.

Сегодня в нем проживает ее любимый внук, наследный принц Чарльз со своей супругой Камиллой. И только летом, когда Чарльз с Камиллой находятся на отдыхе в Шотландии, часть дворца открыта для публики, да и то только в составе организованных экскурсий.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ КЕНСИНГТОНСКОГО ДВОРЦА

Еще одна королевская резиденция Лондона, овеянная историями и легендами, — это Кенсингтонский дворец, который располагается в западной части Гайд-парка. Изначально известный как Кенсингтонский особняк, он был куплен в свое время Вильгельмом III Оранским и его супругой Марией II за 18 000 гиней по необходимости — Вильгельм с молодости страдал от астмы, а потому совсем не жаловал сырой Уайтхолл неподалеку от Темзы. Сразу после покупки король нанимает легендарного Кристофера Рена в качестве королевского архитектора, чтобы тот перестроил его во дворец и превратил в уютное семейное гнездышко для новобрачных.

Прежде всего, были разбиты прекрасные сады, выписаны сотни луковиц тюльпанов из родной Вильгельму Голландии,

Кенсингтонский дворец

а в парке начали разводить оленей. Марии так не терпелось переехать в новый дом, что она постоянно подгоняла Рена — в результате все работы шли в полной суматохе и спешке, а это, в свою очередь, не могло не сказаться на качестве строительства: на одном из участков стройки обвалилась крыша, и под ее обломками погиб один из рабочих. Сама Мария, оказавшись свидетелем этого происшествия, чудом не пострадала и восприняла это как предупреждающий знак — больше рабочих она не подгоняла.

Наконец, под Рождество 1690 года счастливые супруги переехали в перестроенный дворец, и Мария с удовольствием принялась за обустройство его внутреннего интерьера — появилась элегантная галерея, где были собраны лучшие работы фламандских и итальянских мастеров, а гости восхищались роскошной коллекцией фарфора, которую Мария собрала, живя в Голландии. И, хотя их семейное счастье было недолгим — Мария умрет от оспы, так и не оставив наследника, — почин был положен — Кенсингтонский дворец и сегодня тесно связан с монархией.

«Кей-Пи», как его называют в кругах, близких к королевским, был и тем самым местом, где родилась и провела свое детство королева Виктория, — эти комнаты можно посетить во время экскурсии по дворцу, здесь же, в красной гостиной, где сейчас продаются входные билеты, восемнадцатилетняя королева проводила первое заседание Тайного Совета. Кенсингтонский дворец служил поначалу и официальной лондонской резиденцией принца Чарльза и леди Ди. После развода Чарльз переехал во дворец Сент-Джеймс, Диана же осталась в Кенсингтонском дворце. Жаль, правда, что в покои в западной части дворца, где жила «королева людских сердец», туристов не пускают, зато здесь можно полюбоваться ее элегантными нарядами. Жила здесь и принцесса Маргарет,

младшая сестра Елизаветы II. Здесь и по сей день обитают члены королевской семьи — совсем недавно дворец стал лондонским домом очаровательной молодой семьи — принца Уильяма с супругой Кейт и наследником престола принцем Джорджем — настоящим любимцем всей нации. А вокруг дворца все так же шумят листвой Кенсингтонские сады, снуют очаровательные белки, царит покой и благодать...

Однако самые прекрасные сады Лондона хранятся в большом секрете. Они расположены совсем недалеко от прежнего дома принцессы Дианы, но их невозможно увидеть с Кенсингтон Хай-стрит — сады находятся на высоте 30 метров над землей, на крыше шестиэтажного дома. В 30-е годы XX века фантазия и инженерный гений архитектора Хэнкока помогли сотворить это чудо — сады на крыше «Дерри энд Томз»: викторианский, регулярный «испанский» и пейзажный, который часто называют английским. Пруды с лебедями, пальмы, розовые фламинго... Правда, за всем этим стоят титанические усилия — каждый год сюда через все здание приходится поднимать 7 тонн компоста и удобрений: глубина почвы садов на крыше составляет 3 метра, и корни деревьев приходится постоянно подрезать, чтобы они не проросли в расположенные под ними офисы. Несмотря на то, что Лондон известен своими дождями и туманами, естественной влаги здесь все равно не хватает — дополнительная вода поступает из ключей, которые находятся внизу здания.

Сейчас эти уникальные сады, где насчитывается около 500 различных пород деревьев и кустарников, а также рестораны «Сады Вавилона», входят в комплекс элитного клуба Руф Гарденз (Roof Gardens). Клуб, хоть и не королевский, — излюбленное место отдыха уважаемых лондонцев и гостей столицы.

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ РИЧМОНД. КАРДИНАЛ И ЕГО ХЭМПТОН КОРТ

Самый же большой в Лондоне олений парк расположен в его западном предместье Ричмонд — одном из любимейших горожанами мест для неспешных и приятных прогулок. Живописные берега Темзы, грациозные лебеди, плавно скользящие по глади воды, пасторальные пейзажи — можно понять британских монархов, которые предпочитали свои загородные резиденции шумному и пыльному центральному Лондону. На протяжении многих веков Ричмонд был излюбленным местом проживания английской знати — его часто называют «колыбелью богатей» — большинство резидентов округа заняты в сфере финансов или информационных технологий, дома здесь больше похожи на замки, а стоимость трехкомнатной квартиры вполне может превышать миллион фунтов стерлингов. И это неудивительно — при всей здешней пасторали до центра Лондона рукой подать — всего 19 с небольшим миль.

Но Ричмонду есть что предложить и простым романтикам — самый большой в Лондоне олений парк, Королевский ботанический сад, «Пейзаж влюбленных» — волшебное место на холме, возвышающемся над знаменитым Ричмондским парком, идеально подходящее для признаний в любви или предложений руки и сердца. А как еще может быть иначе, если с холма открывается захватывающий вид на Темзу, а с наступлением темноты в парке мириадами светлячков начинают мерцать разноцветные огни. Вероятно, солист Rolling Stones Мик Джаггер, чей дом стоит на этом самом холме, — тоже неисправимый романтик.

А если спуститься к реке, сесть на бархатную прохладную травку и философски наблюдать за неспешной игрой в крикет — любимым занятием местных жителей с середи-

ны XVII века? И за тем, как тает солнечный свет, а розовый шлейф заката делает Темзу волшебной. И как зажигаются фонари, словно лампы Аладдина, на открытых террасах прибрежных пабов. И, может быть, тогда, в наползающих сумерках, как мираж над Темзой, проявятся элегантные очертания некогда любимейшего дворца британских монархов.

Район, который в наши дни называется Ричмонд, первоначально являлся частью округа Шин (Shene). Известно, что норманнский король Генрих I какое-то время проживал здесь в своем поместье, а в 1299 году Эдуард I, «Молот Шотландии», перевел весь свой двор в Шин, сделав его, таким образом, одной из королевских резиденций.

Его сын, Эдуард II, потерпев поражение в битве при Баннокберне и проиграв Шотландию Роберту Брусу, основал в Шине Монастырь Кармелиток. После позорной смерти короля, его наследник, Эдуард III, совсем еще мальчишка, передал поместье своей матери Изабелле, а 50 лет спустя, после смерти своей супруги Филиппы, и сам решил основа-

Ричмондский дворец на Темзе. Гравюра-реконструкция 1765 г.

тельно им заняться. Король потратил более двух тысяч фунтов на обустройство резиденции в Шине, но умер в самый разгар работ в 1377 году.

Его внук, Ричард II, был первым английским королем, который сделал Шин основной и любимейшей резиденцией, но буквально два года спустя, после смерти своей обожаемой супруги Анны Богемской — она умерла в Шине от оспы в 28 лет — приказал стереть с лица земли дворец, который принес ему столько горя.

Однако Шин, как мифическая птица Феникс, упорно восставал из пепла — дворец был отстроен заново между 1414 и 1422 годами, уничтожен огнем во время пожара в 1497 году и вновь восстановлен уже по приказу Генриха VII в 1501 году. На сей раз дворец обрел не только новый облик, но и новое имя — Генрих приказал назвать его Ричмондским в честь резиденции его предков — Ричмондского Замка в Йоркшире. На какое-то время Ричмонд становится самым парадным королевским дворцом — из Лондона сюда переносятся торжества по случаю бракосочетания наследника престола принца Артура с испанской принцессой Екатериной Арагонской. В 1502 году во дворце состоялось обручение дочери короля принцессы Маргарет и Короля Якова IV Шотландского — этому браку будет суждено войти в историю как «союзу розы и чертополоха» и, в конечном итоге, привести к тому, что на английском престоле воссядет династия Стюартов. В 1509 году Генрих VII умирает в Ричмонде, а чуть позже, в тот же самый год, его сын, Генрих VIII, взяв в жены вдову своего брата, празднует свое первое королевское Рождество во дворце.

Буквально через год здесь же проходили пышные торжества по случаю крестин наследника — в 1510 году Екатерина Арагонская родила Генриху сына в Ричмондском дворце, но,

увы, месяц спустя мальчик скончался. Из шестерых детей, рожденных в этом браке, выживет только одна дочь — будущая Мария Кровавая.

Здесь же, в Ричмонде, в 1514 году начнет строить свой дворец и Лорд Канцлер Англии, Кардинал Уолси, которого называли правой рукой короля. Хэмптон Корт, такое имя он получит, на беду Уолси окажется более роскошным, чем дворец Ричмонд, и в глазах короля вспыхнет огонек ревности, из которого со временем возгорится пламя. Всемогуший Уолси, почувствовав охлаждение монаршей милости, передал его в дар Генриху VIII, но продолжал проживать во дворце до 1529 года. Однако король уже чувствовал себя здесь полноправным хозяином и руководил всеми строительными работами единолично. И если Уолси вдохновляли итальянские палаццо эпохи Ренессанса, то Генрих привнес в архитектуру дворца элементы мрачного средневекового зодчества, а также построил большой зал для своего самого любимого развлечения — игры в реал-теннис.

Последней каплей стало фиаско, которое Уолси потерпел при попытке добиться от Рима разрешения на развод короля с Екатериной Арагонской — благо ему удалось благородно умереть раньше, чем Генрих отдал приказ о его казни. С этого момента Генрих окончательно переселяется во дворец Хэмптон Корт, а Ричмонд становится местом ссылки для неудобных королей — сначала для самой Екатерины и ее дочери Мэри, пока Генрих поглощен своим романом с Анной Болейн, а позднее, при очередном разводе Генриха, дворец уходит к Анне Клевской.

Принято считать, что Хэмптон Корт был любимейшей резиденцией Уолси. Однако было нечто, что сильно омрачало его радость

*от обладания столь роскошным дворцом — это самое нечто имело восемь мохнатых лап длиной в два дюйма и называлось на премудрой латыни *Tegenaria parietina*, что означало особую разновидность крупных мохнатых пауков, обитающих, в основном, в континентальной Европе, Северной Америке и Азии и весьма редко встречающихся на Британских островах. Особенно колоритно они выглядели по вечерам, когда при неверном свете масляной лампы или свечи их мохнатое тело отбрасывало длинную ломаную тень на ковре. По какой причине именно эти пауки облюбовали Хэмптон Корт, и откуда они там появились, неизвестно, но вряд ли Уолси был рад такому соседству, потому как страдал арахнофобией. Зато разновидность этого паука получила в народе имя «кардинал», а позднее добавилась легенда о том, что это дух несчастного кардинала навещает под такой специфической личиной место своей бывшей славы.*

После смерти Генриха обе его дочери, и Мария, и королева-девственница Елизавета, проводили в Ричмонде львиную долю своего времени. Елизавета I больше всего любила Ричмонд в зимнее время — сюда переезжал весь королевский двор на Рождество и Масленицу, здесь давали представления лондонские театральные труппы, включая ту, в которой играл Шекспир. Здесь Елизавета наслаждалась охотой на оленей в огромном королевском парке, который существует и по сей день, и здесь же, в Ричмонде, она и умерла от пневмонии 24 марта 1603 года, оставив трон сыну своей кузины, Марии Стюарт, королевы Шотландии, казненной по ее же приказу за государственную измену. Яков VI Шотландский, став Яковом I Английским, оперативно распорядился дворцом, где

обручалась его бабушка, передав его своему старшему сыну Генри принцу Уэльскому в качестве загородной резиденции. Генри с воодушевлением принимается за перестройку дворца и перепланировку садов по последней континентальной моде, но умирает раньше, чем успел сделать что-либо основательное. Его брат, Карл I, не особенно интересуется архитектурой и строительством, а потому единственное, что он делает — продолжает собирать художественную коллекцию, которую начал еще Генри. Тем не менее именно в Ричмонде проходит детство королевских отпрысков до тех самых пор, пока не разразилась гражданская война.

После казни Карла I Ричмондский дворец был продан Парламентом вместе с большинством королевских резиденций по всей стране. Первое, что сделали новые владельцы территории, разделили между собой отдельные здания дворцового комплекса — что-то было сдано в аренду, что-то разрушено, а камень пошел на продажу как ценный строительный материал. К моменту реставрации монархии все, что уцелело от некогда любимейшей резиденции королей и королев, были только кирпичные постройки и Центральные Ворота.

Яков II, чьи дочери Мария и Анна, обе будущие королевы, по традиции росли в Ричмонде, принялся за реставрацию дворца под руководством Кристофера Рена, но его свержение и последующее отречение от трона положило конец начатой работе.

Его зять и победитель, Вильгельм Оранский, и его старшая дочь Мария предпочли Ричмонду уцелевший за годы республики Хэмптон Корт, несмотря на то, что Вильгельм считал его старомодным и поручил все тому же Кристоферу Рену обновить его в популярном на тот момент стиле барокко. Была начата масштабная перестройка дворца, переделан

южный фасад, но после преждевременной смерти Марии от оспы, Вильгельм охладел к этому проекту и замкнулся в себе. В 1702 году король, будучи в Хэмптон Корте, неудачно падает с лошади и ломает ключицу — виной всему оказалась кротовина, о которую и споткнулась лошадь. Поначалу Вильгельм не придает большого значения травме — в итоге развивается серьезное воспаление, и король умирает — с тех пор якобиты, сторонники свергнутого короля Якова II и его потомков, традиционно произносят тост за «маленького джентльмена в бархатном жилете, который сломал ключицу Вильгельму Оранскому». Более того, эта самая кротовина предстала в бронзе на памятнике Вильгельму в садах площади Сент-Джеймс.

Последним королем, который жил во дворце, был Георг II Ганноверский. К началу XIX века Хэмптон Корт пришел в запустение, однако в эпоху романтизма покои Генриха VIII были отремонтированы, а королева Виктория открыла дворец для публики. Посетители королевских покоев и по сей день могут насладиться антиквариатом, гобеленами и старинными картинами Мантенье и Рафаэля, прогуляться по розовому саду и регулярному французскому парку перед дворцом, который был разбит для Вильгельма III по образцу голландского Хет Лоо, полюбоваться самым старым виноградником в Англии времен Генриха VIII и, конечно же, поблуждать в огромном лабиринте площадью в 60 акров.

И не пугайтесь, если вдруг мимо вас вдоль коридора проскользнет печальная тень дамы в голубом — именно в платье такого цвета и фасона изображена Анна Болейн на парадном портрете, который до сих пор висит во дворце. Хотя повстречать ее вам вряд ли удастся — «самую счастливую», слишком быстро ставшую самой несчастной, давно уже не видели в коридорах дворца, чего не скажешь о Катерине Ховард —

ее юной кузине, очередной жене Генриха, «английской розе без шипов», как величал ее супруг до тех пор, пока в любимом дворце Хэмптон Корт не застал с Томасом Калпепером. Неосторожного любовника немедленно отправили в Тауэр, а Катерина дожидалась своей участи под домашним арестом. Юная королева была на грани истерики — ей было всего 19, и осознание того, что ей предстоит пойти по стопам Анны Болейн, сводило ее с ума. Единственной надеждой было увидеться с королем и вымолить у него прощение, но все попытки добиться аудиенции не имели успеха. Зная, в какое время Генрих молится в королевской дворцовой часовне, к которой ведет длинная галерея прямо от порога ее комнаты, Катерина решилась — распахнув дверь и вырвавшись из цепких лап стражников, она помчалась по галерее к закрытой двери часовни. Она колотила в нее кулачками, рыдая, и умоляла Генриха впустить ее, пока не подросла стража и не схватила

Сады Хэмптон Корта

ее, упирающуюся изо все сил и пронзительно голосящую. Ее крик долго звенел в ушах Генриха, неподвижно стоящего на коленях в часовне. С 13 февраля 1542 года — того самого момента, когда прелестная головка скатилась на плаху в Тауэре — минуло четыре с половиной века. Время от времени во дворце слышатся пронзительные крики, и фигура в белом с разметавшимися по плечам спутанными волосами вихрем проносится по длинной галерее, ведущей к часовне.

Здесь же во дворце родился и единственный сын Генриха — принц Эдуард, слабенький мальчик, который станет королем в 10 лет и умрет в пятнадцать. Здесь же на 12-й день после родов умерла и его мать — «бедная, милая, маленькая Джейн». Если она и навещает Хэмптон Корт, то всегда в неизменном виде — в белой ночной рубашке с горящей свечой в руке. Чаще всего Джейн проходит по галерее и спускается вниз по лестнице, причем пламя ее свечи всегда горит ровно, невзирая на дворцовые сквозняки.

И, наконец, самая частая гостья в Хэмптон Корте — это мистрес Сибил Пенн — кормилица и няня маленького принца Эдуарда после смерти его матери, Джейн Сеймур. В обязанности ей вменялось не только кормить и приглядывать за принцем, но и пряхть — одежки королевского малыша должны были быть из самого тонкого и мягкого полотна. Спустя несколько лет после смерти Эдуарда, его сводная сестра Елизавета, став королевой, решила щедро вознаградить кормилицу — ей выделили пенсию и резиденцию в Хэмптон Корте. В 1562 году и сама королева, и Сибил Пенн стали жертвой эпидемии оспы — Елизавета выжила, а пожилая няня скончалась. Похоронили ее со всеми почестями в церкви Святой Марии в Хэмптоне, и все было хорошо до тех пор, пока церковь не разрушили, а ее могилу не осквернили. Сибил — высокую фигуру в длинном сером плаще либо же

платье с капюшоном — неоднократно видели в гостевых спальнях, на теннисном корте, рядом с террасой парадного здания дворца, слышали звук прялки, сопровождаемый тихим бормотанием. В XIX веке семейство по фамилии Понсонби, проживающее в старых комнатах Сибил во дворце, пожаловалось, что им мешает спать громкий звук прялки — в результате поисков нашли замурованную комнату, в которой действительно стояла старая прялка.

Не столь часто, как Сибил, но все же навещает дворец и сам кардинал Уолси, что, в принципе, вполне объяснимо. Компанию ему иногда составляет неизвестный монах, собака на Королевской Парадной лестнице, фигура в одеянии священника и, предположительно, Дерхам и Томас Калпер — возлюбленные Катерины Ховард.

МИСТИЧЕСКИЙ ХЭМ ХАУС

Есть и своя зловещая тайна у особняка Хэм Хаус, который также находится в Ричмонде. Его история, правда, началась позже, чем у королевских дворцов Ричмонд и Хэмптон Корт, хотя дом и обязан им своим возникновением — приближенные короля почитали за честь селиться поблизости от его резиденций. Так в 1610 году на Темзе был построен дом для судьи королевского двора Якова I сэра Томаса Вавассора, следующим владельцем которого стал Уильям Мюррей — «мальчик для битья» принца Чарльза, сына Якова и будущего короля Карла I. Дело в том, что поскольку принцу предстояло стать королем — «помазанником» Божиим, применять к нему телесные наказания считалось недопустимым. Для этой цели и нужен был Уильям — маленький друг принца, компаньон в его играх и закадычный собеседник. Считалось, что принц, привязавшийся к своему другу, будет переживать,

видя его наказания. По горькой иронии судьбы, Карл, избежавший в детстве шлепков или порки, примет наказание пострашнее — плаху и остро отточенный топор.

Тем не менее за годы «битья» Мюррея мальчишки действительно подружились, чему немало способствовала общность интересов — на многие вещи в искусстве и архитектуре они смотрели одинаково. Став владельцем Хэм Хауса, Мюррей затеял грандиозную реконструкцию — между 1637 и 1639 годами были возведены Парадная лестница и целая анфилада роскошных помещений на первом этаже — Парадная столовая (сейчас Передняя галерея), Северная гостиная и Длинная галерея с примыкающим к ней кабинетом. Спустя несколько лет Мюррей, оставшийся верным своему королю и во время гражданской войны, был награжден титулом «граф Дайсарт» после реставрации монархии.

После смерти новоиспеченного графа в 1655 году и его титул, и Хэм Хаус переходят во владение старшей дочери Элизабет, которая к тому времени уже была женой баронета Лайонела Толлмэч, родившей ему без малого 11 детей — из них, правда, выжили пятеро. Элизабет слыла женщиной красивой, однако прижимистой и жестокой. Еще при жизни мужа начала встречаться с Джоном Мейтлендом, 1-м герцогом Лодердейла, за которого и вышла замуж во второй раз сразу после смерти супруга.

Лодердейл, в свою очередь, занимал высокий государственный пост и был одним из наиболее влиятельных министров Карла II. Супруги решили заняться перестройкой дома — положение обязывало. В итоге площадь Хэм Хауса увеличилась, а его облик приобрел черты палладианской виллы с роскошными интерьерами. Некоторая часть элементов интерьера, дорогие изысканные ткани, гобелены, мебель и коллекция живописи того времени дошли и до наших дней, хотя герцо-

гине и пришлось распродать часть имущества после смерти своего второго супруга.

После смерти же самой герцогини дом унаследовал ее старший сын — третий граф Дайсартский. Его наследники — четвертый и пятый граф — мало что изменили в облике дома, а вот шестой был патроном знаменитых художников Рейнолдса и Гейнсборо — именно при нем создается роскошная Желтая атласная спальня, а в интерьеры дома возвращаются вещи в стиле XVII века. Сложнее всего пришлось девятому графу — ему дом достался уже в плачевном состоянии — пришлось ремонтировать крышу, проводить электричество и отопление, реставрировать мебель. В настоящее время особняк находится в ведении Национального траста и открыт для туристов, которые могут не только полюбоваться старинными интерьерами, но и погулять по его классическим

Таинственный Хэм Хаус

аллеям с более чем 250 деревьями, вишневому саду, лавандовым цветникам, посетить старейшую в Британии оранжерею, ледник и маслобойню. А тем, кто любит острые ощущения и детективные сюжеты, предлагают поохотиться на привидений — ибо в том, что в Хэм Хаусе появляются призраки, сегодня уже мало кто сомневается. Первое упоминание об этом встречается в 1879 году — Август Хэе записал рассказ старого дворецкого: «В Хэм Хаус есть привидение. Сказывают, что шестилетняя девчушка, ночевавшая в одной из спален дома, проснувшись на рассвете, увидела маленькую старуху, которая скребла своим пальцем по стене рядом с камином. Услышав шорох, старуха оглянулась, подошла к спинке кровати и, схватившись за нее, уставилась на девочку тяжелым немигающим взглядом. Он был настолько ужасен, что бедняжка закричала от страха и закрыла лицо руками. Сбежались люди и, услышав рассказ, решили обследовать стену, по которой старуха царапала пальцем, — там оказались замурованы бумаги, которые доказывали, что в этой самой комнате Элизабет убила своего первого мужа, чтобы выйти замуж за герцога Лодердейла».

Истории с бумагами можно верить или не верить — доказательств не сохранилось, зато служащие Хэм Хауса регулярно видят следы шагов герцогини — как правило, в ее спальне, по направлению к камину. Говорят, что герцогиня ходит по дому и стучит своей тростью по ночам. Некоторые чувствуют запах табака в столовой и даже видят призрачную собаку герцогини — Кинг Чарльз кокер-спаниеля, который резвится на лестнице или в садах Хэм Хауса, исчезая в невесть откуда появляющемся тумане...

ТУМАННЫЙ ЛОНДОН ШЕРЛОКА ХОЛМСА

«Лондонские туманы не существовали, пока их не открыло искусство».

«В Лондоне слишком много туманов и серьезных людей. То ли туманы порождают серьезных людей, то ли наоборот — понять трудно, но те и другие действуют мне на нервы».

Оскар Уайльд

Действительно, какой же Лондон без дождя и тумана? Фирменный знак Лондона, его проклятие и гордость, великий злодей и чародей — на мягких кошачьих лапах он крадется по набережной, тянется шлейфом над улицами, стелется на порогах домов, забивается в горло и ноздри случайных прохожих. Да, это он покрывает преступления и сеет болезни, придает древнему городу сумрачную мощь и глубину, дарует вдохновение художникам и поэтам. Это его называли «лондонским особым», «городским плюмажем», «гороховым супом», «газообразными чернилами» и «лондонской разновидностью плюща».

До 1956 года, когда, наконец, был принят «Акт о чистом воздухе», запрещающий топить камин углем, он мог быть практически черным, «густой крошечной тьмой посреди дня», желто-серым, цвета горохового супа, или бутылочно-зеленым, «мрачного, насыщенного коричневого цвета, навещающим на мысль о невиданном пожаре», «коричневым, как умбровая краска», «испарениями оранжевого цвета» или «темно-шоколадной пеленой».

Неудивительно, что и фонари уличного освещения в Лондоне разного цвета — сливочно-белые, ярко-желтые, розовато-сиреневые — это отнюдь не прихоть горожан, просто лондонцы путем экспериментов пытались выяснить, какой цвет будет лучше всего виден сквозь туман.

Великолепный знаток Лондона, способный улавливать все оттенки настроения города-гиганта, величайший поэт его улиц, набережных и площадей Чарльз Диккенс подарил миру классическое описание тумана в своей «Рождественской песне в прозе»: *«Была холодная, унылая погода, да к тому же еще туман, и Скрудж слышал, как за окном прохожие сновали взад и вперед, громко топя по тротуару, отдуваясь и колотя себя по бокам, чтобы согреться. Городские часы на колокольне только что пробили три, но становилось уже темно, и огоньки свечей, затеплившихся в окнах контор, ложились багровыми мазками на темную завесу тумана — такую плотную, что, казалось, ее можно пощупать рукой. Туман заползал в каждую щель, просачивался в каждую замочную скважину, и даже в этом тесном дворе дома напротив, едва различимые за густой грязно-серой пеленой, были похожи на призраки. Глядя на клубы тумана, спускавшиеся все ниже и ниже, скрывая от глаз все предметы, можно было подумать, что сама Природа открыла где-то по соседству пивоварню и варит себе пиво к празднику».*

Неизгладимое впечатление производил лондонский туман и на иностранцев, особенно французов, привыкших к солнцу, ярким краскам и устойчивой погоде. Моне, например, считал его источником вдохновения, восхищался и проклинал одновременно. Весьма оригинально описывали Лондон своим современникам Артур Рембо и Поль Верлен, чьи имена о многом скажут любителям французской поэзии. Сбежав в британскую столицу в 1872 году после скандального рома-

на в Париже и поселившись на улице Роял Колледж-стрит в Кэмдене, они написали здесь несколько очень значимых поэтических произведений, хотя и жили в большой нужде. Здесь же произошел и злополучный эпизод с копченой селедкой, приведший, в итоге, к концу их бурных и весьма эмоциональных отношений.

Сам город им поначалу не понравился. Рембо называл его «абсурдным». Верлен с типично французским высокомерием укорял британскую столицу за то, что здесь негде было посидеть с друзьями за стаканчиком абсента: *«Ах, это не был воздух Парижа, веселый, легкий, бодрящий! Где вы, кафе на бульварах, уютные террасы, приветливый гарсон, всегда готовый пошутить и умеющий вовремя подлить капля за каплей студеной воду в молочно-белый абсент? Представьте себе плоского, черного клопа — это Лондон. Маленькие, мрачные домишки или высокие ковчеги в готическом и венецианском стиле, четыре-пять кафе, где еще можно кое-как утолить свою жажду, — и больше ничего».*

Однако лондонский смог, да еще под аккомпанемент нудного маэстро дождя, ничуть не хуже молочно-белого абсента, медленно, но верно проникал в сознание и дурманил и без того не слишком светлые головы. Довольно скоро в описаниях Лондона у Рембо появятся совсем другие ноты — восхищение, смешанное с ужасом. Что же касается Верлена, то сама атмосфера Лондона — туманная и неясная — была созвучна его поэзии.

Несмотря на то, что большие туманы всегда были отличительной чертой Лондона, принято считать, что знаменитую туманную мглу сотворил Лондон XIX века с его каминными трубами и угольным дымом. Десятилетием наихудших туманов стали 1880-е годы, а самым туманным месяцем всегда был ноябрь. Переменчивый и неуловимый «незнакомец

в сером пальто», приходящий ниоткуда и уходящий в никуда, пугал и интриговал одновременно.

«Все движения словно замедляются, кажутся вялыми и призрачными, приобретают размытость галлюцинации, — так писал французский журналист XIX века. — Уличные звуки приглушены, верхи зданий недоступны взору, о высоте их невозможно судить. Жерла улиц втягивают в себя, подобно туннелям, пешеходов и экипажи, которые, кажется, пропадают там навеки».

Вот он — бессознательный страх, вносимый туманом в самое сердце города, и неслучайно в рассказах о Шерлоке Холмсе, которые Артур Конан Дойл писал в Лондоне с 1887 по 1927 год, город преступлений и неразгаданных тайн — это большей частью город тумана. В самом же первом рассказе — «Этюд в багровых тонах» — вместе с главными героями на сцену выходит Он — его величество Туман: «над крышами висел серовато-коричневый полог, казавшийся отражением уличной грязи». В «Медных буках» туман помогает создать контраст между уютным беспорядком комнат на Бейкер-стрит и таинственным, полным скрытых угроз внешним миром: *«Было холодное утро начала весны; покончив с завтраком, мы сидели возле ярко пылавшего камина в нашей квартире на Бейкер-стрит. Густой туман повис между рядами сумрачных домов, и лишь окна напротив тусклыми расплывшимися пятнами маячили в темно-желтой мгле. У нас горел свет, и блики его играли на белой скатерти и на посуде — со стола еще не убрали».*

Лондон викторианских смогов был страстью великого сыщика, а его изучение — одним из его хобби. Порой он надолго уходил гулять, причем эти прогулки заводили его в самые глухие закоулки Лондона. Давайте и мы попробуем разобраться в лабиринте лондонских улочек и тупичков и отправимся по

следам великого сыщика всех времен и народов и его верного друга Ватсона. Однако, прежде чем окунуться в атмосферу викторианской и эдвардианской Англии и побродить по улицам, окутанным смогом, которого в Лондоне нет уже полвека, неплохо бы подкрепиться. Как насчет того, чтобы угоститься пинтой эля, супчиком «от миссис Хадсон» или «Дартмурским стейком» в пабе «Шерлок Холмс», который расположен на месте бывшей гостиницы «Нортумберленд», где, по сценарию Конан Дойла, останавливался сэр Генри Баскервиль, и где зловредный Стэплтон украл у него башмак, чтобы дать понюхать той самой «собаке Баскервильей». Теперь же комната наверху представляет собой копию гостиной на Бейкер-стрит, 221b, на завсегдатаев паба взирает превращенная в чучело голова вполне симпатичного блаухаунда (согласно повести, собака Баскервильей была помесью блаухаунда и мастифа),

Памятник самому известному сыщику

а посетители фотографируются в обнимку с восковой статуей гения дедуктивного метода.

Место действительно весьма атмосферное, можно даже сказать, аутентичное — часть вещей сюда переехала с выставки, организованной в доме на Бейкер-стрит вдовой писателя Джин Конан Дойл. Говорят, что в Англии существует традиция — все поступающие на службу в Скотланд-Ярд считают своим долгом заглянуть в таверну на Нортумберленд-стрит и пропустить там стаканчик-другой эля «Шерлок Холмс».

Воздав должное традиции, отправляемся на знаменитую Бейкер-стрит, 221б.

«На следующий день мы встретились в условленный час и поехали смотреть квартиру на Бейкер-стрит, № 221б, о которой Холмс говорил накануне. В квартире было две удобных спальни и просторная, светлая уютно обставленная гостиная с двумя большими окнами...»

«Этюд в багровых тонах»

Бейкер-стрит как резиденция великого сыщика была выбрана Конан Дойлом неслучайно — в детстве он с матерью однажды гостил у родственников в Лондоне, где посетил музей Мадам Тюссо с его Комнатой Ужасов, где на заинтригованного парнишку стеклянными глазами взирали знаменитые убийцы, а на булыжной мостовой навеки застыли несчастные жертвы Джека Потрошителя.

Шерлок Холмс и Доктор Ватсон жили в доме 221б на Бейкер-стрит с 1881 по 1904 год. Знаменитые 17 ступенек, которые как-то раз зачем-то подсчитал Шерлок Холмс, вели с первого этажа на второй, где располагалась гостиная, к которой примыкала спальня Холмса. Ватсон упоминал, что гостиная

выходила окнами на Бейкер-стрит и освещалась двумя большими окнами, хотя сама была довольна миниатюрной. Судить о размере комнаты можно было хотя бы потому, что однажды Холмс, выйдя из спальни, пересек комнату в два шага, чтобы задернуть шторы, в другом случае — некий крупный господин вошел в гостиную и тут же заполнил собой всю комнату.

Правда, в Викторианскую эпоху улица заканчивалась номером 80, так что создателям музея пришлось немного пофантазировать, где бы мог находиться дом миссис Хадсон: здание, в котором разместился музей Шерлока Холмса, некогда принадлежало строительному обществу «Эбби Нэшнл». Сам же музей великого сыщика, созданный предпринимателем Джоном Айдиниянцем, был торжественно открыт 27 марта 1990 года в доме под номером 239. Со всего мира в него приходило такое количество корреспонденции, адресованной знаменитому детективу, что общество было вынуждено задействовать одного из своих сотрудников в качестве секретаря Холмса, в обязанности которого входило отвечать на каждое письмо. Кстати, именно на деньги этой фирмы в 1999 году был установлен памятник Холмсу напротив входа в метро «Бейкер-стрит».

Аутентичный или не очень, но музей удался на славу: в прихожей старинные пожелтевшие газеты, датированные концом XIX века, визитки посетителей Холмса, котелок, цилиндр и зонтики. По скрипучей лестнице гости музея попадают в знаменитую гостиную — уютный камин, скрипка и трубка, легендарная кепка «диерсталкер» — клетчатая шапка с двумя козырьками, в которую обрядил Холмса на рубеже веков иллюстратор журнала «Стрэнд» Сидней Паже. На самом деле ни в одном из рассказов «диерсталкер» Конан Дойлом не упоминается, впрочем, как и знаменитый «плащ-крылатка». Оказывается, в городе излюбленной одеждой

сыщика был твидовый костюм, оттененный белоснежным воротничком и неизменной «бабочкой».

Здесь же и револьвер Ватсона, патриотический вензель королевы Виктории, составленный Холмсом из пулевых пробоин в стене, передник миссис Хадсон. Рядом — спальня великого сыщика с его халатом и твидовым костюмом, сиротливо висящими рядом с железной кроватью, картотека и инструменты детектива.

Выше — аккуратный кабинет доктора Ватсона, музей с восковыми фигурами — героями шерлокианы, тростью профессора Мориарти и механической игрой «Собака Баскервилей». Еще выше, практически на чердаке — санитарная комната с трогательными раковиной и ночной вазой из белого фаянса с голубыми розочками.

Внизу, на цокольном этаже расположен ресторан «У миссис Хадсон», а рядом — магазинчик сувениров для любителей шерлокианы.

Давайте теперь пройдем по улице Мерилебоун на восток от Бейкер-стрит и свернем направо, на улицу Девоншир. Здесь, на маленькой Девоншир-плейс, стоит дом под номером 2. В 1891 году в его стенах размещалась приемная молодого доктора — офтальмолога Конан Дойла, переехавшего в столицу из сонного провинциального Портсмута, который, скучая в ожидании редких пациентов, прямо в кабинете писал свои первые рассказы. Хорошо зная эти места, он часто описывал прогулки своих героев по близлежащим улицам. Трудно сказать, из этого ли дома или из другого родом знаменитый стул Конан Дойла, сидя на котором он писал свои рассказы о Шерлоке Холмсе — тем не менее стул сохранился и является ценной реликвией Спиритуалистического общества Британии, чья штаб-квартира располагается по адресу Белгрейв-сквер, 33. Как известно, писатель к концу своей

жизни стал убежденным спиритом, так что, думается, возражать против Белгрейв-стрит он бы не стал.

Однако для Шерлока Холмса Дойл поначалу выбрал в Лондоне другое место проживания:

«Когда я впервые приехал в Лондон, я поселился на Монтегю-стрит, совсем рядом с Британским музеем, и там я жил, заполняя свой досуг — а его у меня было даже чересчур много — изучением всех тех отраслей знания, которые могли бы мне пригодиться в моей профессии»

«Обряд дома Месгрейвов»

Верный же друг и соратник Шерлока, доктор Ватсон, съехав с Бейкер-стрит, переселился, как ему и было положено, в район врачей. Если пройти по знаменитой улице врачей Харли-стрит до ее пересечения с Куин-Энн-стрит, то можно увидеть дом под номером 9, где и проживал доктор Ватсон. Этот район упоминается в «Голубом карбункуле», «Постоянном пациенте», «Долине ужаса». От дома Ватсона не так уж далеко и до Портленд-плейс, ведущей к отелю «Лэнгхэм».

По случаю открытия этой роскошной викторианской гостиницы в 1865 году был устроен грандиозный банкет, на котором среди двух тысяч именитых гостей был сам принц Уэльский, будущий король Эдуард VII. «Лэнгхэм» быстро завоевал репутацию элитной гостиницы и вошел в историю еще и тем, что дал путевку в жизнь двум знаменитым произведениям конца XIX столетия: во время своего визита в Лондон в «Лэнгхэме» останавливался господин Джозеф Стоддарт, издатель американского журнала «Липпинкотт», который имел хождение и в Англии. Среди тех, кого издатель развлекал за обедом в гостинице, были Артур Конан Дойл

и Оскар Уайлд, после чего Стоддартом были напечатаны «Знак четырех» и «Портрет Дориана Грея».

Артур Конан Дойл, подтверждая элитную репутацию «Лэнгхэма», сделал его тем местом, где останавливался король Богемии («Скандал в Богемии») и капитан Морстен («Знак четырех»). Сегодня, как и прежде, пятизвездочный «Лэнгхэм Хилтон» — престижное и дорогое место, где роскошный многокомнатный номер «Конан Дойл» обойдется посетителю примерно в 700 фунтов за ночь.

Первая штаб-квартира прославленной лондонской полиции, откуда к знаменитому сыщику за помощью неоднократно являлся Лестрейд, располагалась недалеко от правительственной улицы Уайтхолл, в переулке за пабом «Кларенс», в районе которого немало памятных мест, связанных с Шерлоком Холмсом. В 1890 году доблестные полицейские переехали на Набережную Темзы в Новый Скотланд-Ярд —

Экспозиция в музее Шерлока Холмса

классическое красно-белое викторианское здание недалеко от Парламента. Правда, сорок лет назад лондонская полиция вновь сменила адрес: «Отдел Расследования Преступлений» переселился в новое, современное здание, однако в старинном доме на Набережной Виктории по-прежнему размещается знаменитый «Черный музей» орудий преступлений. Именно там хранится скрипка убийцы Чарльза Писа, которого Холмс называл «мой старый приятель».

Продолжая прогулку по Набережной, мы выходим прямо к самому древнему лондонскому обелиску — загадочной «Игле Клеопатры». Кто знает, какие мысли посещали Конан Дойла, а значит, и его «второе я» — Шерлока Холмса — при виде горделиво возвышающейся, но бесконечно одинокой гостии из солнечной Александрии — излюбленного места лондонских самоубийц. Кажется, монумент, мокнувший под бесконечными лондонскими дождями, до сих пор мечтает о жарком солнце Египта.

Гигантский обелиск высотой более 60 футов и весом около 186 тонн был вырезан из розового гранита в 1475 году до н.э. Тысячи миль разделяют солнечный Египет, где некогда «Игла Клеопатры» — один из двух идентичных обелисков — стояла перед входом в храм, и туманный Альбион, куда занесла его судьба в лице Мухаммеда Али, турецкого вице-короля Египта, вознамерившегося подарить обелиск Британии в 1819 году.

Правда, долгое время обе стороны не знали, как же перевезти подарок в Англию — еще целых шестьдесят лет «Игла Клеопатры» провела в песках Египта, пока в 1877 году генерал сэр Джеймс Александр не распорядился погрузить его на железный понтон и отправить в Лондон при помощи корабля «Клеопатра». Однако первая попытка не увенчалась успехом: во время шторма в Бискайском заливе понтон перевернулся, и «Игла Клеопатры» затонула. Шесть моряков, пытавшихся

спасти ее, заплатились за это жизнью — на мемориальных табличках, украшающих основание обелиска, перечислены их имена, а также изображены драматические сцены его спасения. И все же команда капитана Джона Никсона сумела достать обелиск со дна, благополучно доставив его в Лондон.

Первоначально планировалось установить «Иглу Клеопатры» прямо перед зданием Парламента. Можно только представить себе, сколько интереснейших историй, замешанных на политических интригах, мог бы подслушать монумент, горделиво возвышаясь под самыми окнами столь важного лондонского заведения. Трудно сказать, что же помешало выполнению первоначального плана — может быть, парламентарии невольно опасались той мистической ауры, издаваемой обелиском, словно привезенной вместе с ним из загадочной страны фараонов. В 1878 году «Иглу Клеопатры» установили вниз по Темзе на Набережной Виктории, торжественно заложив под его основание «капсулу времени»: в ней находятся газеты, датированные тем самым днем, когда устанавливали обелиск, четыре Библии на разных языках, портрет королевы Виктории, портсигар, полный набор британских монет того года, копия Альманаха Витакера 1878 года, железнодорожное расписание, коробочка со шпильками и фотографии двенадцати самых красивых женщин Британии.

«Игла Клеопатры», охраняемая двумя львами, кажется холодной, неприступной и одинокой — возможно, она до сих пор тоскует по солнечному Египту и обелиску-близнецу, который сегодня находится в Центральном парке в Нью-Йорке. Неудивительно, что с ее мистической аурой «Игла Клеопатры» стала одним из любимых мест лондонских самоубийц, предпочитающих бросаться в темные воды Темзы именно с этого места. И не стоит приближаться к туманной и расплывчатой фигуре на парпете, замершей в нерешитель-

ности, если вдруг вы там ее случайно застали — она тут же сорвется в воду — причем полупрозрачное тело исчезнет еще до того, как коснется темной глади Темзы. А вот второе привидение пугает своей наготой — оно внезапно выныривает откуда-то из теней и бросается в реку, однако и на этот раз никакого всплеска услышать не удастся.

Погрузившись в нелегкие думы о судьбе лондонских самоубийц, все по той же Набережной Виктории мы достигаем железнодорожного моста, по которому идут поезда на вокзал Черинг-Кросс. Викторианское здание вокзала, построенное в 1864 году, напрямую связано с великим сыщиком и его верным другом Ватсоном: именно с Черинг-Кросс друзья отбывали на ряд расследований («Убийство в Эбби-Грейндж», «Пенсне в золотой оправе»). Рядом с вокзалом на площади стоит одноименный отель «Черинг-Кросс», в фойе которого Холмс разоблачил опасного шпиона Гуго Оберштейна («Чертежи Брюса-Партингтона»).

Однако работа работой, а Холмсу и Ватсону не чужды были и простые человеческие радости, одной из которых было понежиться в парилке знаменитых в свое время Турецких Бань в переулке Крейвен-Пэссэдж слева от здания вокзала («Знатный клиент»). Правда, в наши дни сохранился лишь вход в женское отделение, а тот, которым пользовались великий сыщик и его друг, давно сломали.

Не отказывались наши герои и вкусно перекусить, например, в ресторане «Симпсон на Стрэнде» (Simpson's), завсегдатаями которого они являлись. И в наши дни «Симпсон» — неотъемлемая часть Лондона с 1828 года — позволяет вам думать, что вы попали в элитное викторианское общество. Темная дубовая обшивка стен, сияющий хрусталь, вышколенный персонал и замечательный ростбиф или йоркширский пудинг — необходимо только забронировать

столик заранее, а джентльмену облачиться в галстук для парадного ужина.

Кстати, здесь же, на Стрэнде, в доме № 418, располагался и знаменитый обувной магазин, где покупал ботинки Генри Баскервиль.

Любила знаменитая парочка и неспешно прогуляться по центру Лондона, например, от Пиккадилли вниз до Стрэнда в сумерках, когда зажигаются фонари, кэбы выгружают се- доков, а зрители спешат на вечерние представления в много- численные театры, расположенные в этом районе.

«Был душный пасмурный октябрьский день, к вечеру, однако, повеяло прохладой.

— А что, если нам побродить по Лондону, Ват- сон? — сказал мой друг.

Сидеть в нашей маленькой гостиной было невоз- мотно, и я охотно согласился. Мы гуляли часа три по Флит-стрит и Стрэнду, наблюдая за калейдоскопом уличных сценок».

Прогуляемся и мы по Стрэнду до улицы Флит-стрит, веду- щей в финансовый и деловой центр Лондона — район Сити. Вот это, пожалуй, единственное место в городе, которое самым радикальным образом изменилось со времен Конан Дойла. Где те самые милые сердцу тенистые дворики и переулочки, в одном из которых проживал рыжеволосый Джабез Уилсон из «Союза рыжих»? Вместо викторианских домиков над нами нависают стеклобетонные громады офисных зданий и банков — стильный и причудливый дизайн, спящие бес- конечные окна, в которые кокетливо смотрится лондонское солнце — желанный гость в серых каменных джунглях. Банк, в который вел подкоп из дома Джабеза Уилсона злодей Джон

Клей, располагался на соседней улочке Фарингтон-стрит, спустившись по которой до набережной Темзы, мы пройдем до Лондонского моста, где во времена старины Холмса находился зловещий опиумный притон «Золотой самородок», описанный в «Человеке с рассеченной губой». Правда, что-либо зловещее здесь, по крайней мере, солнечным днем найти сложно, а вместо притона — в лучшем случае вполне безобидный паб.

И раз уж мы оказались в Сити, то логично было бы закончить нашу экскурсию по Лондону Шерлока Холмса в районе собора Святого Павла — следуя указателям, добираемся до госпиталя Святого Варфоломея, где состоялась историческая встреча наших героев. Там, на стене химической лаборатории, висит бронзовая мемориальная табличка: «В день Нового, 1881 года на этом месте были произнесены бессмертные слова: “Я вижу, Вы жили в Афганистане”, — которыми мистер Шерлок Холмс приветствовал доктора Ватсона во время их первой встречи».

Церковь Святого Варфоломея

А рядом — знаменитая церковь Святого Варфоломея, в которой в фильме «Шерлок Холмс» Гая Ричи снимали подземелье церкви Святого Петра. Для пущей затхлости здесь все засыпали искусственной пылью, которую потом два дня вычищала бригада строительных уборщиков.

Пожалуй, Св. Варфоломей — один из немногих храмов Англии, где до сих пор идут службы и проводятся венчания и в то же время так терпимо относятся к киношникам. В «Елизавете: Золотой век» в подвальной ризнице церкви допрашивали Марию, королеву Шотландскую, а казнили ее наверху, в молельном зале. Тут судили и Анну Болейн («Еще одна из рода Болейн») и успешно завершали свадьбу («Бриджет Джонс: грани разумного»). И все же, несмотря на то, что киношники не очень-то и церемонятся, выбирая места для съемок очередного сериала про Шерлока Холмса, есть, конечно, и классика — роскошный ресторан «Крайтерион» (Criterion) с позолоченными интерьерями, в баре которого Ватсон впервые слышит о Холмсе, и по сей день стоит на Пикадилли. «Стрэнд» по-прежнему расквартирован в том же здании на Стрэнд-стрит. Здание рынка Ковент-Гарден, где в «Голубом карбункуле» покупают гуся с камнем в зобе, никуда не переехало, правда, гусей там нет, как, впрочем, не было там и во времена Холмса и Ватсона.

На месте и знаменитая Музейная Таверна, что прямо напротив Британского музея на Грейт Рассел-стрит (Great Russell Street). Правда, у Конан Дойла в рождественской истории «Приключения голубого карбункула» это паб, но и в XXI веке все те же газовые фонари и обшитые деревом стены.

«Был морозный вечер, и нам пришлось надеть пальто и обмотать себе шею шарфом. Звезды холодно сияли на безоблачном,

ясном небе, и пар от дыхания прохожих был похож на дымки от пистолетных выстрелов. Четко и гулко раздавались по улицам наши шаги. Мы шли по Уимпол-стрит, Харли-стрит, через Уитмор-стрит, вышли на Оксфорд-стрит и через четверть часа были в Блумсбери, возле трактира “Альфа”, скромного заведения на углу одной из улиц, ведущих к Холборну. Холмс вошел в бар и заказал две кружки пива красного цвета. Мы сидели в трактирщице в белом переднике.

— У вас, надо полагать, превосходное пиво, если оно не хуже ваших гусей, — сказал Холмс.

Читая рассказы Конан Дойла о Шерлоке Холмсе, невозможно отделаться от ощущения, что связь между воображаемым миром писателя и миром реального Лондона невероятно сильна. В своих произведениях Дойл использовал реальные названия мест, подробно описывал каждый изгиб и поворот маршрута. Его романы — во многом путеводители по викторианскому Лондону — таинственному, окутанному смогом, гигантскому и непостижимому.

Да Лондон и сам — воистину великая книга, названия глав которой — это имена улиц и площадей, монументов и станций метро. Гулять по Лондону, внимательно вглядываясь в таблички с названиями мест — увлекательная игра в лингвистические шарады, когда можно попутешествовать практически по всему миру, не выезжая за пределы британской столицы, ибо часть этого мира в свое время прибило к берегам Темзы, и он осел на Женева Роуд, Гибралтар Вок (Walk), Прага Рлейс, Иерусалим Пэсидж, Конго Роуд, Нью Орлеан Вок и даже на Арктик Стрит, Рашн Роу, Москоу и Питерсбург Роуд.

ЛОНДОН РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В Лондоне действительно есть немало мест, названия которых связаны с Россией: например, Woronzow Road получила свое звучное название в честь графа Семена Романовича Воронцова, представителя русского двора в Великобритании с 1785 по 1806 год. Считается, что именно ему обязана Россия предотвращением войны между Россией и Британией, когда та намеревалась вмешаться и остановить Россию в ее борьбе с Турцией. Воронцов развернул широкую пропагандистскую деятельность, поддерживая оппозицию, выступая в газетах, издавая брошюры, и сумел в итоге убедить британское правительство, что война с Россией будет чрезвычайно невыгодна Британии.

Улица же Russian Row получила свое название после Наполеоновских войн, когда Александр I на правах победителя прибыл в Британию в 1814 году. Его ожидал восторженный прием и роскошная гостиница в центре Лондона на Пиккадилли, которую Александр отказался променять на королевские апартаменты во дворце по одной забавной причине — в гостинице были установлены первые новомодные ватерклозеты, в то время как в громоздких древних дворцах все еще жили «по старинке».

Одним из самых первых гостей Лондона из далекой России был, как известно, Петр Великий, который прибыл в Англию в январе 1698 года и провел целых четыре месяца в Дептфорде на берегу Темзы, познавая секреты и премудрости английского искусства кораблестроения в королевских доках.

Как раз во время этого визита по просьбе короля Вильгельма III, желавшего сделать приятное гостю из России, знаменитый художник Кнеллер и написал одну из своих самых извест-

ных работ — портрет Петра Великого, что не раз потом был воспроизведен в гравюрах. Оригинал картины и по сей день можно увидеть в Галерее Королевы в Кенсингтонском дворце, в то время, как копия работы Белли находится в Эрмитаже.

На портрете двадцатишестилетний царь изображен в блестящих доспехах на фоне морской баталии. С решительным и немного дерзким взглядом, стройный и импозантный, он выглядел как воплощение просвещенного европейского монарха. Царь, что удивительно, отказался от гостевых королевских апартаментов, навестив Вильгельма III в Кенсингтонском дворце с визитом вежливости, а сам остановился в доме известного английского писателя, мемуариста и садовода Джона Эвелина, который с радостью вручил Петру ключи от своего уютного дома в Деттфорде со словами «мой дом — ваш дом» и удалился, чтобы не мешать своим присутствием. Надо сказать, что Джон плохо знал своего высокородного гостя, ибо, вернувшись в родные стены, он нашел их в весьма плачевном состоянии, что, в принципе, доказывало только одно — царь там быстро освоился и хорошо провел время. В результате — практически каждое второе окно в доме было разбито, замки сломаны, ценные картины изрешечены пулями, а кресла и лестницы из благородного дерева пошли на дрова. И в довершение ко всему, уникальные кусты остролиста, которые Эвелин любовно взращивал целых 20 лет, были похожи на бурелом — после бурных возлияний Петр и его друзья развлекались тем, что катали друг друга на садовых тележках, а потом с хохотом сбрасывали в колючий кустарник. Эвелину

оставалось только с грустью констатировать, что ему было бы проще взорвать дом динамитом, чем привести его снова в божеский вид.

Бывал в Лондоне и Николай I — первый раз он посетил британскую столицу, будучи еще великим князем, и произвел неизгладимое впечатление на лондонский свет, второй раз, в 1843 году, прибыл в Лондон уже в качестве императора Российского по приглашению королевы Виктории.

Николай II и Георг V

Наследник престола, Александр II, побывал в Лондоне в 1839 году и остался вполне доволен теплым приемом, оказанным ему в столице в том числе и со стороны премьер-министра лорда Мельбурна.

Когда же цесаревич Николай, будущий император Николай II, прибыл в Лондон на свадьбу своего кузена Георга V, не было числа забавным курьезам: двоюродные братья были настолько похожи, что Николая то и дело принимали за жениха, о чем писала в письмах и дневниках сама королева Виктория.

Служил Лондон и приютом для русских изгнанников — пожалуй, самым известным из них был Александр Иванович Герцен, прибывший туда 25 августа 1852 года: «С уважением, с истинным уважением поставил я ногу на английскую землю», — писал он о своем приезде в Лондон. Именно он положил начало «Лондонской вольнице» — политической эмиграции, которая вела активную идеологическую и культурную работу.

Русский Лондон — это и напольная мозаика Анрепа в Национальной Галерее с гордым профилем Ахматовой, и белоснежный Айви Хаус в Голдерз Грин — любимый дом Анны Павловой...

АНРЕП И АХМАТОВА — МОЗАИКА СУДЬБЫ

Но между нами океан,
И весь твой лондонский туман,
И розы свадебного пира,
И доблестный британский лев,
И пятой заповеди гнев, —
И эта ветреная лира!

Марина Цветаева.

Искательница приключений

Посетители знаменитой Национальной галереи в Лондоне, чье здание по проекту архитектора Уилкинса украшает собой северную сторону Трафальгарской площади с 1838 года, конечно же, приходят сюда полюбоваться 2000 шедеврами западноевропейской живописи — Рафаэль и Рубенс, Ван Дейк и Тициан, Гейнсборо, Констебл и Тернер... Безусловно, не стоит искать здесь картины русских художников. А если смотреть не только на стены, но и на пол, и искать не картины, а мозаику? Мозаику, выполненную талантливым русским художником Борисом Анрепом, который когда-то по своей воле оставил Россию навсегда и большую часть своей жизни провел в Британии, подарив Лондону частичку России.

Корни его родословной уходят к временам Петра Великого, когда один из фон Анрепов был захвачен в плен в числе воинов шведского короля Карла XII. Впервые Борис попал в Лондон в 16 лет, когда родители послали его в Британию изучать английский язык. Мастерству мозаики учился сначала в Петербурге, потом в Италии и на Ближнем Востоке, в Париже, Лондоне и даже Эдинбурге.

Благодаря своему другу, английскому художнику Огастасу Джону, Анреп знакомится с литературной и художественной элитой Лондона того времени, входит в круг друзей Вирджинии Вульф — его первая персональная выставка в Лондоне состоялась в 1913 году и имела большой успех.

Будучи женатым на русской аристократке Юнии Хитрово, Анреп приводит в дом и другую даму сердца, Элен Мейтленд, которая родила ему двоих детей. Кроме того, у него была еще одна пассия, Оттолин Морелл, сестра Вирджинии Вульф.

Тем не менее талантливому и неотразимо обаятельному русскому прощали все даже в чопорном высшем свете — в 1914 году он начинает работать над фресками и мозаичными криптами в католическом Вестминстерском соборе

Лондона, оформляет мозаики в богатейших частных домах, впоследствии перевезенные в галереи Бирмингема, создает мозаичный пол в зале Блейка в галерее Тейт, в православной греческой церкви Лондона.

Начинается Первая мировая война... Как офицер запаса, тридцатидвухлетний Анреп возвращается в Россию и два года проводит на фронте, участвуя в боях в Галиции и Закарпатье, а в 1915 году, в Вербную субботу происходит его судьбоносное знакомство с Анной Ахматовой. По горькой иронии судьбы их познакомил общий друг — Николай Недоброво, безнадежно влюбленный в «гибкую гитану», как называли Ахматову в молодости. Еще до знакомства Ахматовой и Анрепа, Недоброво писал ему об Анне: «Красивой ее назвать нельзя, но внешность ее настолько интересна, что с нее стоит сделать и леонардовский рисунок, и генсборовский портрет маслом, и икону темперой, а лучше всего, поместить в самом значащем месте мозаики, изображающей мир поэзии. Осенью, приехав сюда, я думаю, ты не откажешься ни от одной из этих задач».

Кто мог знать тогда, что этот совет Анрепу окажется пророческим? Много лет спустя, когда самого Недоброво уже не было в живых, Борис Анреп изобразит Ахматову в напольной мозаике «Compassion» («Сострадание») в Национальной галерее Лондона.

Судьба подарила влюбленным совсем немного времени: «семь дней любви, и вечная разлука», по выражению самой Ахматовой. Тем бесценнее были те крупинки счастья, которые она все же преподнесла им на блюдечке. Тем бесценнее был и тот мощнейший поток вдохновения, что пробудила в Ахматовой эта встреча и эта нечаянная любовь — именно Анрепу посвящено больше всего ахматовских стихотворений — более тридцати — в том числе и самые счастливые и светлые стихи о любви из «Белой стаи».

В 1916 году Анрепа командировали в Англию и, хотя он собирался туда на пару месяцев, но любящее сердце Ахматовой чувствовало, что разлука затянется надолго. Летом 1917 года в Слепневе Ахматова поминала его — навсегда оставившего Россию «лихого ярославца» — в своем певучем русском стихе:

Ты — отступник: за остров зеленый
Отдал, отдал родную страну,
Наши песни, и наши иконы,
И над озером тихим сосну.

А он же, вечно влюбленный в самую Любовь, в марте 1917 года, навсегда покидая Россию, на корабле по дороге в Англию безоглядно окунется в омут нового романа: на сей раз с сестрой жены своего брата Марией Волковой. Более того, он даже предложит ей жить в своем доме в Англии, и Элен, его вторая жена и мать его детей, будет вынуждена с этим смириться.

Там, «на зеленом острове», «в королевской столице» обретет он и покой, и славу, и «золотую клетку»...

Пройдут годы, Ахматова не раз еще «будет помянуть» свою великую любовь, превращенную в большое воспоминание, певучим русским анапестом... Но и Анреп не забудет о ней: в Национальной галерее в Лондоне, где ему предложат выложить многофигурную мозаику, он создаст в центре композиции под названием «Сострадание» («Compassion») лик Ахматовой.

Знаменитые мраморные напольные мозаики Анрепа, над которыми он кодовал долгие годы, начиная с 20-х, находятся на лестничной площадке широкой парадной лестницы Лондонской национальной галереи и состоят из четырех

Анна Ахматова

циклов: «Пробуждение муз», «Труды жизни», «Удовольствия жизни» и «Современные добродетели». При этом Анреп воссоздавал в медальонах мозаики узнаваемые лица своих современников в виде мифологических и аллегорических фигур. Так, например, Вирджиния Вульф была представлена Анрепом как Клио — муза истории, Грета Гарбо как Мельпомена — муза трагедии. Орел с лицом Уинстона Черчилля рвет когтями свастику — это «Избавление».

Площадка довольно большая и имеет несколько уровней: посередине — ее основная часть, к ней примыкают две боковые, куда ведут небольшие пролеты, а за колоннами, всего двумя или тремя ступеньками выше основной, располагается задняя площадка, на которой и расположена «ахматовская» мозаика, созданная в 1952 году. Она, как и все мозаики Анрепа в Национальной галерее — аллегорическая: на широкой рамке-каемке можно прочесть ее название. Юная и очень хрупкая Ахматова в голубом гимнастическом трико с короткими рукавами и глубоким вырезом лежит, чуть приподнявшись на неловко подогнутой кисти, в низком и вытянутом пространстве мозаики — ее длина в три раза больше высоты. Ее знакомая по портретам челка, неповторимый профиль, глаза...

И поза, и костюм здесь вполне уместны — по воспоминаниям современников, Ахматова всегда любила такое горизон-

тальное положение — сохранились и рисунки, и фотографии, подтверждающие это. Да и сам Анреп вспоминал, что во время их последней встречи она, говоря с ним, прилегла на кушетку.

Что касается костюма гимнастки, то юная Ахматова славила своей удивительной гибкостью, чем очень гордилась и «показывала, что может, перегнувшись назад, коснуться головой своих ног», рассказывая о том, что «в «могла вскарабкаться на крышу, чтобы поговорить с луной».

Трудно сказать, на какой крыше или облаке лежит она у Анрепа: перед ней — груда обломков, подсвеченных красным заревом пожарниц, а позади — черная яма, в которой копошатся какие-то изможденные полулюди — полускелеты. Вероятно, между двумя огромными бедствиями, двумя войнами, в блокадном Ленинграде, изобразил ее Анреп — под своим «тесным» небосводом и под защитой спасшего ее Ангела-хранителя...

В своей аллегории Анреп запечатлел главное — то, что Ахматова сама произнесет лишь много лет спустя в своем эпилоге к «Реквиему»:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Известно, что у Ахматовой было черно-белое изображение лондонской мозаики, присланное Анрепом после начала «оттепели». Но вот видела ли она живьем «свою» мозаику, когда приезжала в Англию за присужденной ей докторской мантией и останавливалась в Лондоне, где в ее честь состоялся торжественный прием в «доме номер

один» — Эпсли Хаус, бывшей резиденции Веллингтона, прежде чем отправиться в Оксфорд? К сожалению, свидетельств не осталось.

АННА ПАВЛОВА — «РУССКИЙ ЛЕБЕДЬ В ЛОНДОНЕ»

Но летит, улыбаясь мнимо,
Над Мариинскою сценой prima.
Ты наш лебедь непостижимый...

Анна Ахматова.

Поэма без героя

Так писала Анна Ахматова о своей тезке — великой русской балерине Анне Павловой, чья жизнь, да и «жизнь после жизни» тоже оказались тесно связанными с Лондоном. Вероятнее всего, в строчках Ахматовой речь идет о летящей Павловой в роли Сильфиды, которая необыкновенным образом ей подходила — эфирное создание неземной красоты на грани материального и духовного, внушающее любовь, дарящее неземное блаженство и вдохновляющее на подвиги. Судьба, казалось, забросила Павлову в Англию случайно — ее покровителю и возлюбленному Виктору Дандре, чиновнику Петербургского Сената, обвиненному в растрате правительственных денег, отпущенных на строительство Охтинского моста, грозил огромный денежный штраф. Ни сам Дандре, ни его аристократическая семья не могли набрать баснословной суммы в 36 тысяч рублей, и, узнав об этом, Павлова, прима Мариинского театра, неожиданно для всех соглашается подписать выгодный, но очень жесткий, практически кабальный контракт с известным в то время театральным агентством «Брафф» в Лондоне — мюзик-холл

«Палас» предложил ей 1200 фунтов в неделю. Это эфирное создание неземной красоты всегда балансировало на очень жесткой грани материального и духовного — не гнушалась великая малютка и выступлениями в частных резиденциях нуворишей, однако все деньги, заработанные каторжным трудом, тут же переправляла в Россию. Внесла залог, требовавшийся для вызволения Виктора из тюрьмы: несмотря на подписку о невыезде, Дандре после этого бежал из России по поддельным документам к ней, в Лондон.

Так Англия становится для Павловой второй родиной: в 1928 году в интервью американскому журналу «Данс мэ-гэзин» она так говорит о ней: «Именно в Англии нашла я, наконец, после долгих поисков и разочарований идеальное, по моим ощущениям, место. Во всем мире, чувствую я, не может быть другого дома, приносящего такое спокойствие и удовлетворение, как мой дом, в двух шагах от одного из величайших городов мира».

Великая балерина имела в виду Айви Хаус — «дом, увитый плющом»: роскошный особняк с колоннами, светлой неоклассической мебелью и ломберными столиками для игры в карты, окруженный английским парком с оранжереей, где цвели тропические растения и жили экзотические птицы, который они с Дандре арендовали на окраине Лондона, в Хэмпстеде. Этот дом с романтическим названием некогда принадлежал знаменитому художнику Уильяму Тернеру.

Павлова обожала свой лондонский дом, который, по ее словам, представлял собой убежище от суеты мирской, где она могла, наконец, остаться наедине со своими любимыми лебедями: открытая терраса особняка с целой поляной элитных тюльпанов выходила на великолепный пруд, в котором плавали ручные лебеди. Один из них — белоснежный и гордый красавец Джек — был любимцем Анны, как преданная

собака, он ходил за ней по саду, не боясь брать лакомство из ее рук. Дандре прекрасно обыгрывал образ Павловой — «русского лебедя»: сохранилось множество фотографий, запечатлевших Павлову на берегу озера, по зеркальной глади которого скользят прекрасные белые птицы. Знаменитого фотографа Лафайета Дандре специально пригласил на съемки в их уютное семейное гнездышко: тот сделал одну из лучших фотографий Анны с лебедем на коленях — его голова доверчиво лежит у нее на плече, обвивая тонкую шею балерины...

Анна Павлова и Джек в особняке Айви Хаус

Как писал английский балетный критик Артур Г. Фрэнкс, «несмотря на ее чисто английское окружение, несмотря на то, что она даже развлекалась на английский манер, Павлова всегда оставалась русской, мыслила, как русская, любила все русское». Особенно обожала она русское Рождество и, как ребенок, требовала живую елку, где бы ни была в момент праздника. А это могла быть и Австралия, и Аргентина, и Америка, и Европа — именно любящий и незаменимый Дандре старался выжать все возможное и невозможное из мировой славы Павловой, организуя бесконечные напряженные гастролы, стараясь застраховать себя и Анну от нищеты старости — век балерины, как известно, короток. За 22 года гастролей Анна Павлова, по подсчетам биографов, дала около 9000 спектаклей, изнашивая более 2000 балетных туфель в год, проехала на поезде более 500 тысяч километров, выступая и на открытой сцене под проливным дождем, и на цирковой арене. Работала, как каторжная, зарабатывала баснословные деньги, но и тратила безмерно — и на роскошь, и на экзотику, и на костюмы, и на благотворительность. Столько лет без отдыха, без отпуска. «Я должна работать, — как заклинание твердила она. — У меня на руках трупца. Если я не имею времени жить, то уж умирать я должна на ходу, на ногах». Так и случилось — великая балерина скончалась во время своих гастролей в Голландии, не дожив всего восьми дней до своего полувекового юбилея. Увы, даже сильфиды не обладают бессмертием... Тело Павловой перевезли в Лондон и после отпевания в русской православной церкви и последующей кремации поместили на кладбище «Голдерс Грин». Вот как вспоминал об этом сам Виктор Дандре: «...Мое великое желание состояло в том, чтобы Павлову похоронили недалеко от дома, где она провела 20 лет своей жизни и который так любила. Павлова не

однажды высказывала свое одобрение принципу кремации, и после совета с друзьями и с православным священником я остановился на этом».

В колумбарии «Голдерс Грин» ее соседями стали знаменитые на весь мир англичане: актриса Вивьен Ли, бывший премьер-министр Великобритании Невилль Чемберлен, первооткрыватель пенициллина Александр Флеминг, психоаналитик Зигмунд Фрейд, писатели Редьярд Киплинг, Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Брэм Стокер — это лишь небольшая часть великих и прославленных, обретших здесь свой последний приют.

А в одной из ниш колумбария Эрнста Джорджа вот уже почти 80 лет стоит белая мраморная урна в форме кубка, на котором написано: «Анна Павлова 23—1—31». Ее окружают принесенные поклонниками фарфоровые лебеди, статуэтка балерины и живые цветы. Чуть поодаль, в урне из зеленоватого оникса, покоится прах многолетнего партнера великой балерины Виктора Дандре, умершего в 1944 году, — он пережил Анну на 13 лет и, как ни пытался себя застраховать от нищеты, выжимая все возможное и невозможное из славы Павловой, умер в бедности. Воспользоваться деньгами великой балерины он так и не смог, поскольку общего счета с Павловой у него не было, а доказать, что он является ее законным мужем, Дандре не удалось. Он пытался заявить свои претензии на Айви Хаус, однако не смог предъявить никаких официальных документов: ни свидетельств о браке, ни свадебных фотографий, ссылаясь на то, что документы были утрачены после революции в России. Он лишь удостоился чести покоиться рядом с любимой Анной.

А бывший дом Павловой и Дандре в Лондоне действительно находится в двух шагах от крематория, где покоятся урны с их прахом. Разыскать его совсем несложно — доезжаете до

станции метро «Голдерс Грин», поднимаетесь по Норд Энд Роад, и перед вами на вершине холма тот самый легендарный Айви Хаус...

Удивительно, но в этом пасторальном районе, совсем недалеко от центра современного Лондона, до сих пор сохранились и высокие холмы, и лесные тропинки, волны пшеницы в полях и удивительная творческая атмосфера. Недаром в этих местах испокон веков селилась творческая интеллигенция: Джон Голсуорси заканчивал здесь свою «Сагу о Форсайтах», а Зигмунд Фрейд, чей дом-музей расположен неподалеку, закончил здесь свою жизнь — большой раком, в 1939 году он принял смертельную дозу морфия. Жили здесь скульптор Генри Мур и изобретатель Винни Пуха Александр Милн, генерал Шарль де Голль и поэт-романтик Джон Китс — сохранился его дом, ныне музей — Keats' House. Сохранился и знаменитый особняк балерины с мемориальной табличкой на стене, только вот в озере, увы, уже давно не плавают лебеди, и грустно смотреть на заросший лопухами берег и почерневший от времени памятник в центре — увенчанная лавровым венком балерина с лебедем у ее ног. Да и сам дом за долгие годы пришел в запустение — к зданию XVIII века был добавлен новый фасад, изменивший его до неузнаваемости, роскошные и элегантные интерьеры были уничтожены во время войны, когда здесь разместился военный госпиталь. Был здесь, правда недолго, и частный музей Павловой, затем общежитие Политехнического Университета и театральный институт, где студентов обучали актерскому мастерству и танцевальному искусству. Сейчас легендарный дом принадлежит лондонскому Еврейскому культурному центру — в 40-е и 50-е годы прошлого столетия в этот район переселялись евреи: одни из ист-эндского гетто в Спитлфилдсе, другие бежали из Европы, спасаясь от фашистов.

Остается только надеяться, что Культурный центр воздаст, наконец, заслуженные почести великой балерине. Пока же поклонникам Павловой приходится довольствоваться скромными выставками в ее честь, и кажется, что трогательный миниатюрный дух балерины до сих пор обитает в этом огромном старом доме...

Сильфиды, познавшие земную любовь, не могут жить вечно, а земные люди обретают бессмертие, продолжая жить в душах других людей, если их любят, помнят, поминают...

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ ЛОНДОНА

А по зову души издревле собирались русские эмигранты в лондонском приходе Кафедрального собора Успения Пресвятой Богородицы и Святых Царственных Мучеников, который является одним из старейших в Западной Европе.

Первый православный приход, именовавшийся «Греко-Российской Церковью», был основан еще во времена Петра I, во многом благодаря его легендарному визиту. Церковь была приписана к Российскому посольству и получала большую часть церковной утвари от Министерства иностранных дел. Именно этот приход посещала великая княгиня Ксения Александровна, сестра последнего российского императора Николая, проживавшая в одном из домов на территории дворца в Хэмптон Корте. Она находилась в храме и во время визита архиепископа Курского и Обоянского Феофана, который привозил в Лондон одну из самых почитаемых икон русского рассеяния — чудотворную коренно-курскую икону Божией Матери. Правда, в связи с активной перестройкой Лондона на протяжении последнего столетия, сейчас уже невозможно точно сказать, где именно находилась эта первая церковь.

*Собор Успения Пресвятой Богородицы
и Святых Царственных Мучеников в Лондоне*

Приход переезжал из здания в здание до 90-х годов XX века, когда, наконец, в западном Лондоне в районе Чизик на Гарвард-роуд (Harvard Road) под его нужды был выкуплен дом с большим садом. Именно там и был построен величественный собор Успения Божией Матери и Святых Благоверных Страстотерпцев: царя-мученика Николая и его августейшей семьи, которым посвящен нижний храм. Его голубой купол, украшенный звездами и позолоченным крестом — частичка России в этом тихом уголке Лондона.

При храме работает церковно-приходская школа, где по субботам дети из православных семей изучают Закон Божий, русский язык и литературу, изящную словесность и музыку, отмечают вместе дорогие нашему сердцу церковные праздники Рождества и Пасхи.

Второй православный приход в Лондоне — собор Успения Божией Матери и Всех Святых — ненамного младше своего

предшественника: он был основан в 1741 году как храм при русском посольстве, в 1923 году переехал в храм Святого Филиппа, а в 1956-м — в нынешнее помещение на Эннисмор Гарденс (Ennismore Gardens) — в бывший приходской храм Всех Святых англиканской церкви, построенный в 1849 году по проекту Льюиса Вуллиами по образу и подобию базилики XI века — Сан Дзено Маджоре в Вероне. Западный фасад храма был перестроен Гаррисоном Туансендом в 1892 году. Особого внимания заслуживает роспись над высокими арками, выполненная в стиле сграффито — при процарапывании специальными инструментами верхнего слоя штукатурки обнажаются слои других цветов. Над аркой в восточной части собора изображено Распятие с символом евангелистов, в западной части шесть круглых медальонов обозначают шесть дней творения, а фрески в верхней части стен нефа представляют собой библейские сцены и изображения святых, среди которых можно увидеть святую Маргариту — покровительницу приходской церкви Палаты Общин в Вестминстере.

Бывший англиканский храм успешно приспособили для православного богослужения — царские врата иконостаса, чьи иконы были написаны тремя учениками выдающегося русского иконописца Леонида Успенского, удалось спасти из храма при русском посольстве в Лондоне после Октябрьской революции. Многие другие иконы были пожертвованы храму частными лицами. Благодаря поддержке многочисленных друзей прихода, здание храма было приобретено в собственность в 1979 году.

А на Москоу-роуд (Moscow Road) в районе Бейсвотер расположился еще один православный храм, на сей раз греческий — собор Святой Софии, построенный в 1882 году по проекту архитектора Джона Скотта, сына сэра Джорджа Гилберта Скотта — архитектора мемориала принцу Альберту и вокзала Святого Панкрата.

ЛОНДОНСКИЙ ТРАНСПОРТ

Даже сплюснутый своими собратьями
в лондонской подземке, англичанин отчаянно
делает вид, что он здесь один.

Жермен Грир

MIND THE GAP, ИЛИ ТАЙНЫ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

«MIND THE GAP!!!» — эта загадочная фраза, рефреном звучащая в Лондонском метро, стала, по сути, одним из символов Лондона, а ведь всего-навсего призывает пассажиров к осторожности при входе и выходе из вагона — поскольку между новыми вагонами и платформой на старых станциях лондонской подземки существует приличный зазор. Впервые знаменитое «Mind the gap» прозвучало на Северной линии (Northern line) в 1968 году, а со временем стало неотъемлемой частью Лондонского метро (или, как его называют, Tube — труба) — старейшего в мире и, в своем роде, уникального. Метро, где поезда могут серьезно задерживаться в часы пик, а на платформах собираются толпы народа. Метро, в вагонах которого уютные плюшевые сиденья, а на многих станциях подняться наверх пассажирам предлагают с помощью лифтов, при этом, конечно же, есть и лестница с парой сотен ступенек — для сильных духом и крепких телом. Метро, в котором проживает и прекрасно себя чувствует целое мышинное королевство. По статистике, в лондонской подземке обитают около полумиллиона мышек, которые и представить себе не могут, что уже попали на страницы книг, — телеведущая ВВС Антеа Тернер и ее сестра Уэнди написали целую серию о мышках Лондон-

ского метро. Чаще всего их можно повстречать на станции «Ватерлоо» и «Оксфорд Серкус».

Лондонское метро, как и московское, давно стало неотъемлемой частью городской повседневности. Великие города порождают свое подобие под землей, своего подземного двойника, отраженного в мире зазеркалья. Воистину, Лондонское метро — огромный город под городом, раскинувшийся на площади в 620 квадратных миль, старейшее метро в мире. Даже трудно себе представить 480 км подземных ходов и тоннелей под Лондоном, реки, погребав римского правления, древние склепы, сокрытые под мостовыми и тротуарами.

Первые планы создания транспортного сообщения под улицами Лондона появились еще в середине XIX века. После принятия одного из проектов в 1860 году за три года открытым способом проходки была сооружена Метрополитен-рэйлвей от вокзала Паддингтон до Фаррингдон-стрит, ставшая триумфом викторианской изобретательности.

Любопытные факты о Лондонском метро

— Лондонский метрополитен — один из крупнейших в мире, его сеть состоит из 11 линий общей протяженностью 402 км, из которых 45 % проходит под землей. По суммарной длине линий метрополитен занимает четвертое место в мире после Сеульского, Пекинского и Шанхайского. Лондонское метро насчитывает 270 станций.

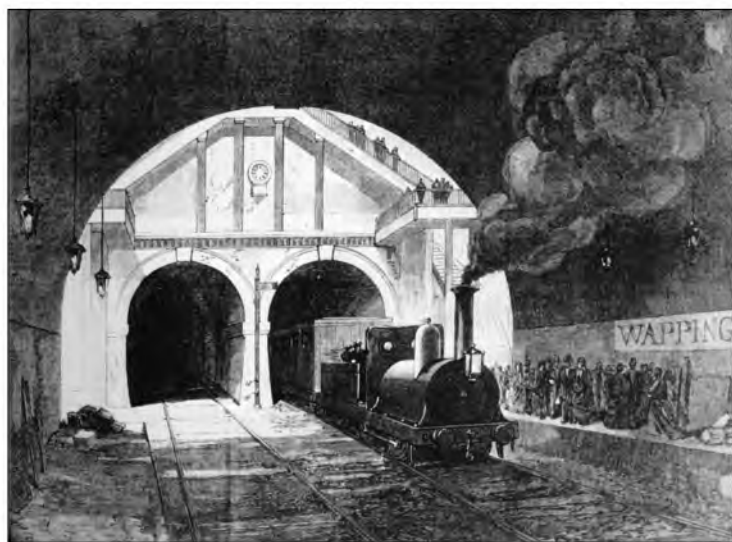
— Лондонский метрополитен в среднем перевозит более 3 миллионов пассажиров в день. По годовому пассажиропотоку он занимает одиннадцатое место в мире и третье в Европе после Московского и Париж-

ского. Сеть Лондонского метро обслуживает большую часть Большого Лондона, а также частично графства Бакингемшир, Хартфордшир и Эссекс.

— Лондонский метрополитен — старейший в мире. Его первая линия, которая называлась Метрополитен лайн, открылась 10 января 1863 года.

В 1890 году посредством туннельной проходки была проложена «железная дорога Сити и южного Лондона» — именно она первой удостоилась названия «the tube» («труба») и стала первой в мире электрифицированной линией метрополитена. Правда, вагоны первой линии метро были весьма своеобразны — они не имели окон в силу того соображения, что смотреть под землей особо не на что, а из-за мягкой обивки их стали называть «палатами для буйных».

Когда-то лондонское метро было таким...

Самый первый эскалатор в Лондонском метро был установлен на станции «Эрлз Корт» (Earl's Court) в 1911 году. В то время это была настоящая диковина, и особо любопытные специально приезжали на «Эрлз Корт», чтобы опробовать нововведение на себе. Однако не все были столь отважны, чтобы прокатиться на чудо-ленте — явно требовалась наглядная агитация, и тогда находчивое руководство метрополитена нанимает инвалида с протезом по имени Вимперт Harris, чтобы он катался по эскалатору вверх-вниз целый день и, таким образом, убеждал самых нерешительных в том, что если даже он может сделать это, то уж здоровый человек и подавно. Правда, не все лондонцы соглашались на такие эксперименты — в частности, семидесятидевятилетний премьер-министр Палмерстон наотрез отказался от чести опробовать первую линию метрополитена, остроумно заявив, что в его возрасте желательно как можно дольше оставаться на земле, а не под землей.

А в 1906 году в Лондонском метро был поставлен еще один эксперимент — на станции Holloway Road линии Пикадилли был установлен экспериментальный спиральный эскалатор. К сожалению, оригинальная конструкция из двух спиралей, по которым вниз и вверх перемещались пассажиры, прослужила всего один день. Трудно сказать сегодня, что послужило тому причиной: то ли конструктивные просчеты, то ли головокружение озадаченных новинкой пассажиров. Известно лишь то, что спиральный эскалатор был уничтожен, и лишь совсем недавно одна из его частей, случайно обнаруженная на старой свалке, была передана в запасной фонд лондонского транспортного музея. Оригинальная идея была забыта на целых восемьдесят лет — в 1985 году японские инженеры из компании Mitsubishi Electric воссоздали спиральный эскалатор. Элегантный и оригинальный дизайн

позволил ему занять достойную нишу среди своих «классических собратьев» и сделать незаменимым в аэропортах, отелях, художественных галереях и торговых центрах.

К 1930 году Лондонское метро стало моделью и образцом для подражания в других странах — в это время как раз строилась знаменитая московская подземка, и Никита Хрущев отправил в Лондон делегацию для «обмена опытом». И это при том, что еще Сталин успел наградить управляющего лондонским метрополитеном Фрэнка Пика почетным Знаком Отличия Советского Союза — необычайная честь для директора тогда еще частного предприятия!

Любопытные факты о Лондонском метро

— Карта метро основана на диаграмме электропроводки и была разработана Герри Беком в 1931 году.

— Самая глубокая станция метро — «Хэмпстед» (Hampstead) — расположена на глубине 192 футов под землей.

— Самая оживленная станция — «Виктория» (Victoria) — перевозит 77 миллионов пассажиров ежегодно.

— Самое короткое расстояние — 0,16 миль — это расстояние между станциями «Лестер Сквер» (Leicester Square) и «Ковент-Гарден» (Covent Garden) на синей ветке, Пикадилли лайн (Piccadilly Line).

— Самый длинный в Западной Европе эскалатор в 318 ступеней находится в Лондоне на станции «Эйнжел» (Angel).

— Джулиан Ллойд Уэббер — британский виолончелист, брат известного композитора Эндрю Ллойда

Уэббера — стал первым из музыкантов, кто начал играть в метро.

— На станции «Банк» (Bank) больше всего эскалаторов — 15.

— Все 409 эскалаторов лондонской подземки еженедельно накручивают расстояние, равное пути, пройденному вокруг света дважды.

— Расстояние, которое поезда лондонской подземки проходят в течение года, эквивалентно 90 путешествиям на Луну и обратно.

Самой глубокой станцией Лондонского метро — 200 футов глубиной — могла бы стать станция «Бул-энд-Буш» (Bull and Bush) на Северной линии, между «Хэмпстед» и «Голдерз Грин». Первоначально планировалось окрестить новую станцию «Норс Энд», но персонал метрополитена предпочитал именовать ее как «Бул-энд-Буш» («Бык и Куст») по названию близлежащего знаменитого паба. В конце концов станция так и не была официально открыта, хотя ее и можно увидеть, проезжая по Северной линии.

Однако самой романтической и загадочной можно, пожалуй, назвать станцию «Олдвич» (Aldwych), расположенную вблизи Стрэнда — знаменитого района театров с выходом на улицу Саррей (Surrey). С самого ее открытия в 1907 году много лет через нее пускали специальные ночные поезда для любителей театра. Со временем были добавлены новые маршруты, что значительно разгрузило «Олдвич», а когда в 1994 году возникла необходимость замены лифтов, было решено, что более экономичным вариантом будет просто закрыть станцию. С тех пор туннели «Олдвича» облюбовали деятели кинематографа и создатели компьютерных игр: станция несколько раз фигурировала в сценах различных

кинофильмов, а в знаменитой компьютерной версии «Расхитительницы Гробниц» представляет собой одно из мест, посещаемых Ларой Крофт.

Таких станций-призраков, заброшенных, с обезлюдевшими платформами, со старыми рекламными щитами с выцветшими плакатами, около сорока. Самая старая из них — «Кинг-Уильям-стрит» (King William Street) — была построена в далеком 1890 году как северный терминал самой первой в мире подземки.

Не менее интересна и интригующая история подземных туннелей станции метро «Холборн» (Holborn, Central Line). Сам район, расположенный практически в сердце Лондона, известен как весьма оживленный деловой и юридический центр — и вряд ли сотни людей, спешащих каждое утро на работу в многочисленные офисы Холборна, догадываются о том, что под их ногами, помимо

Станция лондонской подземки «Бейкер-стрит»

петляющих тоннелей метро, раскинулся настоящий подземный мир, лондонское зазеркалье, который в свое время использовался под парковки транспорта, склады и даже офисы. Именно здесь располагалась подземная Телефонная Станция Кингсвей (Kingsway Telephone Exchange). Тоннели диаметром 5,5 метра были проложены на глубине 100 футов под землей.

Можно, конечно, поспорить насчет особой энергетики подземных глубин, но каждый день рассеянные пассажиры, спускаясь в недра своего метрополитена, оставляют там сотни забытых вещей — чаще всего ключи, мобильные телефоны, чемоданы и зонтики. Так, например, в 2010 году, было оставлено 38 000 книг, 29 000 сумок и 28 000 предметов одежды. Встречаются и более оригинальные экземпляры, среди которых часы «Ролекс» и сумка с 10 000 фунтов стерлингов наличными. Среди «коллекционных» — надувная кукла, грудные импланты, 2 человеческих черепа в сумке (оставил профессор медицины, а не серийный убийца), несколько стеклянных глаз, протез, инвалидное кресло, газонокосилка, лодочный мотор. И, наконец, уникальные экспонаты — целая садовая скамья (видимо, просто надоело тащить под мышкой), чучело гориллы и запечатанная коробка с тремя дохлыми летучими мышами.

По закону, если вещь остается не востребовавшей по истечении трех месяцев, ее передают в благотворительные организации типа «Красного Креста» или «Армии Спасения».

И ведь что удивительно, за всю долгую, практически полуторавековую историю лондонской подземки всего лишь 1 человек родился в вагоне метро. Случилось это в 1924 году на станции «Элефант и Касл» (Elephant & Castle) линии Бейкерлу (Bakerloo line). Имя новорожденной дали тематическое: Thelma Ursula Beatrice Eleanor — обратите внимание на начальные буквы.

Известно, что королевские особы не спускаются в чрево метрополитена, хотя и здесь бывают исключения — например, в мае 1939 году две очаровательные принцессы, Елизавета, будущая королева Великобритании, и ее сестра Маргарет, сопровождаемые своей гувернанткой Мэрион Кроуфорд, совершили первое в своей жизни путешествие на метро, потому как их бабушка, королева Мария, хотела, чтобы девочки познакомились с «реальным Лондоном».

Конечно, для королевы и ее окружения Лондонское метро никогда не сможет стать неотъемлемой частью повседневности, чего не скажешь о других жителях Лондона. Причем часть эта настолько сопряжена с жизнью простого лондонца, что когда архитектор Майк Келли решил окончательно покинуть шумный и деловой Сити, чтобы поселиться в пасторальном Херефордшире, он никак не мог примириться с тем, что ему больше не придется путешествовать в лондонской подземке. Сколько он себя помнил, метро было в его жизни всегда — сначала мальчишкой он ездил в школу, потом в колледж, потом на работу. Майк неоднократно признавался в своей сентиментальной привязанности к лондонскому метрополитену, особенно к вагонам 1959 года, и очень опечалился, когда узнал, что в 90-х годах прошлого XX века было принято решение отправить их на списание.

Майк не только помнил свой любимый тип вагона, он помнил номер того самого заветного, из детства, на котором он ездил в школу, — вагон номер 1304. Свой заветный вагон он нашел на запасных путях в депо Северного Лондона, купил его и установил в своем саду в Херефордшире, соорудив что-то вроде рельсовых путей. На лобовом стекле вагона еще сохранилась надпись, что он следует до станции «Финчли Централ» через «Банк», а, главное, на удивление органич-

но смотрится в обрамлении окружающей зелени и радуется сердцу своего хозяина — верного поклонника Лондонского метрополитена.

ОТ КАБРИОЛЕТА ДО ДАБЛДЕКЕРА...

Не каждому, однако, удастся вернуть себе кусочек счастливого детства. А что, если действительно одолела ностальгия по старым вагонам метро, омнибусам, первым двухэтажным автобусам-даблдекерам, знаменитым красным Рутмастерам с открытой площадкой, на подножке которых так сладко было целоваться в далекой молодости? Что, если кому-то захочется вернуть Лондон времен Чарли Чаплина, вернее, времен его детства, о котором он так трогательно пишет в своей автобиографии? Конечно же, это был другой Лондон — прежде всего, он был нетороплив. «Нетороплив был темп жизни, и даже лошади, тянувшие конку вдоль Вестминстербридж-роуд, шли неторопливой рысцой и степенно поворачивали на конечной остановке

Старый даблдекер

возле моста». Чарли вспоминает Лэмбет весной, какие-то мелкие, незначительные эпизоды: «вот я еду с матерью на империале конки и пытаюсь дотянуться рукой до веток цветущей сирени; яркие билеты — оранжевые, голубые, красные и зеленые — покрывают, словно мозаикой, всю мостовую там, где останавливаются конка или омнибусы; на углу Вестминстерского моста румяные цветочницы подбирают пестрые бутоньерки, ловкими пальчиками заворачивая каждую вместе с дрожащим листом папоротника в блестящую фольгу; влажный аромат только что политых роз пробуждает во мне неясную грусть; в унылые воскресенья бледные родители прогуливают детишек по Вестминстерскому мосту — в руках у детей ветряные мельницы и разноцветные воздушные шары; пузатые пароходики, плавно опуская трубы, проходят под мостом. В восприятии этих мелочей рождалась моя душа. Таким был Лондон моего детства, моих первых впечатлений и воспоминаний».

Увы, вряд ли получится вернуть румяных цветочниц и пузатые пароходики, а вот увидеть воочию конки времен Шерлока Холмса, первые кабриолеты и омнибусы, завезенные из Парижа, первые двухэтажные трамваи 1870-х годов, заглянуть в старый вагон метро с его восковыми пассажирами вполне возможно, посетив Музей лондонского транспорта рядом с метро «Ковент-Гарден», который как раз и располагается в здании бывшего цветочного рынка.

Филиалом музея является и депо Эктон (Acton Depot) в Западном Лондоне, где можно увидеть остатки того самого первого в мире легендарного спирального эскалатора.

Возможно и прокатиться по Лондону на старом Рутмастере — красном даблдекере с открытой задней площадкой, ставшем символом лондонского транспорта. Правда, почетных ветеранов, оставшихся в строю, всего два —

номер 5, который следует от Тауэра до Трафальгарской площади и номер 9 — от Альберт-холла до Олдвича.

А вот для тех, кто не особенно любит передвигаться общественным транспортом и предпочитает свободу и ветер в лицо, будет интересен Лондонский музей мотоциклов — удивительно скрупулезная коллекция всех самых лучших британских мопедов, велосипедов и скутеров.

ЛОНДОНСКИЙ МИР МУЗЕЕВ

Музеи Лондона — это особый, удивительный мир. Платные и бесплатные, государственные и частные, классические и экзотические, на любой вкус и настроение, они радушно принимают своих посетителей.

Знаменитый Британский музей, который, как правило, в первую очередь посещают гости столицы, обязан своим возникновением королевскому доктору Ганцу Слоану (1660—1753). Ирландец по происхождению, Слоан был личным лечащим врачом королевы Анны, после которой лечил еще и двух Георгов из династии Ганноверов — I и II. Страстный исследователь и коллекционер, он с детства обожал наблюдать за жизнью животных и растений. Счастливый случай подвернулся в 1687 году, когда вместе с герцогом Албермарлем, назначенным губернатором Ямайки, Слоан отправляется на Карибские острова, где собирает свою коллекцию из 800 видов растений, а также впервые пробует какао с водой — напиток, который местные использовали в качестве лечебного средства. Найдя сию смесь «тошнотворной», Слоан предложил свой вариант — смешивать какао с молоком и сахаром, что и было немедленно оценено по достоинству его высокородными пациентами. Именно этот рецепт «молочного шоколада Слоана» взяло на вооружение семейство Кадбери, создавая свою будущую шоколадную империю.

Удачная женитьба позволила ему продолжать коллекционирование — Слоан с удовольствием скупал и чужие коллекции, а на удивление долгая жизнь (93 года отмерил ему Господь) помогла коллекции разрастись до огромных размеров. Доктор с удовольствием показывал раритеты всем своим

друзьям и знакомым, среди которых, правда, не все могли оценить их по достоинству, — однажды композитор Гендель сильно раздосадовал Слоана, положив горячую булочку с маслом на одну из его редких книг. Чувствуя дыхание смерти в 1753 году, Слоан за 20 000 фунтов стерлингов предлагает государству свою обширную коллекцию — 50 000 книг, 32 000 медалей и медальонов, образцы флоры и фауны, карты и манускрипты. Сумма, безусловно, была немалая, если учесть, что среднее годовое жалованье в XVIII веке составляло примерно 5 фунтов, однако эксперты установили, что стоимость коллекции никак не меньше 80 000, так что со стороны Слоана это был на удивление щедрый жест, которым и поспешило воспользоваться государство, разместив коллекцию в особняке Монтэгу в районе Блумсбери и положив, таким образом, начало Британскому музею.

Коллекция, однако, продолжала расти, в основном, благодаря дарам великих и знаменитых — внес свой посильный вклад и Сэр Уильям Гамильтон, посол Британии в Неаполе — тот самый Гамильтон, чьей супругой стала великолепная Эмма, впоследствии покоровшая сердце адмирала Нельсона. Уильям отличался тонким вкусом и обширными знаниями, собирал антиквариат и предметы римского и греческого искусства. Экспедиции капитана Кука добавили немало интереснейших экспонатов в коллекцию, включая скелет первого кенгуру, когда либо виденного в Европе. Особняк Монтэгу становился тесноват для разрастающейся коллекции, а после покупки скульптур Парфенона у лорда Елгина и вовсе затрещал по швам. В 1823 году архитектор Роберт Смирке предложил новый проект здания музея на месте старого особняка, который включал в себя и внутренний дворик с садом — им, правда, пришлось пожертвовать, так как библиотека музея, начало которой положили книги Слоана, тоже росла, как на

дрожжах: свои коллекции книг подарили Эдвард Харли и Роберт Коттон, не остался в стороне и король Георг II. В итоге на месте сада вырос купол читальной комнаты по проекту Антонио Паницци — по образу и подобию Пантеона Адриана в Риме. Счастливыми обладателями читательских билетов были и юный Диккенс, и Оскар Уайльд (правда, его билет был аннулирован после злополучного скандала), а также Киплинг, Шоу, Оруэлл, Теннисон, Карлайл и Агата Кристи. Карл Маркс работал там над своим «Капиталом», а Ленин писал статьи для газеты «Искра» под псевдонимом Якоб Рихтер. И даже Шерлок Холмс, детектив всех времен и народов, не обошел своим вниманием легендарную библиотеку.

В 1998 году разросшаяся библиотека переехала в новое здание на Сейнт Панкрас. Там же можно увидеть и читальный стол Джейн Остин, и две копии Магны Карты — Великой хартии вольностей, и рукописи песен «Битлз», полюбоваться великолепно иллюстрированным Евангелием из Линдисфарна и услышать голос Вирджинии Вульф.

В 1881 году покинула Британский музей и его знаменитая коллекция природных экспонатов, переехав в Кенсингтон, в новое здание в романском стиле, украшенное скульптурными изображениями животных и растений по проекту архитектора Альфреда Вотерхауса. Инициатива создания *Музея естественной истории* (*Natural History Museum*) принадлежала принцу Альберту, мужу королевы Виктории, а построен он был на доходы от Великой выставки 1851 года. Огромная коллекция включает в себя 55 миллионов видов животных и насекомых, 9 миллионов окаменелостей, 6 миллионов видов растений, свыше 500 000 камней и минералов, а также 3200 метеоритов. Есть здесь и ископаемая птица Додо, и модели динозавров, и скелет голубого кита, а также недавно созданный Дарвиновский центр.

По соседству с Музеем естественной истории расположился и *Музей науки* (*Museum of Science*), и *Музей Виктории и Альберта* (*Victoria and Albert Museum*), основанный в 1852 году. Ныне его коллекция охватывает более чем 200 лет истории человеческого искусства, дизайна, индустрии и производства, включая ювелирные украшения, костюмы, скульптуру, картины и фотографии.

Великолепное созвездие этих всем известных музеев, которые, кстати, бесплатны для посещения, быть может, затмевает собой не такие знаменитые, но не менее очаровательные дома-музеи, коллекции и экспозиции, многие из которых спрятались в тихих старинных улочках или на окраинах Лондона.

Британским музеем в миниатюре называют в Лондоне *Музей Каминга* (*Cuming Museum*, 151 Walworth Road), расположенный на южном берегу Темзы в историческом

Британский музей

районе Саутворк. Ричард Каминг и его сын, Генри Сайер Каминг, на протяжении двадцати лет с воодушевлением собирали свои сокровища. Коллекция, которую в итоге Генри подарил Лондону в 1902 году, получилась знатная — около 100 000 экспонатов из области естествознания, археологии, этнологии, монеты, медали, пара туфель королевы Виктории, скальп краснокожего индейца из Северной Америки, кусочек потолка из комнаты, в которой умер Наполеон на острове Святой Елены, частичка жилета, в котором Карл I шел на эшафот, и даже отпиленная нога египетской мумии. А ведь все начиналось довольно безобидно — в пятилетнем возрасте Ричард Каминг получил от своей тетушки три окаменелости в подарок — остальное, как говорится, история. Его сын, такой же страстный коллекционер и эскцентрик, как и отец, заботясь о достойном размещении семейной коллекции, подарил Лондону еще и деньги на организацию музея, который открылся в 1906 году в Саутворке — пестрая и захватывающая история этого района представлена во втором зале музея. Интересно, что музей примыкает к местной библиотеке, которая расположена в здании, где в 1791 году родился знаменитый Чарльз Бэббидж — математик и изобретатель первого компьютера.

Если же душа просит праздника, то можно отправиться в Гринвич на юго-восток Лондона, где расположен огромный королевский парк со знаменитой обсерваторией сэра Кристофера Рена, где проходит тот самый Нулевой меридиан, что делит нашу планету на два полушария — Запад и Восток — и является точкой отсчета всех часовых поясов. Постоять на Меридиане — стальной блестящей ленте — считается хорошей приметой. В 1993 году Гринвичский меридиан получил прописку и в ночном небе Лондона — он отмечен ярким лазерным лучом зеленого цвета, который направлен

из обсерватории строго на север. Загадав желание на Меридиане и покормив шустрых серых белок, деловито спящих в парке, можно отправиться в очаровательный *Музей вееров* (*London Fan Museum*), где хранится самая большая в мире коллекция этих изящных и хрупких свидетелей блистательных балов прошлых эпох — более 3000 экспонатов всех сортов и мастей. А потом, конечно же, в Чайную комнату, где даже салфетки сложены в виде вееров, — побаловать себя чашечкой ароматного чая по-английски.

А если вдруг возникнет желание вернуться в детство, то к вашим услугам *Музей игрушек Поллока* (*Pollock's Toy Museum*), занимающий два скромных здания XVIII и XIX веков на улице Scala Street, объединенных в одно. Первоначально коллекция представляла собой наследие знаменитого мастера второй половины XIX века Бенджамина Поллока, изготовителя декораций и персонажей для викторианского кукольного театра.

Унаследовав отцовскую мастерскую в Лондоне, Бенджамин продолжил семейное дело и стал знаменит своими кукольными театрами «из полотна за пенни, выкрашенных двупенсовой краской», которые с удовольствием покупала и местная ребятня, и взрослые, ностальгирующие по временам своего детства. Среди его клиентов были такие знаменитости, как Чарли Чаплин и Роберт Льюис Стивенсон.

Со временем коллекция Поллока значительно разрослась — в комнатках, чуланчиках, в нишах на лестницах и коридорах музея — настоящее игрушечное царство: куклы крошечные и в человеческий рост, тряпичные, деревянные и механические, кукольные дома и театры, плюшевые мишки и милые сердцу безделушки со всех концов мира, из самых разных эпох и материалов, включая глиняную мышку из Древнего Египта — возможно, самую старую в мире игрушку.

И все же, пожалуй, нет лучшего способа погрузиться в прошлое, чем отправиться на экскурсию в «капсулу времени» — застывший в своей эпохе дом-музей какого-либо знатного человека, как правило, талантливого эксцентрика. Например, викторианского художника Лейтона, в особняке-студии которого (*Leighton House Museum*) можно найти и величественный Арабский зал с колоннами, фонтаном, веницианской мозаикой и витражами, и мавританскую плитку цвета морской бирюзы на стенах холла, соперничающую по яркости с оперением павлинов, застывших в стеклянных витринах, и чувственные картины хозяина.

Либо же навеститься в гости в Линли Самбурну — знаменитому карикатуристу викторианского журнала «Панч», чей дом и мастерская (*Linley Sambourne's House*), благодаря его наследникам, практически полностью сохранили интерьеры конца XIX века и его уникальную коллекцию картин и карикатур.

Благодаря наследникам, а правильнее сказать, вопреки им, сохранился неизменным и весьма неординарный дом XVIII века талантливого архитектора Джона Соана, которому Лондон обязан зданием Банка Англии. Рассорившись со своими сыновьями, не пожелавшими пойти по стопам отца, Соан лишает их наследства и вкладывает деньги в специальный фонд для создания собственного дома-музея (*Sir John Soane's House*), среди достопримечательностей которого, помимо его оригинального дизайна, человеческий скелет, римские урны для кремации, египетский саркофаг, эксцентричная коллекция архитектурных шедевров со всего мира, и даже мраморное надгробие его любимой собаки Фанни.

Воистину, дом, который хранит дух своих хозяев, продолжает жить. А что, если дом населен духами тех людей, которые существовали только в воображении того, кто его

создал? Как создал свой удивительный мир талантливый американский художник и коллекционер Денис Северс, влюбленный в историю Англии. В 1979 году он покупает четырехэтажный георгианский дом из коричневого кирпича по адресу: Фолгейт-стрит, 18 (Folgate Street), по большому счету, в качестве сцены для своей «застывшей драмы» о жизни вымышленной семьи французских ткачей-гугенотов по фамилии Джервис и на протяжении 20 лет по блошинкам и в антикварных магазинчиках скрупулезно собирает декорации — в доме нет ни одной непродуманной детали или предмета. Все десять комнат, в которых проходила жизнь Джервисов с момента их эмиграции в Англию в 1725 году и по 1919 год (так решил Денис), обставлены по-разному, потому как относятся к разным периодам жизни вымышленного семейства. Фотографировать и разговаривать в доме нельзя, телефон должен быть отключен.

Вот так, в абсолютной тишине, при горящих свечах (в комнатах нет электричества) начинается прогулка по дому — живому и говорящему. А говорят с нами сами предметы — мебель и портреты, одежда и украшения, еда и посуда — и трогательные записочки, к ним приложенные. Говорят за себя звуки — в камине трещит огонь, слышен скрип половиц, бьют часы, щебечет канарейка. На улице слышен лай собак, скрип колес проезжающих мимо карет, звон церковных колоколов — окна плотно зашторены, чтобы не мешала реальность XXI века. Говорят и запахи — в полуподвале на кухне пахнут румяные тосты, нарезанные яблоки и тесто, в спальне — цветы и ароматические шарики. Присутствие хозяев здесь практически осязаемо — ощущение, что они где-то рядом, только что покинули ту или иную комнату, не оставляет на протяжении всего времени — на столе лежит недочитанное письмо, на полу — разбитая чашка, на кресле — небрежно

брошенный чепец хозяйки. И чай не допили, и хлеб и фрукты не доели, кровать, да и ночную вазу рядом не успели убрать — лишь прикрыли веточкой лаванды. Девиз дома — «Вы либо видите это, либо нет» — и это непередаваемо удивительное ощущение, когда все-таки удастся увидеть, почувствовать, прожить на какое-то мгновение...

Юная королева Виктория

И не пугайтесь, если, отдернув полог кровати, вы увидите черную кошку, свернувшуюся калачиком на смятой постели, — она совершенно реальна, хотя и великолепно вписывается в декорации, богатые и изысканные. А вот на верхнем этаже — совсем другое измерение — участь ткачей в XIX веке, когда шелковая промышленность пришла в упадок, была печальна. Семейство обеднело до такой степени, что вокруг царит грязь, в потолке дыры, на стенах облупившаяся штукатурка, шторы превратились в лохмотья в махровом обрамлении пыли и паутины. Все, как в лучших традициях романов Диккенса. Зато здесь за окном слышны залпы орудий — торжественный салют в честь восхождения на престол юной королевы Виктории — надежда на лучшее и светлое будущее...

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ЛОНДОН — ПРОНИКНОВЕНИЕ В СУТЬ.....	8
Великая мозаика.....	8
Интересные факты о Лондоне.....	12
Имя, определившее судьбу.....	13
Сначала была Темза.....	15
Интересные факты.....	26
Мосты через Темзу, которые стоит увидеть	27
С чего начинается Лондон?	29
ЗНАКОМЬТЕСЬ, СИТИ!.....	34
Собор Святого Павла — душа Лондона.....	34
Великий Лондонский Пожар.....	36
Провидение сэра Кристофера Рена	43
«Светоч Мира» Холмана Ханта.....	47
Лондонский Сити — Птица Феникс, возрожденная в камне	58
Любопытные факты из жизни лорда-мэра	61
Шард — философия будущего.....	72
Место, где спит Поэзия.....	83
ВЕСТМИНСТЕР — ВТОРОЕ СЕРДЦЕ ЛОНДОНА	91
Легенды Вестминстерского Аббатства	91
Интересные факты.....	99
Легенда о «кольце пилигрима».....	102
Интересные факты.....	106

Парламент — прошлое и настоящее.....	112
Чарльз Бэрри и Август Пьюджин — союз во имя готики.....	118
История Британского Парламента.....	123
Большой Бен Святого Стефана.....	125
Интересные факты.....	128
Традиции незыблемы.....	129
Магия коронации.....	131
Легендарный камень.....	132
Тайны английской короны и знаменитые бриллианты.....	143
МРАЧНЫЕ ТАЙНЫ ТАУЭРА.....	151
Башни и мясоеды.....	151
Тайна Кровавой Башни: Ричард III — злодей или жертва посмертной клеветы?.....	156
Королевские узники Тауэра.....	159
Тауэрские счастливчики — знаменитые побег из мрачных застенков.....	169
Элис Вулф — единственная женщина, бежавшая из Тауэра.....	173
Самые древние обитатели Тауэра.....	179
СЕКРЕТЫ ТРАФАЛЬГАРСКОЙ ПЛОЩАДИ.....	183
ЗАГАДОЧНЫЙ СОХО.....	193
КОВЕНТ-ГАРДЕН — ТЕАТРАЛЬНЫЕ ДЕКОРАЦИИ ЛОНДОНА.....	200
Гений Иниго Джонса.....	202
Традиции гурманов — клуб бифштекса и лучшие устрицы от Томаса Рула.....	210

АНГЕЛ С ПЛОЩАДИ ПИККАДИЛЛИ.....	215
ЛОНДОН ДЕНДИ И ЭКСЦЕНТРИКОВ.....	219
Гениальная идея Джорджа Кавендиша.....	219
Джентльмен в голубом фраке.....	222
Скрудж из Саутворка.....	227
Тайны отеля «Савой».....	235
Знаменитый кот отеля «Савой».....	238
В гостях у Ритцев.....	239
ТОРГОВЫЙ РАЙ ЛОНДОНА.....	242
В царстве Бахуса.....	242
В гостях у Шляпника.....	244
Приключения парика.....	247
От парасольки до «робинзона».....	249
За понюшку табака.....	253
Империя Хэрродса.....	256
«Селфриджес» — второй или лучший?.....	261
Fortnum & Mason — танцуем от свечки.....	262
Маленькая чайная империя Twinings.....	266
ТАЙНЫЙ МИР ЛОНДОНСКИХ ТЕАТРОВ.....	270
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЛОНДОН.....	276
Уайтхолл — дворец-призрак.....	276
Интересные факты.....	282
Даунинг-стрит. В гостях у премьер-министра.....	288
Интересные факты.....	290
ЛОНДОН КОРОЛЕВСКИЙ.....	292
Тайны Букингемского дворца.....	292

Интересные факты из жизни	
Букингемского дворца.....	296
Сент-Джеймский дворец заявляет... ..	305
Прошлое и настоящее Кенсингтонского дворца	308
Великолепный Ричмонд.	
Кардинал и его Хэмптон Корт.....	311
Мистический Хэм Хаус.....	320
ТУМАННЫЙ ЛОНДОН ШЕРЛОКА ХОЛМСА.....	324
ЛОНДОН РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ.....	341
Анреп и Ахматова — мозаика судьбы.....	344
Анна Павлова — «русский лебедь в Лондоне».....	350
Православные храмы Лондона	356
ЛОНДОНСКИЙ ТРАНСПОРТ	359
Mind the Gap, или Тайны подземелья.....	359
Любопытные факты о Лондонском метро.....	360
Любопытные факты о Лондонском метро.....	363
От кабриолета до дабдекера.....	368
ЛОНДОНСКИЙ МИР МУЗЕЕВ.....	371

Научно-популярное издание
Исторический путеводитель

Донскова Ирина Ивановна

ЛОНДОН

Город парков и дворцов

Выпускающий редактор *И.В. Осанов*

Корректор *Р.Ф. Зайнуллина*

Верстка *Н.В. Гришина*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 28.08.2015. Формат 84 × 108^{1/32}.
Гарнитура «LazurskiC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 12. Тираж 1500 экз. Заказ .

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК «Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru